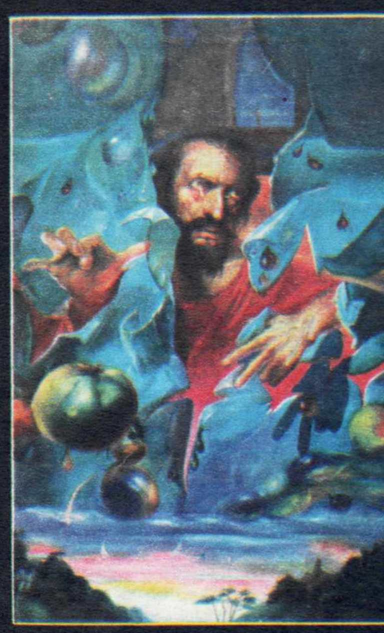
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
№ 24 ИЮНЬ 1989

А ВМЕСТО СЕРДЦА — ПЛАМЕННЫЙ МОТОР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 24 (3229)

10—17 ИЮНЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

На взлетной полосе.

Фото Александра ДЖУСА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ.

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

Сдано в набор 22.05.89. Подписано к печати 06.06.89. А 08861. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 6,3. Усл. кр.-отт. 14,35. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 3 350 000 экз. Заказ № 597. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

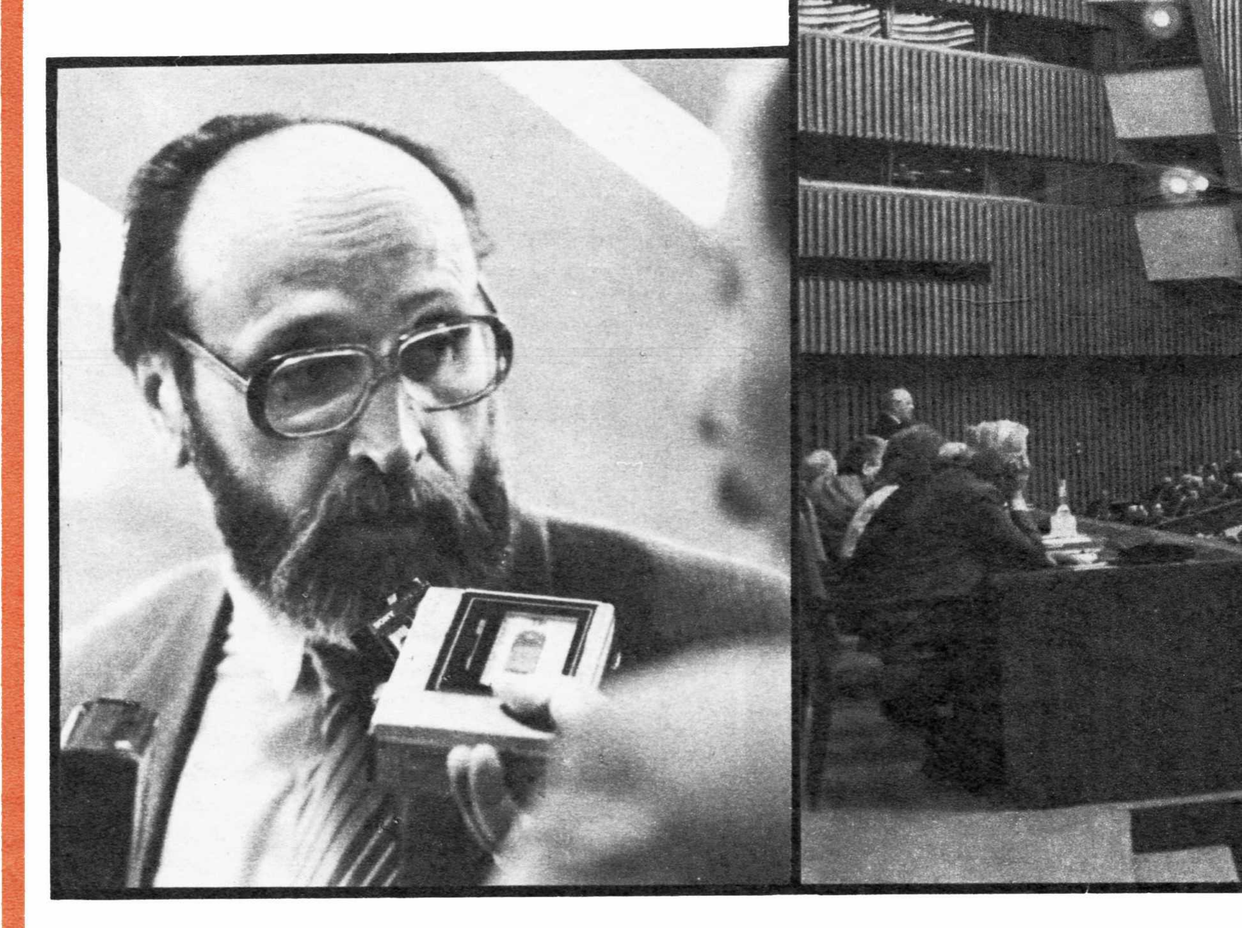
Телефоны редакции: Для справок: 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-59; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Секретариат — 250-46-98; Литературных приложений — 212-22-13, 212-23-07.

Телефакс (международный) (095) 943-00-70
Телетайп (внутрисоюзный) 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

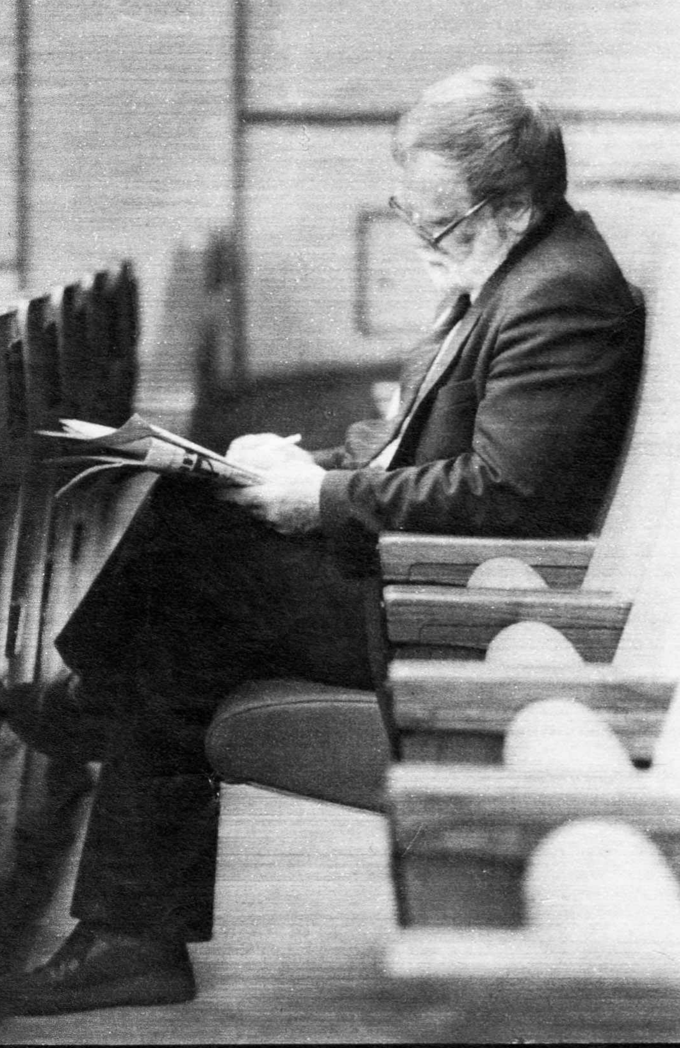
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА.

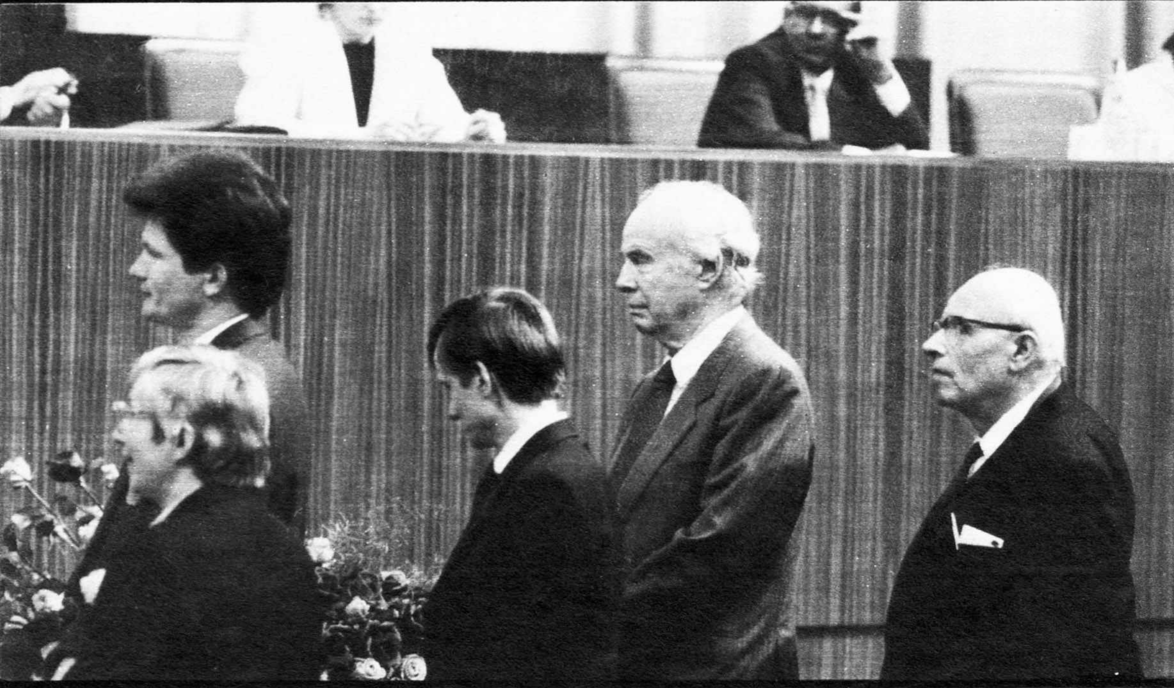

СТРАНА

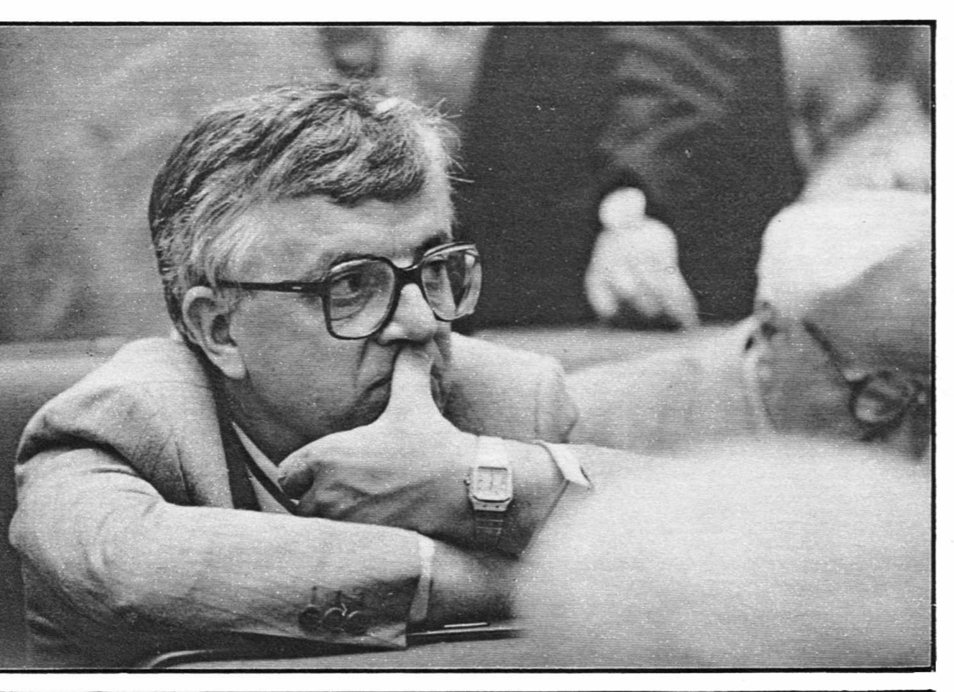
ЖИВЁТ

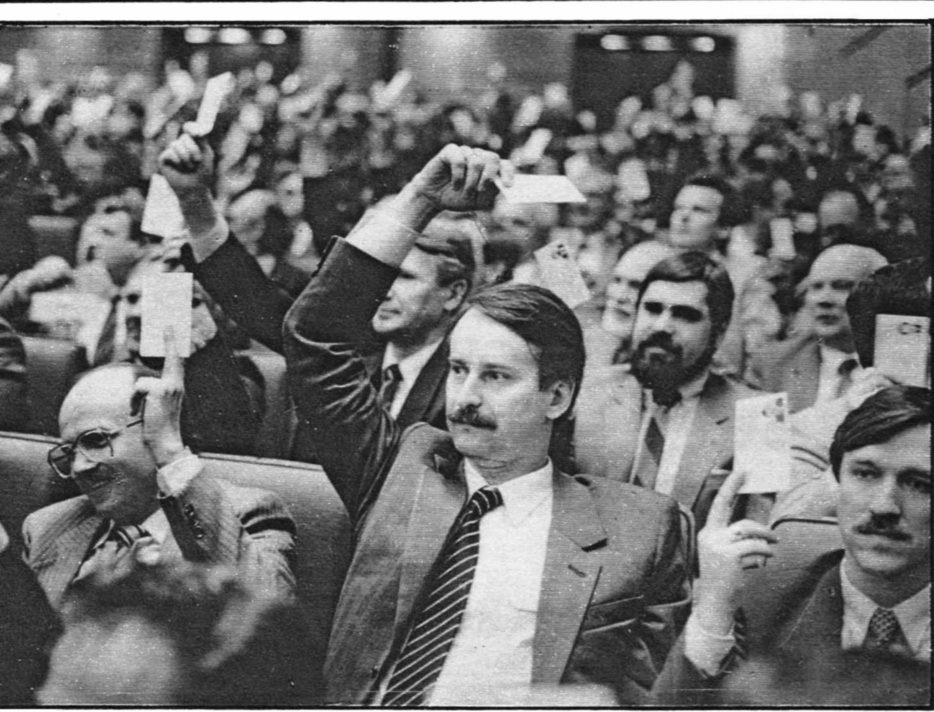

СЪЕЗД НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР ЗАХВАТИЛ ВСЕОБЩЕЕ ВНИМАНИЕ. ИНТЕРЕС К НЕМУ БЕСПРЕЦЕДЕНТЕН. ОГРОМНЫЕ МАССЫ ЛЮДЕЙ УЧАСТВУЮТ В ОБСУЖДЕНИИ ХОДА СЪЕЗДА, ПОВЕДЕНИЯ И ВЫСТУПЛЕНИЙ ДЕПУТАТОВ, ИХ ПОЗИЦИИ. СТРАНА ЖИВЕТ СЪЕЗДОМ. ПОТОМУ ЧТО ИМЕННО НА НЕМ РЕШАЕТСЯ ВОПРОС БУДУЩЕГО. НАШЕГО С ВАМИ БУДУЩЕГО.

СЪЕЗДОМ

■

Первые дни Съезда были несколько сумбурные. И часть депутатов тут же поспешила объявить дискуссии болтовней, базаром. Кое-кто адресовался и к телеграммам, телефонным звонкам своих избирателей.

Но, во-первых, кто эти избиратели, сколько их? Во-вторых, все это уникальный опыт, советские люди к тому же впервые увидели, что раньше оставалось за политическими кулисами. В-третьих, даже на Западе с его демократическими традициями парламентские дискуссии порой переходят границы элементарной порядочности.

Главное же, никто на Съезде не предложил пока идеального варианта его организации.

За недовольством, по-моему, скрывается другое. Часть избранников народа, которая, судя по всему, приехала в Москву по привычке лишь голосовать за решения, принятые «наверху», торопит покончить с обсуждением процедурных вопросов. Эти депутаты солидаризовались с другой частью, которая долгие годы, также по привычке, правила от имени трудящихся все в том же узком кругу. И раздражение у этой, к сожалению, большей части депутатов вызывает не затягивание заседаний, превращение их якобы в говорильню, а опасения, чтобы наиболее демократически настроенные депутаты, составляющие, судя по голосованию, к сожалению, только около трети, решились впервые за последние 60 лет Советской власти сами участвовать в решении государственных дел. И что важно, не делегируя своих прав «вождям», а настаивая на выработке перестроечного курса прямо в Кремлевском Дворце съездов.

Вот почему демагогией попахивают обвинения тех, кому не по нутру процедурные вопросы. Их беспокоит точность формулировок любого регламента, их одинаковая обязательность для всех. А это единственная гарантия коллегиальности в решении государственных задач, избавления от произвола некомпетентности и безответственности за катастрофические провалы в политике.

В. ЛИСКИ,
заместитель начальника вокзала
«Таллинн»

■

Конечно, очень трудно сейчас на неостывшую голову и разрывающееся сердце давать объективную оценку всем выступлениям на Съезде народных депутатов, но тем не менее некоторые соображения мне хотелось бы высказать по поводу выступления народного депутата Василия Белова.

Сразу хочу сказать, что я люблю и разделяю Василия Белова «Канунов» и «Лада», не понимаю Белова — автора «Все впереди». Я согласна со многими положениями его выступления, но позвольте мне возразить по поводу зачитанного им письма избирателей об экономическом сотрудничестве с капиталистическими странами.

Один из наших маститых писателей высказал мысль, что крестьянские дети его поколения, по сути дела, учились марксизму-ленинизму по «Краткому курсу» (можно добавить, что не только крестьянские дети и не только его поколения учились и по сей день мыслят категориями этого учебника). Со всей определенностью можно утверждать, что наши многолетние идеологические оппоненты и противники не «проходили», а изучали произведения Маркса, Энгельса и Ленина. И смею утверждать, хорошо усвоили мысль В. И. Ленина, высказанную им в заключительном слове по докладу «О замене разверстки натуральным налогом» в марте 1921 года, что более всего «надо бояться того, что слишком долго продолжается состояние крайнего голода, нужды, недостатка продуктов, из которого вытекает уже полное обессиление пролетариата, невозможность для него противостоять стихии мелкобуржуазных колебаний и отчаяния».

Негоже СССР на 72-м году Советской власти бояться договоров с иностранными государствами, создания смешанных предприятий и зон свободного предпринимательства. Мы наелись квасного патриотизма сталинщины и автаркии. Мы должны в первую очередь научиться цивилизованно работать, если действительно хотим вернуться к ленинской модели социализма.

И. МАТЮШИНА,
кандидат исторических наук
Москва

■

Травля Сахарова с фактическим лишением его права защищаться, организованная частью депутатов, возмутительна, но вполне объяснима. Некоторые из них, рядящиеся ныне в тогу рьяных перестройщиков, в свое время покорным молчанием способствовали многим уродливым явлениям в жизни нашего общества, в том числе и афганской трагедии. Сахаров же не молчал. Именно этого они ему не могут простить и не простят никогда. Выходки, подобные спровоцированной на Съезде, не что иное, как предпринимаемые ими попытки увести от ответственности основных виновников связанной с Афганистаном горестной страницы нашей истории, а также снять всякую ответственность с самих себя. Особенно же страшно и больно оттого, что к числу хулителей примыкают и депутаты, имеющие все еще весьма смутное представление о том, кто такой для нашей страны Сахаров. Жив,, оказывается, курилка, стадный инстинкт. В этой ситуации позицию нейтралитета, занятую президиумом, считаю неприемлемой, ведь ему-то хорошо известна вся правда о Сахарове.

Простите всех нас, если можете, Андрей Дмитриевич.

А. ЧЕПИГА
Яр-Сале Тюменской обл.

■

Слушая выступления депутатов на Съезде, я считаю, что большинство из них — это люди, которые оправдывают доверие избирателей. Однако, вероятно, среди них есть и такие, которые не смогут решать

ПИСЬМА И ТЕЛЕГРАММЫ О СЪЕЗДЕ ●

КТО ТАКИЕ АРАБИСТЫ? ●

ИДИТЕ УЧИТЬ ДЕТЕЙ! ●

сложные вопросы, стоящие сегодня перед нашим обществом. Существующая система отзыва депутатов, если судить по прошлым годам, работает туго. Она позволяет отозвать депутата, лишь сильно скомпрометировавшего себя. День сегодняшний требует отзыва и тех депутатов, которые не совершили никаких предосудительных проступков, но просто оказались несостоятельными, слабыми депутатами. Отозвать такого депутата можно лишь в том случае, если будет создан механизм, который даст возможность избирателям оценить его деятельность и высказать свое мнение, которое будет учтено.

Таким механизмом мог бы стать промежуточный референдум — вотум доверия депутату. Проводить такой референдум можно было бы через определенный срок, например, через два года — срок достаточный, чтобы депутат проявил себя.

Перед референдумом депутатам должна быть предоставлена возможность выступить в печати, по радио, на телевидении с отчетами о своей деятельности. Должны быть проведены встречи депутатов с избирателями на широкой демократической основе с трансляцией этих встреч по радио и телевидению. Для подтверждения мандатов депутатам, думаю, вотум доверия должны высказывать избиратели национально-территориального округа всем депутатам, выдвинутым на территории данного округа, включая выдвинутых от территориальных округов и от общественных организаций. При этом в бюллетень референдума заносятся фамилии всех депутатов, и против каждой фамилии избиратель делает пометку «да» или «нет». В случае, если более половины участников референдума высказали «нет» какому-либо депутату, он отзывается, а на его место избирается другой депутат.

Такая мера позволит избирателям эффективно контролировать деятельность депутатов, а самим депутатам чувствовать ответственность перед народом. Подобный референдум принес бы только пользу нашему обществу. Он оздоровил бы состав депутатов, отсеяв случайных людей, поднял бы авторитет и укрепил доверие к оставшимся.

А. ПИСАРЕВСКИЙ
Запорожье

■

В связи с опубликованием постановления Пленума ЦК КПСС «Об аграрной политике КПСС в современных условиях» возникает ряд вопросов. Пленум принял решение упразднить Госагропром. Сказать, что взамен него принято решение образовать Государственную комиссию Совета Министров СССР по продовольствию и закупкам, было бы неверным, так как в тексте постановления указано о передаче функций агропромышленного производства союзным республикам. Оставлены ли агропромы союзных республик, из постановления неясно.

Неясна также судьба четырех отраслей промышленности (кроме Министерства сельского хозяйства и совхозов), которые при создании Госагропрома были включены в него. Эти министерства были обезглавлены, а отрасли промышленности лишились квалифицированного руководства. Какой орган теперь будет осуществлять управление этими отраслями промышленности? Ведь не комиссия же по закупкам?

В постановлении сказано: «В союзных республиках сформировать такие органы управления агропромышленным комплексом, которые имели бы необходимые функции для обеспечения быстрого роста производства продукции...». Видимо, подразумеваются органы управления, которые будут руководить выращиванием сельскохозяйственных культур. А кто будет осуществлять техническое руководство, например, предприятиями пищевой и мясо-молочной промышленности?

Признано необходимым упразднить Госагропром. Было бы последовательным признать ошибочным и его создание путем слияния шести министерств, образование неуправляемого конгломерата совершенно разнородных по своему назначению форм деятельности. Пленум поставил много задач перед сельскохозяйственными органами (пока неясно, какими), которые собираются создать вместо агропромов и РАПО. Только ничего не сказано о том, кто будет осуществлять техническое руководство над фактически бесхозными ныне предприятиями пищевой и мясо-молочной промышленности.

Г. СИДЛЯРЕВСКИЙ,
инженер
Одесса

■

Посылаю вам анкету, распространяемую районной социологической службой Калининского райкома КПСС Ленинграда,— о желательности (?) его переименования. На мой взгляд, она весьма примечательна.

Во-первых, сама мысль о переименовании подана в отрицательном контексте, как бы подталкивая к желательному ответу: «Сейчас некоторые граждане высказывают мнение, что наш район не может носить имя М. И. Калинина, так как он санкционировал нарушение демократических прав граждан страны, не противодействовал репрессиям и несет моральную ответственность за репрессии 30—40-х годов.

Есть и другое мнение:

М. И. Калинин не повинен в репрессиях, неоднократно в силу своих возможностей отстаивал демократические принципы управления, защищал людей от произвола. Сам пострадал — известно, что его жена была репрессирована. Противостоял антинародной политике, но большего сделать не мог. Поэтому за районом должно быть сохранено имя Калинина, верного соратника В. И. Ленина, являющегося частью славной истории нашей Родины».

Во-вторых, и это серьезнее, предлагается указать точный адрес и подписаться. Ни возраст, ни образование не интересуют районных социологов, а вот подпись... Не правда ли, результат опроса этим предрешен?

Возможные ссылки составителей анкеты на то, что они хотят узнать мнение жителей именно данного района, несостоятельны: я, например, получил ее в районном агентстве связи, куда из других районов, как правило, не ходят.

Словом, лишний раз убеждаешься, что аппаратные работники по-прежнему лишь «играют» в демократию.

С. ВИГДЕРГАУЗ
Ленинград

■

Я внимательно слежу за публикациями, посвященными жертвам сталинских репрессий, но нигде не встречаю упоминания об одной из категорий репрессированных — о тех, кого в лагерях называли «арабистами». А ведь их было немало (хотя безнравственно говорить о количестве, когда речь идет о безвинно погубленных человеческих жизнях). Вся вина этих людей состояла в том, что они были... грамотными, в том, что у них были найдены (и варварски уничтожены) книги на арабском алфавите.

В общесоюзной печати иногда встречаются скупые упоминания о насильственном переводе языков народов тюркской языковой группы — наследников великой древней культуры — с традиционной арабской графики в 1930 году на латинский, а в 1940 году — на славянский алфавит. Публикации на эту тему позволяют судить о катастрофических последствиях реформы алфавита для многих народов, культура которых была таким образом фактически оторвана от многовековых национальных корней. Но даже там не говорится о том, что реформа алфавита в 30-е годы сопровождалась массовыми репрессиями, причем не только в отношении интеллигенции, но и крестьян, не только в городах, но и в самых дальних горных и степных селениях. Арестовывали за книгу стихов Навои, старинный трактат о травах, бережно хранимые и передаваемые из поколения в поколение. Тысячи людей, в том числе стариков, стали узниками далеких северных лагерей и были фактически обречены на смерть. (А в оправдание создан пропагандистский миф о поголовной неграмотности и отсталости жителей южных республик, которым добрый отец народов подарил письменность.) Национальная культура подавлялась духовно, те, кто мог передать ее потомкам, уничтожались физически.

Об этой трагедии должны помнить не только их потомки, но и все мы.

А. АНТИПОВ
Ленинград

■

Недавно выдающийся музыкант современности Мстислав Ростропович восстановлен в членах Союза композиторов СССР. В Союзе писателей посмертно восстановлены Виктор Некрасов и Александр Галич. Эти решения производят впечатление какой-то половинчатости. Ведь в отличие от Академии наук уставные нормы наших творческих союзов не предусматривают статуса «иностранных членов». Думаю, что, принимая подобные решения, творческие союзы могли бы одновременно обратиться в Президиум Верховного Совета СССР с предложениями об отмене неправедных брежневских указов о лишении советского гражданства признанных творцов литературы и искусства, чья совесть перед своей страной и перед своим народом всегда была чистой.

В. БЛОК,
композитор
Москва

■

В последнее время на страницах нашей печати появилось несколько публикаций, посвященных проблемам «провинциальной культуры», а точнее, проблеме почти полного отсутствия духовной жизни в провинции. К сожалению, в этих публикациях только констатируется печальный факт, но не предлагается никаких средств для исправления сложившегося положения. Видимо, авторы полагают, что таковые средства будут изысканы вышестоящими директивными органами. Но разве не ясно, что наши директивные органы могут очень мало. К тому же проблема усугубляется тем, что сложившиеся между столицей и провинцией отношения метрополии и колонии вполне устраивают Административно-Командную Систему. Отсюда прямо напрашивается вывод, что изменить географическую ситуацию в русской культуре способны лишь согласованные действия представителей этой культуры.

Хотелось бы обратить внимание еще на один аспект существующего «разделения труда». Полнейшая деградация духовных начал в нашей «глубинке» привела к развитию сильнейшего комплекса неполноценности у остатков провинциальной интеллигенции. Зачастую этот комплекс проявляется в болезненном неприятии «столичной» культуры. Я имею в виду прежде всего группу наших писателей, которые настойчиво призывают вернуться «к истокам народной культуры», но почему-то главным средством борьбы за возвращение к истокам избрали произнесение гневных филиппик по поводу якобы насаждаемой неизвестными злоумышленниками массовой культуры западного образца.

Что же я предлагаю делать в сложившейся ситуации? Я предлагаю вспомнить, как решала аналогичную задачу русская интеллигенция во второй половине прошлого века. Тогда, правда, задача называлась так: «научить народ грамоте», а сейчас название звучит чуть по-другому: «научить народ культуре».

Поэтому я обращаюсь к лучшим представителям русской интеллигенции. Дорогие товарищи! Вам не тесно в вашей (нашей) столице? Вы ведь уже дошли до того, что размножаетесь там почкованием (как МХАТ). Вы издаете столько хороших журналов, что их некогда читать. А ведь нужно почитать еще и журналы плохие, потому что уж очень остроумно вы их высмеиваете. Короче, вы в значительной степени работаете сами на себя, совсем как наша тяжелая промышленность... Но что же вам делать в провинции, спросите вы? Да то же самое, что и в Москве,— писать книги, ставить спектакли, издавать журналы. А лучше всего — идите учить детей. Вы знаете, как надо преподавать музыку и изобразительное искусство, литературу и историю, а наш учитель не может ни на шаг отойти от безобразно написанного учебника.

С. ГУЛЕВИЧ,
кандидат
физико-математических наук,
преподаватель
Калининского университета

Наш адрес:
101456, ГСП,
Москва,
Бумажный проезд, 14.

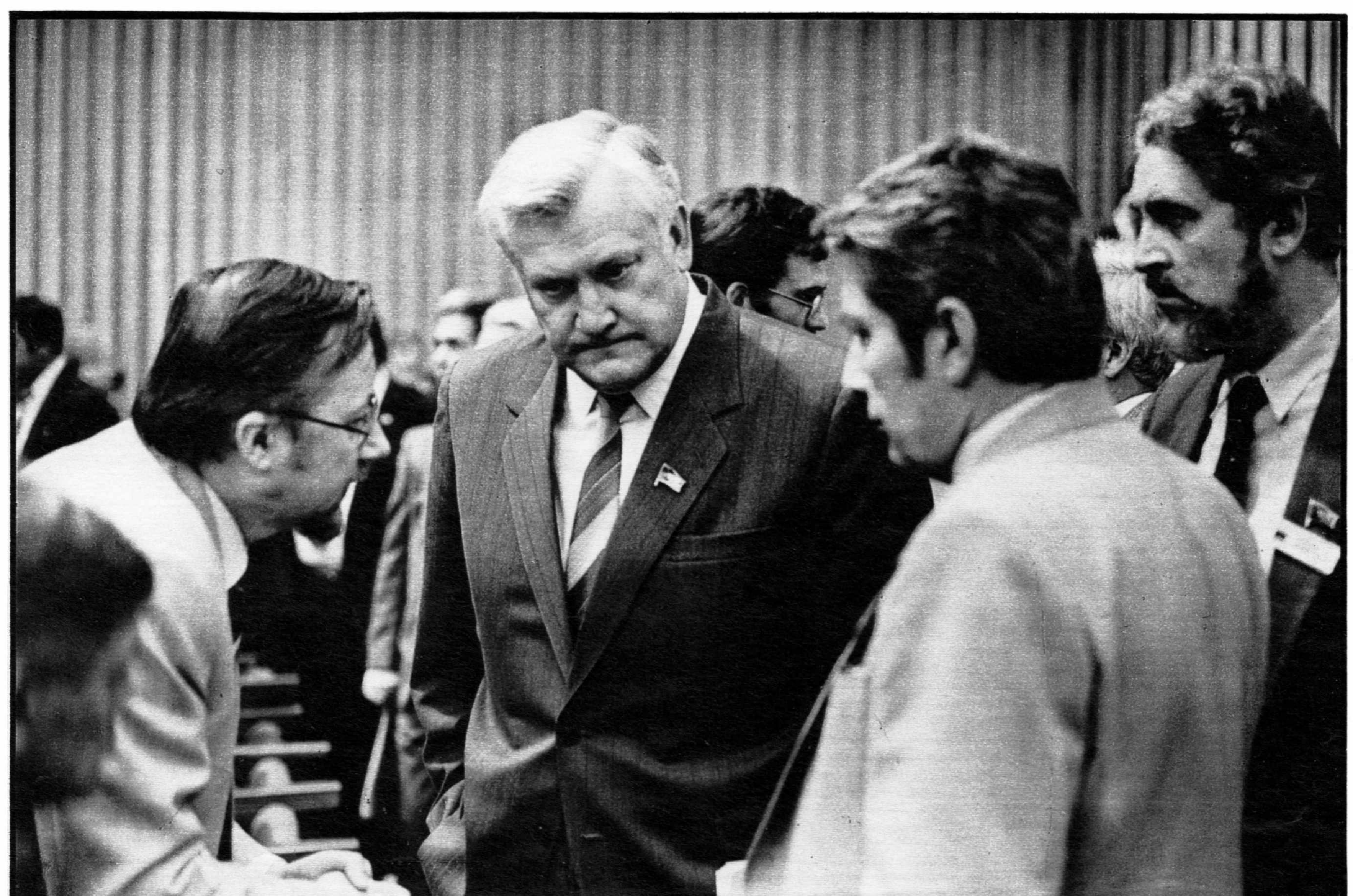

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА

РАЗВЯЖЕ

«Националистические силы, прикрываясь идеями перестройки, ведут дело на развал нашего социалистического Отечества. Азербайджан, Армения, Грузия, Молдавия, Средняя Азия и Прибалтика — вот регионы, где сегодня идет острая идеологическая борьба, где контрреволюция захватывает власть. Юг страны уж обагрен кровью невинных жертв. Национальная бюрократия, сомкнувшись с мафией, встала во главе антиперестроечных сил. Прикрываясь лозунгами защиты интересов нации, ее возрождения, она по сути дела защищает ту административно-командную систему, которая вот уже много лет обеспечивала ей эксплуатацию и присвоение труда советского народа». Сильные слова, не правда ли? Типографски растиражированные, предназначенные собравшимся на свой Съезд народным депутатам страны. А во вторую очередь — «к трудящимся Советского Союза». Прежде чем воскликнуть: «Социалистическое Отечество в опасности!», авторы (представляющие «Социалистическое движение за перестройку в Литве «Венибе-Единство-Едность», Советы городов Вильнюса и Клайпеды, Рабочую группу Каунаса») доверительно сообщают: «В Литве осуществляется ползучая контрреволюция. «Саюдис» захватил печать, радио, телевидение. Руководство республики находится под диктатом этой организации. Ставятся требования о создании собственной армии и выводе «оккупационных войск». Вышедшая из подполья Лига свободы Литвы и примыкающая к ней Литовская демократическая партия призывают литовцев, членов Компартии, выходить из ее рядов. Им вторит ЦК КП Литвы, публично обсуждая вопрос об автономии Компартии Литвы. Депутат Верховных Советов СССР и Литовской ССР К. Мотека в своем выступлении на сессии Верховного Совета республики объявил советский строй БЫВШИМ. Начались преследования коммунистов и людей, стоящих на принципиальных позициях перестройки».

Что перед нами? Мужественное и нонконформистское предостережение? Искреннее заблуждение? И что же там сегодня — в Литве: реставрация прошлого или прорыв к будущему? И кто более прав — лидер «Саюдиса», народный депутат В. В. Ландсбергис, явственно ощутивший опасность для страны вполне законных «наполеоновских» или «пиночетовских» переворотов, или, напротив, депутат от ВЛКСМ, инвалид афганской войны, бывший майор, а ныне комсомольский секретарь Червонопиский С. В., уверявший на Съезде, что «политиканы из Грузии и Прибалтики», а значит, и из Литвы, давно якобы формируют свои штурмовые отряды? Повезло — бурную ситуацию в Литве, столь характерную для всей Прибалтики, нам поможет объяснить человек сведущий и вполне объективный. Не будь этого, вряд ли прошел бы чистилище предвыборной борьбы, а потом удостоился права представлять республику в Президиуме Съезда. Выступая на нем, говорил об общей ситуации в республике телеграфно-коротко, но здесь, специально для читателей «Огонька», размышляет обстоятельнее, без спешки.

Беседа первого секретаря ЦК Компартии Литвы Альгирдаса БРАЗАУСКАСА с обозревателем «Огонька» Александром РАДОВЫМ

Кто он таков — Альгирдас Бразаускас? Что предшествовало в его жизни и судьбе тому моменту, когда полгода назад был избран партийным лидером Литвы? Об этом можно было бы узнать из официальной справки, но предпочтительнее для читателя — уверен в этом — услышать из уст моего собеседника.

— Я сам инженер, окончил факультет гидротехнического строительства Каунасского политехнического института. Было это в 1956 году.

— В инженеры пошли по призванию?

— Вполне. И до сих пор считаю, что это настоящая мужская работа — инженер-строитель. Созидательный труд: все, что сделал, можно увидеть глазами.

— Уже в детстве что-то мастерили?

— Мастерить не мастерил, а работал много. Мы в городе жили, но у брата отца хутор был и там сад, огород. Каждое лето я там проводил и научился всем сельским ремеслам.

— Хлебнуть не пришлось?

— Бедноты, что ли,— такой не было в семье. Но и излишнего — тоже никогда не было.

— Уже в институте прорезался у вас общественный темперамент?

— Пожалуй, нет. Там я спортом активно занимался. Сначала легкой атлетикой, потом парусным спортом. На яхте ходил и до Архангельска.

— А теперь остается время для спорта?

— Пятьдесят шесть лет — какой уж тут спорт. Но, как и каждый культурный человек, каждое утро начинаю с гимнастики. Убежден, что умственная культура без физической немыслима.

— Куда попали после вуза?

— Вначале работал инженером по качеству на строительстве Каунасской гидроэлектростанции. А потом, когда мне было 26 лет, назначили начальником стройуправления, да не маленького — было у меня 1200 подчиненных.

— Какие бабки вам ворожили?

— Да нет, протекций не было. Они и до сих пор не больно-то распространены в республике. Как, впрочем, и многие другие патологии. Например, коррупция.

— Чем объяснить?

— Традициями, более жестким социальным контролем — тесно живем, друг друга хорошо знаем. Итак, бросили меня в воду — плыви! А руководящего опыта — кот наплакал. Но справился и через год получил другое, еще более

сложное стройуправление. Когда исполнилось тридцать два года, назначили министром. Перед этим успел поработать начальником управления республиканского совнархоза. В 1967 году, то есть в возрасте 35 лет, стал первым заместителем председателя Госплана республики, где вел капитальное строительство. В этом кресле пробыл 10 лет, защитил кандидатскую диссертацию.

— Не пришлось прибегать к помощникам?

— С диссертацией? Нет, все сам, хотя, честно скажу, потом многие пытались отыскать моих «негров». Не нашли!

— А тема диссертации?

— Математическое моделирование размещения производительных сил. В 1977 году стал секретарем ЦК по экономике, в этой должности 11 лет.

— Не было недостатка в политическом образовании? Или приходилось добирать самообразованием?

— Та область, в которой я работал, особой политической грамоты от меня не требовала: экономику я знал. А вот теперь, когда избран первым секретарем, приходится трудно: надо иметь дело с вещами, с которыми прежде не сталкивался.

— Обладая конкретными знаниями и практическим опытом, вы не можете не испытывать соблазн — подменять подчиненных, лезть в конкретику. Но вы, как слышал от многих, этого не делаете. Это требует усилий воли?

— Я давно понял, что надо всерьез заниматься кадрами, их как следует расставлять, а не за них работать. В том же случае, когда мы, партийные руководители, рвемся работать за подчиненных,— порядка не будет. Нет, каждый должен отвечать за свою работу.

— Теперь, если можно, расскажите о своей семье.

— Ну что ж. Моя супруга — врач-фтизиатр. Год назад вышла на пенсию. на что направлены сегодня наши притязания,— суверенитет республики, но с точки зрения современного, а не старого мышления. Мы из того исходим, что республика, не наша только, а любая союзная республика, должна иметь несравненно больше прав, чем имеет до сих пор. Не формальных, то есть деюре, а фактических. Говорю это к тому, что по бумагам мы вроде бы много чего можем, а на деле... Возьмите любое разрешающее постановление Совмина страны — оно обставляется таким количеством ограничивающих и запрещающих инструкций, которые сводят на нет любое декларированное в постановлении право. Для примера возьмите последние решения, касающиеся внешнеэкономических связей. Был принят один, другой, третий документ, и наконец вышло постановление, запрещающее нам практически все. Единственное, что мы можем продавать сегодня на внешнем рынке,— дичь, грибы и лесные ягоды.

— А на другое можно получить разрешение? Предусматриваются ведь лицензии...

— Устанешь ездить за разрешениями. И зачем, скажите, это надо, если тут наш товар — произведенный сверх плана в счет рыночных фондов? Почему мы должны кого-то там, в центре, спрашивать, если намерены оторвать от себя, себя ущемить, чтоб это продать и купить то, что в данный момент для народа важнее? Нам позарез нужны, к примеру, одноразовые шприцы. Тут воистину вопрос жизни и смерти. Нам лучше не съесть чего-нибудь, а шприцы иметь. И народ наш, уверен, это поддержит, поймет. А не можем, категорически запрещено, и это отбивает всякую инициативу.

— Люди на местах уже не верят, что может стать реальностью принцип: разрешено все, что не запрещено. Об этом сообщает обильная, очень встревоженная редакционная почта. Ведь, кроме гласно публикуемых директивных документов, многие из которых и создаются, и принимаются келейно, тайком, без обсуждения не только с широкой общественностью, но и с авторитетнейшими юристами, аппарат творит тысячи и тысячи обязательнейших запретов, категорически противоречащих и духу, и букве перестройки. Больше того, намертво консервирующих диктатуру бюрократии. Об этом многие говорили на Съезде. Мне совершенно ясно: наши уговоры и заклинания еще больше развращают аппарат, и он борется с нами все циничнее. Вот как с ним быть? Хотя об этом заговорил рано — просто прорвало. Теперь уточню: ради чего суверенитет?

— Здесь просто: ради того, чтоб лучше жить! А именно, суверенитет даст нам возможность сделать рывок в развитии и экономики, и иных сфер. А сегодня мы не имеем решительно никаких стимулов, чтоб рваться ввысь. Смотрите: к нам приезжают западные бизнесмены и за голову хватаются, обнаружив, что мы топчем ногами миллионы, да что там — миллиарды долларов и не считаем нужным даже нагнуться. Тут имею в виду хотя бы иностранный туризм. Какая республика в нем сегодня заинтересована? Ни одна. А почему? Мороки с этим не оберешься, затраты на него — хотя бы на первых порах — громадные, а выигрыша для республики почти никакого — все забирают центральные ведомства, ни с кем делиться не намеренные. Какой же тогда резон вкладывать в иностранный туризм и ум, и нервы, и средства?

Или другой пример. Был недавно на предприятии, выпускающем магнитофоны. Директор жалуется: внутри страны никак не решим проблему изготовления каких-то элементов. А венгры могли бы нам поставлять, если б получали взамен несколько тысяч магнитофонов. И я б тогда в два раза увеличил объемы производства. Но московское министерство говорит мне: нельзя! Из-за этого топчусь на месте...

Даже возможностей СЭВа мы не можем толком использовать, поскольку все нам запрещено — и на уровне отдельного предприятия, и уж тем более на уровне республики. И получается так: СЭВ работает, и неплохо работает на уровне высшего управленческого эшелона, а низовые звенья, кооперация которых могла бы дать гигантский экономический эффект, почти не вовлечены. А ведь СЭВ может и должен стать для экономики соцстран тем полигоном, где они могли бы натренировать умение вести себя в суровых условиях мирового рынка. Но для этого нужна высокая степень свободы, и прежде всего экономической.

В этом случае мы бы сразу избавились от многих нелепостей, которые десятилетиями подрывают интерес к развитию. Приведу еще один пример. Из-за дотаций государства на сельхозпродукцию мы попали в глупейшую ситуацию: чем больше производим мяса и молока, тем больше оказываемся должны государству. На сегодняшний день наша задолженность Госбанку составляет около 800 миллионов рублей — это сумма кредитов на закупленную у нас сверхплановую сельскохозяйственную продукцию. Эти громадные миллионы, которых мы и в глаза не видели, придется погашать, как только мы перейдем на республиканский хозрасчет. В этих условиях какой нам интерес «в разы» наращивать выпуск сельхозпродукции! И приходится нам самим отстаивать свои права на суверенитет. На сессии Верховного Совета республики 18 мая мы утвердили Закон об основах экономической самостоятельности и будем им руководствоваться. То, что предлагали нам в этом плане центральные ведомства, нас не устраивает. Но почему-то там даже не пытаются понять: почему нас это не устраивает?

— И самое несправедливое в существующем порядке вещей — так мне, во всяком случае, кажется — и спросить не с кого за нашу бедность и убожество, за пустые прилавки, загубленную природу... А все потому, что республики и регионы кивают на ведомства, а те, наоборот...

— Вы правильно заметили: здесь корни безответственности. Ведь сегодня с любой трибуны я бы мог сказать, объясняя любой экономический провал: а я ничего не знаю, есть министр в Москве — его и спрашивайте. Больше того, и совесть свою успокою доводом о том, что 90 процентов экономики республики в ведении центра, а значит, мы бессильны.

— Не потому ли в течение десятилетий республиками руководили чаще всего демагогически: слов было много, а дела мало. Можно винить тех руководителей, но надо отдавать себе отчет — мало что от них зависело. Единственно, в чем могли отличиться,— с выдумкой и фантазией принимая и услаждая высоких посланников центра. И масштабы коррупции, и разорительнейшее для страны хозяйственное обзаведение удельных князьков с мест объясняюсь не только падением нравов, но и тем обстоятельством, что созидательная работа была достижима для местных руководителей только в очень ограниченных пределах. Чего ж тут удивляться, что вся страсть и энергия уходили на «самообслуживание»? И в результате гигантские местные возможности использовались минимально, хотя нужды местного населения бывали, да и теперь еще остаются огромными. Скажите, а потенциал Литвы — имею в виду общий, включающий ресурсы всякого рода: материальные, трудовые, интеллектуальные, психологические,— тоже ведь используется не лучшим образом?

— Что там говорить — резервы есть, и большие. И главное, на мой взгляд, связано с тем, что мы почти не задействованы в международном разделении труда. Почему маленькая Финляндия может нам предложить сеялки и косилки, которые гораздо эффективнее, чем детища нашего гигантского сельхозмашиностроения? А все потому, что, кроме всего прочего, создавая любую машину, финны и другие мгновенно используют высшие мировые достижения, кооперируются с лучшими в мире производителями узлов и деталей, оставляя за собой сборку. Уже на наших глазах, причем всего-то за пять — семь лет, в число наиболее промышленно развитых государств попали Южная Корея, Гонконг и т. д. И тоже ведь благодаря опоре на весь мир.

— Смогли стать на плечи гигантов, а уж потом прыгать выше. А мы все тщимся с пола выпрыгивать, норовя при этом и за волосы себя вытаскивать. Увы...

— Обидно, что бедны, имея такие богатства. Не только сырье имею в виду, но и рабочих, умеющих и желающих трудиться. Очень низко, кстати, оплачиваемых. С одной стороны, тут недостаток наш, но с другой,— хоть и звучит это некорректно,— и преимущество. Его вовсю использовали в свое время японцы, прибегнув к торговой экспансии.

Высшая духовная и, я бы сказал, национальная ценность литовского народа — это трудолюбие. Оно неоднократно спасало родной край в суровые времена. Чтоб и теперь это случилось — надо сплотить ради республики и страны все наши интеллектуальные, духовные и физические силы. В том числе использовать, как я говорил об этом на Съезде, опыт и творческий потенциал соотечественников за рубежом. Пример Китая очень здесь убедителен.

— На какой сегодня стадии ваш республиканский хозрасчет? Когда практически на него переходите?

— По общему постановлению все республики должны переходить с 1991 года. Но при теперешней ситуации в республике мы так долго ждать не можем. Об этом сказано и в нашем Законе.

— А с чем связана эта ваша особая ситуация? Более сильные и лучше организованные, чем везде, оппоненты?

— И это, но главное — настроение масс. Люди устали от обещаний, уже не верят в декларации. Да и сколько можно твердить: хозрасчет, хозрасчет! Надо показать его на деле! Чтобы конкретные и не крошечные результаты перестройки люди почувствовали не

М УЗЛЫ НЕДОВЕРИЯ

Две дочери-двойняшки. Им по 29 лет. Обе замужние, имеют по двое детей, только у одной мальчики, а у другой девочки. Одна — искусствовед, ее муж — актер молодежного драмтеатра. Вторая — врач-гинеколог, оперирующий хирург. И ее муж — хирург, но только по кровеносным сосудам.

— Мне говорили, что ни дочерям, ни зятьям вы не помогали в карьере. Это ваш принцип?

— Да, принцип. Они все занимают весьма низкие, то есть рядовые, должности и получают, как и большинство молодых интеллигентов в стране, 130—150 рублей.

— Они с вами живут?

— Нет, отдельно — вместе трудно. Пусть жизнь сами себе строят. Но отпуска проводим все вместе. А в Вильнюсе у них небольшие квартиры.

— Ну и последний вопрос из серии личных: что предпочитаете, когда появляется свободное время?

— Читаю, бываю в кругу всей своей семьи.

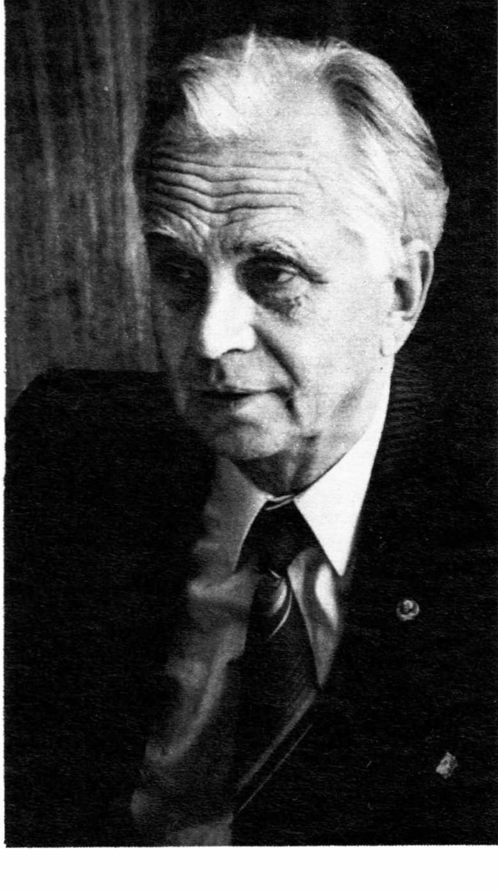
— Спасибо, теперь на очереди вопросы в полной мере общественные. А начнем с того, что вы сами считаете нужным сказать всесоюзному читателю в дни работы Съезда народных депутатов.

ПОЛТОРА ПРОЦЕНТА

— Самое первое, что ему надо сказать,— к чему мы стремимся. Главное,

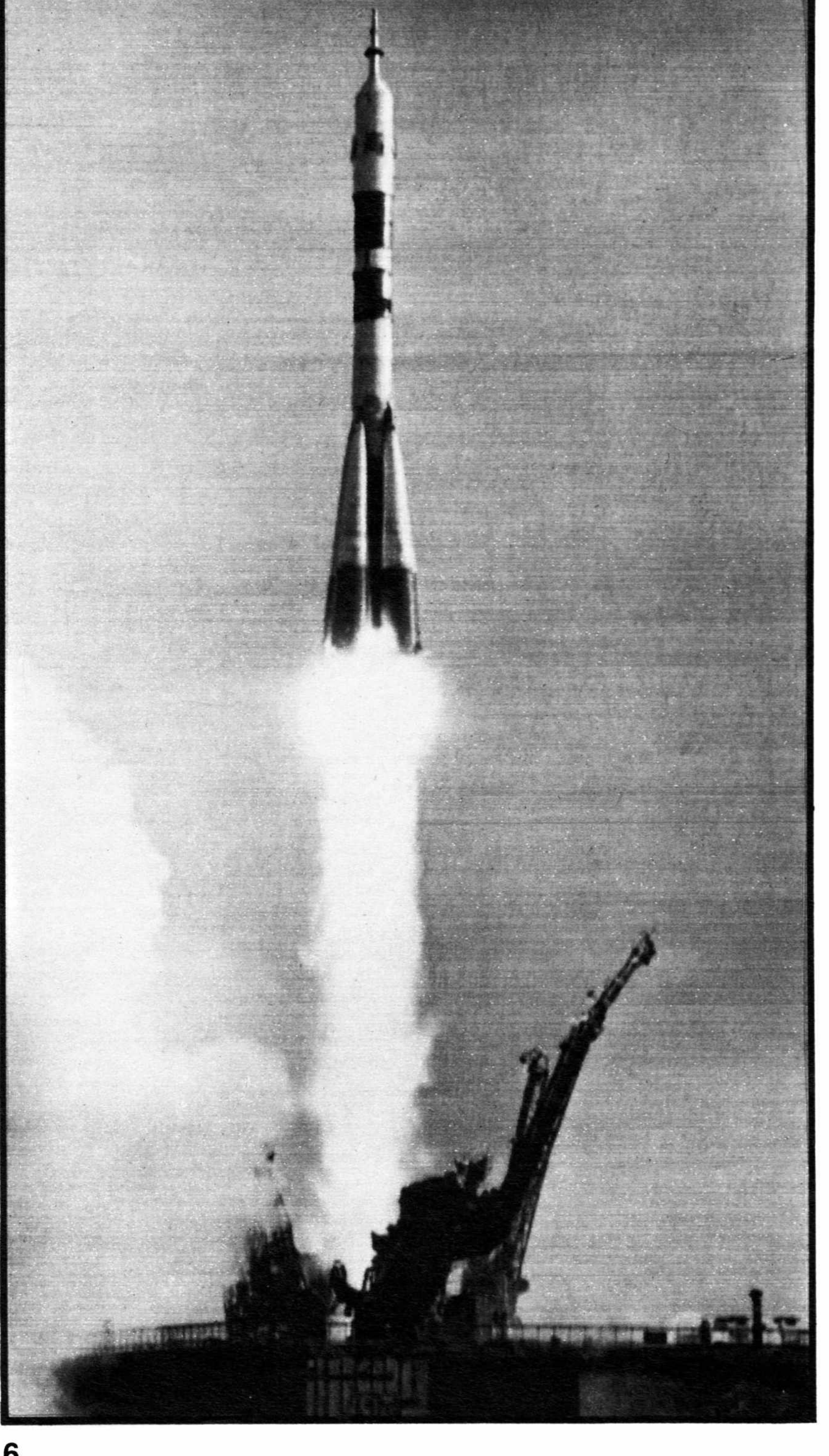
Продолжение на стр. 28.

КОСМОС ДАЁТ

Оправдывают ли спутники Земли, орбитальные станции и другие подобные аппараты вложенные в них народные деньги? Почему не все благополучно у нас на «межпланетном фронте»? В чем причина отставания? Когда спадет пелена таинственности с наших космических программ? Стоит ли продолжать в таком масштабе космические исследования или рациональнее передать часть средств на развитие земных нужд? Разговор об этих животрепещущих проблемах ведут академик В. С. АВДУЕВСКИЙ, председатель Гагаринского комитета и оргкомитета научных Гагаринских чтений, и корреспондент «Огонька» Ванда БЕЛЕЦКАЯ.

— Всеволод Сергеевич, правда ли, что после запуска первого советского спутника Земли, после наших блестящих успехов в исследовании космоса, так потрясших мир, Нобелевский комитет запрашивал имена ученых и конструкторов, осуществивших запуск, чтобы удостоить их Нобелевской премии, но мы авторов работ не раскрыли?

— Об этом говорили... Запуск первого спутника, открывший космическую эпоху, научная работа, безусловно, нобелевского масштаба. Так что и главные конструкторы первых космических аппаратов, и главный теоретик (в первую очередь Сергей Павлович Королев и Мстислав Всеволодович Келдыш) вполне могли получить высокую премию. Но тогда работы эти были закрыты...

— ...что в тех условиях вполне понятно. Но подчас мы делаем недоступными для печати чисто научные исследования. Разве правомерно понятие «научная тайна»?

— Конечно, нет. Тайна может быть государственной, военной, коммерческой, наконец, но научной — никогда. И я убежден в том, что одна из причин того, что Советский Союз постепенно утрачивает свои передовые позиции в освоении космоса, как, впрочем, и в общем развитии научно-технического потенциала,— ложно понимаемая секретность, приводившая к изолированности от мировой науки.

Но и у себя в стране мы растащили науку по разным ведомствам, разъяли ее живое тело. Кроме академических институтов, у нас существует масса вузов, университетов, ведомственных НИИ, закрытых предприятий, где тоже трудятся ученые, разрабатывающие в том числе и фундаментальные проблемы науки. Подчас их исследования не известны не только ученым мира, но и нашей страны. Так мы теряем международный престиж вместе с премиями и открытиями. Наука — как цепная реакция: хороший результат всегда порождает новый успех.

А теперь мы сплошь и рядом «секретим» уже известное нашим соперникам, обошедшим нас на космических перекрестках, укрывая научные результаты от самих себя — своей промышленности, общественности страны. Отсюда и параллелизм исследований, и невозможность использовать плоды научных работ в практике. Бесценный научно-технический капитал часто заживо похоронен в сейфах, в отчетах «для служебного пользования». И, к сожалению, такая порочная практика касается в первую очередь именно космических исследований, ведущихся в основном не в академических институтах, о которых еще кое-какая информация просачивается, а в ведомственных НИИ, закрытых КБ.

Информацию о научных исследованиях нужно поставить так, чтобы ученые знали, кто персонально, где и над какой проблемой работает. Что же каса-

ется результатов исследований, разработки новых технологий, материалов (я не затрагиваю работ чисто оборонного значения — там свои законы), которые целесообразно закрыть из коммерческих соображений, то здесь должен быть четко установлен срок в один, два, три года, после которого результаты публикуются в открытой печати и могут передаваться или продаваться в другие организации.

Многое здесь необходимо пересмотреть, чтобы гласность органично вошла в научно-общественную жизнь страны, как говорится теперь, «на всех уровнях». Перестройка властно требует этого. Но тут важно не потонуть в бесцельных разглагольствованиях, а выдвигать конструктивные предложения и, главное, начинать выполнять их на деле.

— Мне кажется, что последние Гагаринские чтения можно в какой-то мере рассматривать началом реализации таких конструктивных предложений.

Выступали авторы нашумевших космических проектов, откровенно говорилось о трудностях и недостатках программ, от чего мы уже давно отвыкли. Я обратила внимание на такую, казалось бы, незначительную деталь: с именного пригласительного билета пропали слова «Действителен при предъявлении документа»... Словом, «лед тронулся».

— Тронулся лед, тронулся... Мы рассчитываем максимально привлечь внимание к Гагаринским чтениям ученых, космонавтов, общественности, вузовской молодежи, приглашать на них специалистов из-за рубежа (этого никогда раньше не было).

ЛИ ОН ПРИБЫЛЬ?

Меня волнует, что космические НИИ и КБ сейчас катастрофически постарели. Помню, в 1946 году, когда директором нашего НИИ был назначен академик Мстислав Всеволодович Келдыш, получивший уже выдающиеся результаты в механике и математике, и к нам приезжал известный уже тогда ракетчик академик Сергей Павлович Королев, они казались нам очень пожилыми. Келдышу тогда было лет 35, не больше. А Сергею Павловичу около сорока...

Сейчас упал интерес к космическим исследованиям, к созданию ракетно-космической техники у вузовской молодежи. Надеюсь, что разбудить его вновь поможет и Космическое научное общество, которое мы хотим создать. Это будет открытое объединение ученых, космонавтов, конструкторов, технологов. На рабочих заседаниях, конференциях смогут обсуждаться проблемы развития космонавтики. На заседания мы пригласим широкую общественность — народных депутатов, экономистов, студентов и преподавателей вузов и, конечно, журналистов. Общественность станет полноправным участником экспертизы космических программ. Плюрализм мнений на этих заседаниях, полная открытость, гласность будут соответствовать духу перестройки.

Космическое общество должно быть наделено полномочиями вступать в переговоры с зарубежными научными и общественными организациями, приглашать к нам специалистов, вести научный туризм для ознакомления с космическими исследованиями разных стран. Словом, быть неформальным посредником в международных отношениях специалистов, связанных с исследованием межпланетного пространства и созданием ракетно-космической техники.

— Перспектива прекрасная. Но, Всеволод Сергеевич, вы, конечно, знаете, что многие народные депутаты внесли в свои выборные программы пункт о сокращении средств на космические исследования. Вы согласны с ними?

— В том, что и в этой области у нас дела обстоят неблагополучно, согласен полностью. Организация самих космических исследований нуждается в коренных изменениях, их надо во многом переводить на коммерческую основу. Но я активно против того, чтобы сокращать выделенные средства. Их не много, и это будет непродуманным, недальновидным решением, наша экономика не получит от этого даже сиюминутной выгоды.

— Но вы не станете отрицать, что теперь мы в освоении космоса далеко не «первые в мире», что мы потеряли свои передовые позиции?

— Не стану, но не согласен со словом «далеко»: система «Буран», несомненно, находится в первых рядах. Так же, наверное, как вы не станете настаивать, что везде у нас огромные успехи, только вот в космических исследованиях мы поотстали... Нельзя эту область отрывать от общего развития страны, тем более что все космические аппараты выполнены целиком на отечественной технике, наших материалах, нашей элементной базе. А о том, как мы отстали, например, в вычислительной технике, необходимой и для космических исследований, писалось не раз. Я бы сказал другое: достойно удивления, что есть у нас такой блестящий успех, как «Буран», что в космических исследованиях мы еще сохраняем свое лицо, что развитые капиталистические страны сотрудничают с нами на равных... Даже несмотря на неудачу с «Фобосом», которая до крайности огорчительна. Это очень совершенный, современный, принципиально новый межпланетный аппарат.

Сначала и здесь все шло по программе, передан на Землю уникальный материал о межпланетном пространстве, Марсе, его спутнике Фобосе, существенно уточнены координаты спутника Марса. Аппарат давал великолепные снимки, что само по себе научная ценность. Утром я лично наблюдал полученные с «Фобоса» четкие картинки. Наступил вечерний сеанс. Аппарат повернулся к Фобосу и начал делать снимки. Затем развернулся к Земле и должен был сбросить информацию, но не вошел в связь...

— По телевидению было объявлено, что на последних снимках зафиксирована тень вроде бы от веретенообразного тела. В редакцию «Огонька» пришла масса писем с вопросами, не корабль ли это внеземных существ и не он ли нарушил связь с «Фобосом».

— Думаю, что тут не злая воля инопланетян. Сейчас идет строгий анализ. Одни специалисты считают, что это тень от самого Фобоса, другие — тень от облаков Марса. Ведь сквозь зафиксированную тень видны контуры поверхности. Мне тоже кажется, что это тень от облаков. Очень обидно, что «Фобос» замолчал, оставив нам эту загадку.

— И все-таки почему в годы командно-административной системы, которую мы так критикуем, в космосе у нас были сплошные победы, а сейчас, когда восторжествовали плюрализм и демократия, начались неудачи, аварии?..

— Победы наши в исследовании космоса в прошлые годы были не благодаря, а вопреки командно-административной системе. И кто вам сказал, что они были «сплошные»? Сейчас не аварий стало больше — гласности. Наши позавчерашние и вчерашние победы дались дорогой ценой... Когда Королев делал ракету для запуска первого спутника, были аварии, были и взрывы. Сколько ракет, как говорилось, «упало за бугор». И потом мы потеряли, как вы помните, наверное, «Салют-1», были неполадки на «Венере»...

Пережили мы и подлинные трагедии, когда погиб при посадке Комаров, погибли в период спуска Добровольский, Волков, Пацаев... Слава богу, человеческих жертв у нас сейчас нет.

Однако вы совершенно правы в том, что отставание наше в космосе усиливается, эта область исследований нуждается в перестройке. Начнем с того, что деньги любят счет. То, за что можно взять кругленькую сумму, нечего запирать в секретные сейфы или класть пылиться на полку «Природы». Мы до ужаса неповоротливы, к тому же... хвастливы, что ли. Ну зачем, например, бесплатно катать в космос всех желающих? Это денег стоит. Вместе работаем на орбите, вместе и несем расходы. Я понимаю людей, заговоривших о сокращении бюджета на космические исследования, хотя с ними и не согласен. Конечно, космические программы должны быть опубликованы, обсуждены специалистами отраслей промышленности, АН СССР и общественностью, например, в Космическом научном обществе. Я считаю, что было бы правильнее производить финансирование космонавтики отдельной строкой бюджета, как, например, в США, где бюджет НАСА утверждается конгрессом. При этом было бы ясно, во что обходится космос. Появились бы люди, отвечающие за финансовые расходы, тогда они будут более бережно относиться к деньгам, заключая договора.

— А если бы от вас лично зависело распределение бюджета, если бы вы были «главным космическим начальником», как бы вы защищали свои позиции?

— Ну, «главным космическим начальником» я бы не хотел быть, мне нравится своя работа — и научная, и общественная. Но собственное мнение у меня на этот счет есть.

Прежде всего я бы обратил внимание депутатов на нашу дырявую экономику, в которой, словно в космической черной дыре, исчезают миллиарды народных денег, ничего не давая нам с вами взамен. Такая экономика проглотит деньги, выделенные на «Буран» и «Фобос», и на все наши «Прогнозы» и «Фотоны», и не поперхнется. Ей сколько ни дай — все будет мало. Не раз в этом убеждались. И цены на продукты и товары повышали, и строительство до глупости удешевляли, и денег на науку давали меньше, дабы помочь экономике, но жизненный уровень в стране упорно снижался.

Затем я бы напомнил о том, что из-за непродуманного освоения Сибири, в частности Тюмени, мы потеряли значительно больше денег, чем израсходовали на весь научный космос. Я бы добавил к пропавшим миллиардам народных денег средства, затраченные на прокладку ржавеющего газопровода через всю страну, на затянувшуюся, недостаточно продуманную «стройку века» — БАМ, наконец, на разработку, к счастью, неосуществленного «проекта века» поворота рек. Так что прежде чем принять решение, запретить проект или утвердить его, необходимы строгая всесторонняя независимая экспертиза, научный прогноз — что дает осуществление проекта, куда это приведет. Скороспелые решения в погоне якобы за сиюминутной выгодой на нашей памяти уже не раз давали убыль, и не только денежных средств — морали, нравственности. А нравственные потери — они самые невосполнимые.

Теперь непосредственно о космических исследованиях, их стоимости, важности и прибыли от них для общества.

Первое, чтобы сразу прекратить разговоры о тяжком грузе «научного космоса» на плечах экономики,— космические исследования окупают себя. Другое дело, что прибыль обществу от них могла бы быть в сотни раз больше, если бы не наша неповоротливость, бесхозяйственность.

Плодами космических исследований каждый из нас понемногу пользуется ежедневно. Не осталось в стране сегодня медвежьих углов, куда не доходит телевидение, связь, телефон, благодаря тем же спутникам. По данным Министерства связи СССР, экономический эффект только от эксплуатации систем «Орбита», «Москва», «Экран» в прошлом году составил 540 миллионов рублей.

Телевидение и радиовещание, телефонная и телеграфная связь, передача информации, составление карт поверхности Земли, предсказание погоды — вот далеко не полный перечень земных дел космических аппаратов. Учет метеопрогнозов уменьшает возможный ущерб народному хозяйству от стихийных бедствий, дает ежегодно экономический эффект до 700 миллионов рублей. Прибавьте сюда 350 миллионов, получаемых ежегодно от изучения с орбиты природных ресурсов страны.

Не все поддается счету. Например, во сколько можно оценить тысячу семьсот человеческих жизней, спасенных благодаря космической службе поиска и спасения терпящих бедствие? Как подсчитать экономический эффект от работы спутников системы «Цикада», позволяющих океанским судам определять свое местоположение с точностью до ста метров? Как оценить в деньгах тот SOS, что передали с орбиты космонавты, наблюдая экологическую обстановку на нашей маленькой планете?

Я назвал лишь первое, что пришло на ум...

Никто из землян еще всерьез не произнес: «Мне наплевать, как возникла жизнь на нашей планете, не хочу знать, какой она была в прошлом и станет в будущем, мне безразлично, что делается на Марсе и Венере». А ведь именно сведения, полученные от космических аппаратов, перевернули наши знания о Вселенной, о Земле. И процесс познания нельзя остановить.

Вернусь к примерам более осязаемым — к космическим технологиям. Проведены эксперименты по получению в условиях невесомости новых материалов, монокристаллов, сверхпроводников, медико-биологических препаратов, лекарств, вакцин. Через несколько лет мы будем получать в космосе таких материалов и медицинских препаратов на 3—5 миллиардов рублей в год.

Но по сравнению с тем, что мы могли бы взять от изучения космоса, это ничтожно. Космические исследования сами по себе — ускоритель прогресса. В ходе разработок попутно рождаются новые технологии, новые жаропрочные сверхтвердые материалы, теплозащитные углерод-углеродные композиции, керамические материалы, новые способы получения вольфрамовых, бериллиевых, молибденовых сплавов. И этот бесценный клад, вместо того чтобы использовать для подъема промышленного потенциала страны, мы, словно Скупой рыцарь, храним в секретных сейфах: ни использовать у себя в стране, ни продать патент за рубеж. Американцы, например, затратили на программу «Аполлон» 24 миллиарда долларов, но их промышленность заработала на космических патентах около 300 миллиардов.

— Но мы ведь можем сейчас тоже продать патенты на новые технологии и способы получения жаростойких и сверхпрочных материалов, родившихся в ходе работ над тем же «Бураном», пока он еще новинка, последнее слово космической техники... Или опять упрячем все в сейфы?

— Сейчас, к счастью, другое время. Вернувшийся из космоса «Буран» едет во Францию, на выставку. Наши представители рассчитывают на коммерческие сделки. Не все же продавать за границу сырье, как полуколониальные страны.

Конечно, результаты, полученные во время работы над созданием «Бурана», должны быть переданы в первую очередь нашей промышленности, хотя для этого потребуется, конечно, серьезное преобразование многих предприятий.

Сейчас вообще максимальная конверсия результатов космических исследований и ракетно-космической техники в народное хозяйство чрезвычайно важна. Меня эта проблема особенно занимает. В решении ее я вижу путь к преодолению научно-технической отсталости страны, с одной стороны, и с другой — реальную возможность извлекать из исследований космоса и научно-технических достижений других оборонных отраслей наибольшую прибыль.

— В этой связи актуален вопрос взаимоотношений фундаментальной и прикладной науки. Какова ваша точка зрения?

— Я уже сетовал на то, что живое тело науки сейчас расчленили и поделили между ведомствами. Но не только. Науку формально разделили на фундаментальную (настоящую) и прикладную (низшей категории), ученых — на теоретиков (элита) и экспериментаторов (те похуже), а разные там конструкторы, инженеры, изобретатели — вообще не в счет. Я, конечно, иронизирую, утрирую положение, но считать, что «настоящая» наука сосредоточена только в Академии наук, несерьезно, наука не делится по ведомственному признаку. Между тем на конференции по выборам народных депутатов Академии даже общественную организацию — Союз ученых — предлагали создать лишь из тех, кто работает в академических институтах.

— Институт машиноведения, в котором вы работаете, тоже академический.

— Значит, меня никто не упрекнет в субъективности, предвзятости. Чем, например, всемирно известный ЦАГИ, Центральный аэрогидродинамический институт, где работали Жуковский, Чаплыгин, Туполев, Келдыш, хуже любого академического института? Исследования космоса на 90 процентов ведутся не в системе Академии наук, и, на мой взгляд, она ими не слишком интересуется, ни публикацией научных работ, ни тем паче внедрением достижений в практику. Такие институты есть в космической, атомной и практически во всех других отраслях промышленности.

Нигде в мире нет разделения на академическую и неакадемическую науку, зато крупнейшие научные открытия там делаются, Нобелевских лауреатов не в пример больше, чем у нас. А это, безусловно, критерий уровня научных работ.

Возьмем последнее эпохальное открытие — сверхпроводимость при повышенной температуре и совсем недавний интересный результат — холодный ядерный синтез, осуществленный при электролизе тяжелой воды. Первую работу сделали в Швейцарии Мюллер и Беднорц, ставшие Нобелевскими лауреатами; вторую — в США, Флейшманн и Понс, занимавшиеся электрохимией. Оба открытия сулят переворот в науке, промышленности, энергетике. Куда отнести их — к фундаментальным или все-таки к прикладным работам? Но результаты все равно фундаментальные. В жизни все сложнее, все переплетается...

Если пофантазировать, то можно надеяться, что энергия, выделяемая при холодном ядерном синтезе (разумеется, при его подтверждении), может явиться конкурентом солнечным батареям в космосе, при этом с помощью «Бурана» в невесомости можно будет восстанавливать идеальные кристаллы палладия, нужные для осуществления реакции холодного ядерного синтеза. Холодный ядерный синтез может привести к революции и в науке, и в технике, а не только в энергетике.

Зачем я это говорю? Наши «академические» ученые, работающие для фундаментальной науки, разумеется, заявляют, что с легкостью могли бы сами сделать оба эти открытия, были совсем рядом, но... Мне кажется, что это «но» как раз и происходит от пренебрежения экспериментальными, прикладными исследованиями, реальной пользой. Вот и при космических исследованиях мы тоже часто забываем об этом.

— Всеволод Сергеевич, в начале беседы вы заметили, что в области ведения космических работ необходима и организационная перестройка. У вас есть своя программа?

— Программа... Звучит слишком громко. У меня просто есть некоторые мысли, свое мнение, которое, конечно, не является истиной в последней инстанции. Кое-какие пункты, как вы говорите, моей «программы» я уже раскрыл.

В исследовании космоса важно как можно больше работ поставить на коммерческую основу. Однако бизнес не терпит промедления. Поэтому руководители Главкосмоса, «Природы» должны быть наделены соответствующими полномочиями.

Есть еще одна у нас общая болезнь — стремление к гигантомании. Рациональнее было бы разукрупнить наши гигантские предприятия, занимающиеся ракетно-космической техникой. (У Королева было значительно меньшее КБ.)

Кроме Генерального конструктора, необходим на таких предприятиях руководитель — менеджер, занимающийся космическим бизнесом.

Что еще? Организационно это выполнить у нас в стране пока трудно, но я использовал бы такой опыт американцев: создавать временные группы специалистов под разработку определенной научной программы, для создания того или иного космического аппарата. Так американцы делали свои «Викинги». С конструкторами и нужными специалистами был подписан контракт на 9 лет, независимо от того, в какой части страны они жили и работали. А когда программа успешно закончилась — группа распалась.

Было бы полезно хотя бы часть научных приборов для орбитальных станций, «Бурана» и других космических аппаратов делать на конкурсной основе, может быть, даже разрешать участвовать в конкурсах иностранным фирмам и специалистам, изобретателям из других стран. Это ликвидирует монополизм.

Иначе действительно наши космические исследования катастрофически отстанут и народным депутатам придется принимать нелегкое решение о прекращении их финансирования.

Наталья ИСАЧЕВА

Сейчас образ мученика, страдальца, чья судьба ломается под гнетом социальной несправедливости, становится очень популярен.

Что ж, для этого, к сожалению, есть все основания. Но мы перестаем замечать, как этот образ превращается в своего рода схему, штамп.

Александр Исачев не был ни сломлен, ни задавлен, ни побежден, как полагают иные сегодня.

«Не плачьте обо мне...» Эта великолепно угаданная авторами документального фильма об Александре мысль, к сожалению, не стала лейтмотивом киноленты, несмотря на то, что фильм начинается и оканчивается этими словами. Нет в картине глубинного образа, не связались, на мой взгляд, эти слова с мироощущением художника, которое едва-едва промелькнуло в отдельных фразах. Остальное — действительно «плач» (как выразился автор статьи в «Правде») о его судьбе: «не сложилась», «не дали», «сбили», «помешали», «запутался»...

Трагическая судьба... Зрителю и в голову не придет, что герой фильма в жизни был человеком, обладающим огромным потенциалом веселой энергии, которую он умел сообщать окружающим, что многие друзья навсегда запомнили его обаятельную улыбку или заразительный смех, что своим появлением он в одну минуту мог перестроить тон любой скучающей компании, что остроумная шутка, роскошный комплимент женщине (преимущественно из восточной поэзии) делали его самым естественным образом центром внимания.

Мы познакомились с Александром в Речице. Он вел типичную жизнь провинциального подростка. Среднее образование получал в вечерней школе, где обучение проходит по принципу «чему-нибудь и как-нибудь», добавим и «когда-нибудь».

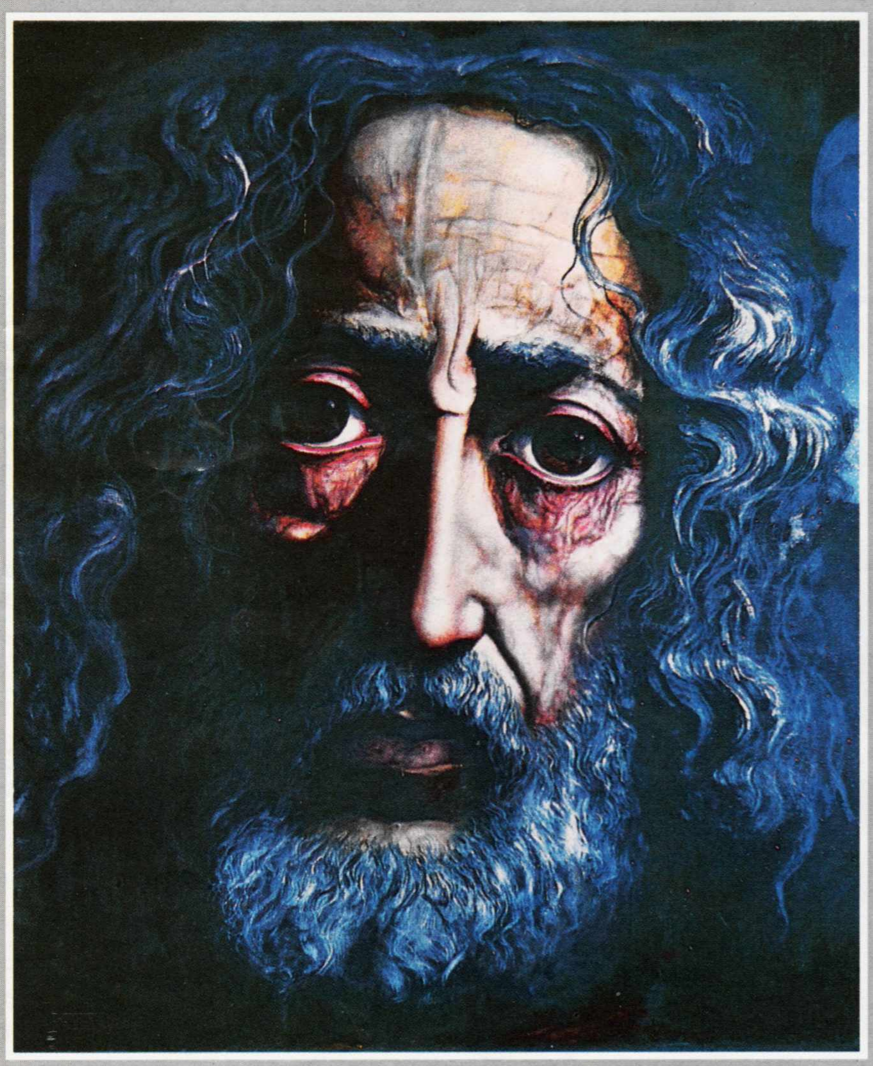
Работа в ремонтно-строительном управлении каменщиком... По вечерам танцплощадка...

Но в начале 1973 года он уезжает

Александр Исачев умер через два дня после закрытия первой официально разрешенной выставки своих работ в Речице — городе, где прошла почти вся его короткая жизнь. Белорусскому художнику было тридцать два года. И, как это обычно у нас происходит, после смерти Исачева о нем стали писать, не скупясь на восторженные эпитеты, республиканские и центральные газеты; киностудия «Беларусьфильм» сняла о нем ленту «Не плачьте обо мне...», недавно выставка его картин прошла с успехом в Москве. А общественность начала волноваться по поводу художественного наследия Исачева, ведь огромное количество его картин находится за рубежом, так как упорно не признаваемый при жизни художник вынужден был продавать свои произведения не только нашим, но и заезжим западным коллекционерам. Редакция «Огонька» получила немало писем с просьбой читателей рассказать о творческой судьбе Александра Исачева, и мы решили обратиться к его жене — филологу Наталье Николаевне Исачевой, самому близкому другу художника, делившему с ним невзгоды и радости...

ОН НЕ ПРОСИЛ СУДЬБЫ ИНОЙ

А. А. ИСАЧЕВ. 1955—1987. АПОСТОЛ ПЕТР. 1978.

в Ленинград, устраивается там на работу в зеленхоз, получает лимитную прописку. И попадает в среду неформальной творческой молодежи.

Позднее он скажет, что эта среда «буквально захлестнула его своим бурным проявлением жизни».

(В Республиканской школе-интернате по музыке и изобразительному искусству в Минске, откуда он ушел после 8-го класса из-за конфликта с директором, Александр представлял свою будущность в качестве художника-дизайнера. Живопись станковая казалась ему пройденным этапом человеческой культуры. Полотна современников, которые он видел на официальных выставках, не вдохновляли на писание картин).

Он окунается в атмосферу бурных обсуждений, споров, собраний, участвует в нескольких полуофициальных выставках. На одной из них Александр познакомился с ленинградским коллекционером Георгием Михайловым, человеком увлеченным, прекрасным организатором, устроившим в своей квартире постоянно действующую (в течение нескольких лет) экспозицию работ молодых художников, значение которой для их творчества трудно переоценить...

Среди Сашиных друзей не было ловких мальчиков и девочек по части «купи-продай», не было тех, для кого вещи превращались в обожаемых идолов, не было таких, кто уже в ранней молодости подсчитывает свои «дивиденды» со страстью старца-скряги. Напротив, здесь, в Ленинграде, царил дух полного бескорыстия. Никакого почтения материальным благам и жизненным удобствам!

Если можно говорить о влиянии на творчество Александра чего-либо, то это было влияние всех модернистских направлений сразу. Были апробированы всякого рода «измы»: «Я как бы разбежался, разнесся по всем течениям...»

К самой первой полуофициальной выставке группы неофициальных художников на психологическом факультете ЛГУ Александр подготовил серию графических работ тушью в сюрреалистической манере, в духе, как он позднее сам определил, «черного юмора» и «эпатажа». По требованию декана факультета эти работы были сняты с экспозиции и показывались зрителям из-под полы в отдельной папочке. В конце концов их кто-то украл. Александр не раз впоследствии с юмором вспоминал эти свои «шедевры» и удивлялся, что кому-то это могло понравиться.

Конец первой ленинградской «эпопеи» для Александра был печальным: истощенный, измученный недоеданием, недосыпанием, ненормальной жизнью нескольких месяцев, он попадает в больницу. В декабре того же года возвращается домой. После бурных ленинградских перипетий Речица оказала благотворное воздействие: здесь наконец можно было спокойно обдумать все, что произошло за год, сделать окончательный выбор и приступить к работе.

С этого момента по-настоящему и начинается Исачев-художник.

Основными темами сюжетных полотен Александра в 70-е годы становятся библейские ветхо- и новозаветные мотивы («Благовещенье», «Что есть истина?», «Распятие», «Снятие с креста», «Пьета»...). Кроме них, он работает над портретом, натюрмортом, пейзажем, в большинстве своем тоже мифологизированными: «Моисей», «Апостол Петр», «Ной», «После потопа», «Моя земля», «Лунный пейзаж».

Александр работает в манере гладкого письма, самостоятельно разгадывая секреты нанесения на холст тончайших лессировочных слоев. Учителями своими считает старых мастеров.

Одновременно с этим художник выполняет заказы для церквей. Александр написал несколько десятков икон для речицкой церкви, сделал роспись храма в Мозыре, выполнил мелкие заказы для других церквей Гомельской области.

Обращение к культуре древнейших человеческих цивилизаций сопровождается серьезным изучением литературы философского, мифологического, религиозного, эстетического и даже лингвистического содержания. Труды Лосева и Аверинцева, научные публикации сотрудников ленинградского Института востоковедения, мифы и эпос различных народов, поэзия Индии, Китая и Японии — это далеко не полный перечень литературных интересов Александра. Он обладал прекрасной памятью и великолепной способностью усваивать материал даже на слух. Поэтому очень часто просил меня читать вслух, чтобы не отрываться от мольберта. Бывали случаи, когда мне приходилось читать ему по десять часов подряд.

Определив однажды для себя важными вневременные, общечеловеческие истины, он и служил им, и занимался ими, и болел ими душой и телом. Любое конкретное проявление зла или добра в его мозгу сразу же обобщалось, находило свой прообраз в мифологемах мировой культуры и тем самым становилось художественным материалом, «пластилином», из которого он вылепливал свою модель взаимодействия и борьбы злого и доброго, прекрасного и безобразного.

Те реальные явления, которые другого человека могли психологически травмировать, для Александра превращались в предмет философского осмысления, кистью или словом — неважно.

Вот типичный пример того, как воспринималось им собственное бытие: «Я долго думал над мифом, повествующим о рождении Аполлона... Почему бог, олицетворяющий искусство и творческую потенцию, родился где-то в изгнании, на каком-то пустынном острове? Почему греки не окружили более достойными условиями рождение своего любимца? И понял: это — не случайно. Видимо, душе его необходимо было измучиться пустыней, истосковаться по прекрасному, по совершенству и гармонии до такой степени, чтобы оказаться способной родить все это из самое себя, превратиться в источник творческих сил...

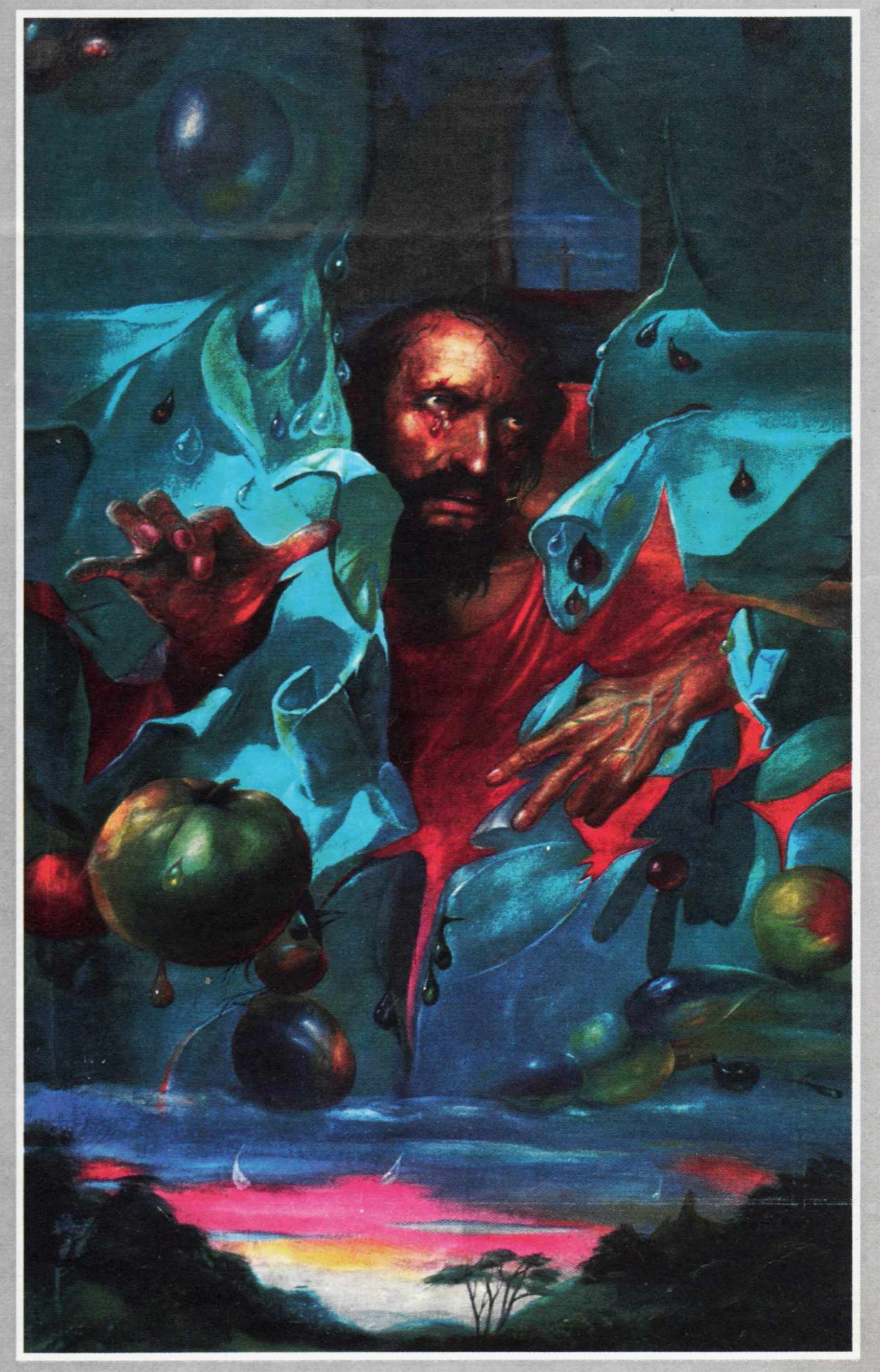
У меня то же самое: рождение в глубинке Белоруссии, в какой-то деревеньке, бо́льшая часть жизни в небольшом провинциальном городке — условия, в которых, казалось бы, не из чего ни родиться, ни вырасти художнику... Так и должно было быть!

Творцу необходима пустыня для того, чтобы он мог начать творить свой собственный мир, родить его из своей души.

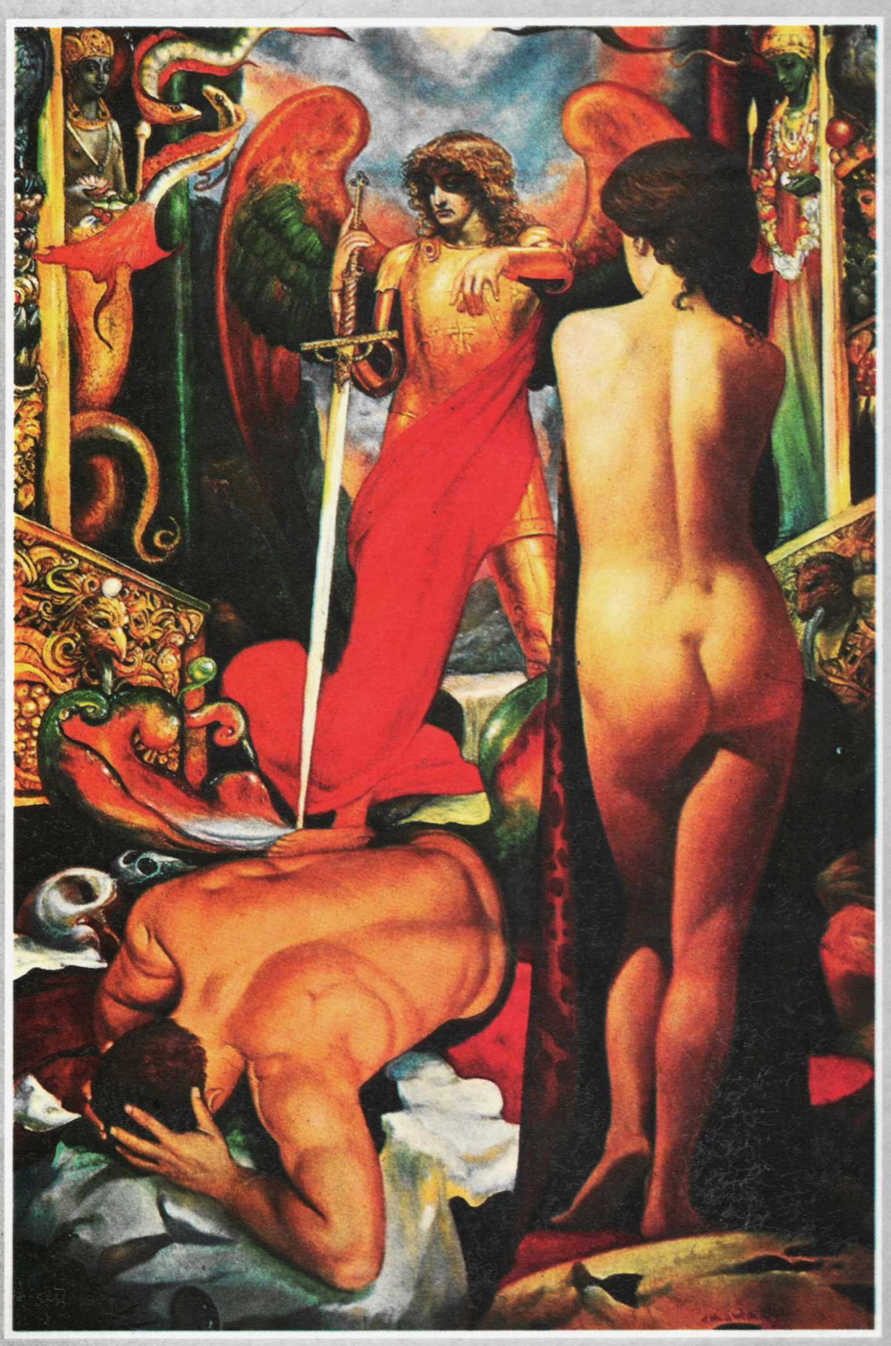
Я творец! Я бог! Я Аполлон собственного мира».

Никогда бы вы не услышали от него

МОЛИТВА. 1976.

А. А. ИСАЧЕВ. НАТЮРМОРТ С ЗЕРКАЛОМ (ИЗ СЕРИИ «МАГИЯ»). 1982.

брюзжания по поводу нехватки денег, жалоб на то, что он не может работать, так как нет подходящих условий и т. д. Этих проблем для него просто не существовало. Это не значит, что их не было в нашей жизни. Сколько угодно! Гораздо больше, чем в любой другой семье. Но он просто психологически не способен был их брать в расчет. Он мог отдать по первой просьбе последние деньги и аргументировать это тем, что «с голоду не помрем».

Признание? О нем Александр в начале своего пути и не думал. Напротив, было совершенно четкое сознание того, что ни слава, ни деньги не станут его спутниками.

«Широкая известность в нешироких кругах» — так шутливо определял он свой успех на неофициальных выставках в Ленинграде. Сама собой пришла и уверенность в том, что его творчество рано или поздно получит широкое признание. При жизни ли, посмертно ли — для него было неважно.

Однажды (это было в 1981 г.) с его работами захотели познакомиться члены Гомельского отделения Союза художников БССР. Они посетили небольшую квартирную экспозицию его картин, где и вынесли резюме: «Работы эти выставлять нельзя из-за неподходящих тем».

Иногда он в поисках материального подкрепления нашего с двумя детьми существования предлагал свои услуги в оформлении какого-либо объекта в Речице (например, бар, молодежное кафе). Но и здесь он желал делать только то, что считал нужным сам. Препоны, которые вставали на его пути, не удивляли его, и к ним он относился однозначно: «Если не дадут делать то, что я хочу, то вообще не буду делать». Так и получалось. Не скажу, что это очень его расстраивало, скорее просто раздражало.

Помню два-три прихода участкового милиционера, который ограничивался взятием объяснительной по поводу средств, на которые живет семья. Предъявления договорных обязательств на роспись церквей и квитанций об уплате госналога было достаточно для того, чтобы Сашу опять надолго оставляли в покое.

Неприятности начались позднее, в период «усиленной борьбы за трудовую дисциплину». Вот тут-то вспомнили, вот тут-то стали требовать, даже угрожали наказать за «тунеядство». В этих случаях Александр категорически отказывался подписать бумагу, в которой стояла формулировка «от общественно полезного труда отказался».

«Я считаю свой труд полезным для общества»,— заявлял он.

Но все-таки пришлось искать «обходные пути», чтобы «меньше цеплялись». Подыскивать работу, при которой оставалось бы побольше свободного времени. Иногда удавалось найти такой вариант, иногда приходилось отрабатывать восьмичасовой рабочий день — то сезонником в парке культуры, то с так называемыми «шабашниками», то в Речицком РСУ маляром-штукатуром...

Но, пожалуй, время наиболее частых и ощутимых нервных срывов и депрессий приходится именно на тот период, когда стали усиленно замечать его «тунеядство». Период пристального внимания к нему со стороны властей окончился двумя, последовавшими почти сразу же друг за другом попаданиями Саши в районную психиатрическую больницу.

«Не срывы же заполняют основную часть моей жизни,— говорил Саша,— не это же составляет главную мою сущность...»

В этом с ним нельзя было не согласиться.

Пусть помнят об этом те, кто берется за описание его судьбы и творчества. Не судите, да не судимы будете.

В конце концов не дрожащей же рукой выполнялась ювелирная прописка мельчайших деталей, наносились на холст тончайшие слои лессировочного письма. Нужно было вдохновенное время для того, чтобы создать около пятисот полотен и сотни графических листов!

И сделать это всего лишь за 14 лет, ни разу не покривив душой перед своим Богом — Творчеством.

Нет! О нем нужно не плакать, не сожалеть... Ему нужно завидовать!

ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ. 1983.

Владимир ЛЬВОВ

(1926—1961)

Родился в Москве. В 17 лет добровольцем ушел на фронт. После войны заочно окончил Литературный институт, долгое время занимался переводами. При жизни вышла единственная книга «Без отдыха» (1957). Даже если бы я не знал, что он поэт, я бы догадался об этом, встретив его, такое неизбывное желание высказаться было в его голубых глазах, так сбивчива, прерывиста была его речь, когда он пытался что-то изложить прозой. Он всю жизнь преданно и мучительно любил одну замужнюю женщину, которая, видимо, боялась его неустроенности, его слишком сильных страстей. Эта его любовь развивалась трагически — прямо по «Облаку в штанах» Маяковского. Он утонул или утопился — кто знает. Он был поэтом от ступней до корней волос.

НОЧНАЯ СМЕНА

Подбородок клюнул грудь.
Над глазами сон набряк.
Всполошился где-нибудь
шелудивый лай собак.

Я водой смочил глаза,
запер двери на засов.
По стеклу ползет оса
до двенадцати часов.

Только сядь, сядь, сядь —
сразу спать, спать, спать...

Ну, а дома у меня
на подушке луч лежит,
холодеет простыня,
тишина не задрожит.

Краги снять, снять, снять —
сразу спать, спать, спать.

Но над самой головой
мчится радио стремглав...
По дорожке беговой
протопочет телеграф.

Рядом печь, печь, печь
клонит лечь, лечь, лечь...

Встрепенулся как ни в чем
не бывало, сел опять
и работаю ключом,
не давая сердцу спать.

Волны, посланные мной,
все подобны миражу.
Я немой эфир земной
на конце ключа держу.

Смена в пять, в пять, в пять.
Лягу спать, спать, спать.

ПРОБНЫЙ СТЕЖОК

Свой первый крик оставив где-то
в тяжелой близости земной,
стремится узкая ракета,
не управляемая мной.

Как заплутавшийся впервые
телок мычаньем кличет мать,
все шлет ракета позывные,
которых некому принять...

Уж и Земля над ней не в силе,
все звезды ей равно милы...
Игла, в которую забыли
вдеть нитку, чтобы сшить миры!

* * *

Где б я ни был, что б со мной
ни стало
и куда б меня ни занесло —
будет мне выламывать суставы
поэтическое ремесло.

И когда однажды неудача
пересеребрит мои виски,
я пойду, не падая, не плача,
крепко стиснув зубы от тоски.

Только я хотел бы
в злое время,
когда очень трудно станет жить,
на твои
хорошие колени
голову тяжелую сложить.

* * *

Распятье с желтым телом божьим,
лицо измучено тоской,
и мы любить его не можем
с его гвоздями и доской.
Его кровей цветенье алых,
его устало-скорбный лик.
Христос сегодня только жалок
и уж, конечно, не велик.
Земля победу любит наша.
О милый старый бог, прости,
но переполнилася чаша,
теперь страданья не в чести.

* * *

Одна девчонка нас любила,
одна водчонка нас поила,
один окопчик на двоих
хранил на всех передовых.

Мы прожили одно и то же:
неповторимы, непохожи,
но мы писали все равно
стихотворение одно.

ПЕРЕД ПОИСКОМ

Мне сулят погибель, карауля
жизнь мою из тысячи засад.
Только не отлита эта пуля.
Так-то, брат.

Нелегко забить меня в железы...
Выпьем, чтоб над головой прошла
та, что ввинчивается в нарезы
вороненого ствола.

Константин БОГАТЫРЕВ

(1925—1976)

Сын П. Г. Богатырева — известного фольклориста, этнографа, театроведа. Главной работой всей жизни К. Богатырева были переводы из Рильке. Заслуженный памятник этому поэту-переводчику сделали в ФРГ, издав избранное его лучших переводов с немецкого и стихов. Богатырев был близким другом Г. Белля. Произнес речь на похоронах Пастернака, неоднократно подписывал письма в защиту так называемых «диссидентов», обладая благородной, отзывчивой душой.

* * *

Никто на свете ведь не знал
о том,
насколько тесно он был с этим
связан:
с водою этой, с глубью этой,
с вязом,—
что было это все его лицом.

И до сих пор его лицо — приманка
для шири, что была ему верна.
Мертвеет маска, но пока она,
как тронутая воздухом изнанка
плода, какой-то миг еще нежна.

Дмитрий ГОЛУБКОВ

(1930—1972)

Окончил факультет журналистики МГУ. При жизни вышло шесть сборников стихов и повесть о Сарьяне. В 1973 году издан историко-биографический роман о Баратынском «Недуг бытия». Тонкий русский интеллигент. Был тактичным, вдумчивым редактором. Близкий друг Ю. Казакова, написавшего о нем великий трагический рассказ «Во сне ты горько плакал».

* * *

И над могилой сосны стыли,
И медлила гроза вдали.
И тихо, плача, подошли
Две женщины к его могиле —

Две славы, две судьбы его,
Две неутешные врагини.
Их примирило горе ныне,
Как вдруг открытое родство...

Сергей ДРОФЕНКО

(1933—1970)

Родился в Днепропетровской области. Окончил журфак МГУ. Работал в многотиражке на строительстве Запсиба, после переезда в Москву — на радио, а в 1965—1970 годах возглавлял отдел поэзии журнала «Юность». Открыл и поддержал многих молодых поэтов. Смерть его была трагической и нелепой. Традиционный поэт, стихи подкупают непритязательной чистотой письма.

* * *

Простите меня, если я приносил
вам беду.
Я в ад не хочу. Мне приятнее
в райском саду
устроиться прочно. Довольно
я видел огня.
Простите меня. Если можно,
простите меня.

Устроиться в райском,
упрочиться в майском саду.
Меня вам не видно, но вы у меня
на виду.
А я все безвестней в кругу
нашем день ото дня.
Вы позже. Я раньше. Простите.
Простите меня.

На небе седьмом я лежу
в исполинской траве.
Библейские птицы кружат
надо мной в синеве.
Владыка Вселенной ко мне
подбежал семеня.
Тоскливое счастье. Я умер.
Простите меня.

Прости, черновик. Ты остался
без главной строки.
Простите, наставники, юноши
и старики.
Вы были заботливы, душу
питомца храня.
Простите меня. Если можно,
простите меня.

* * *

Не убивай, Иван, сынка!
Не опьяняйся царской силой.
Озлился — дай ему пинка.
Ведь это твой детина хилый.
Подумай в миг, когда убьешь,
о муках совести и веры.
Какие ныне подаешь
потомству дальнему примеры?
Как шея белая тонка!
Безжизненно повисли руки.
Не убивай, Иван, сынка.
Пусть от него родятся внуки.
Пади!
Прощения проси!
Рыдай по-бабьи, царь московский!
Пусть разнесется по Руси
молва о горести отцовской.
Реши улыбкой малый спор.
Но нет!
Глаза сверкают люто.
А за спиной вострит топор
толковый ученик Малюта.
Вещает с красного крыльца,
что опочил царевич в бозе.
Лежит —
лишь струйка вдоль лица —
в страдальчески-нелепой позе.
Сознание застлал туман.
Отец и сын.
Так не бывает.
Не убивай сынка, Иван!
Просить напрасно.
Убивает...

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЛЕОНИДА КРАСИНА

«НЕОБЫКНОВЕННО ТАЛАНТЛИВЫЙ, ОДАРЕННЫЙ ЧЕЛОВЕК ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ,— ПОДВОДИЛ ИТОГИ ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ,— ДА И ПОСТОЯТЬ ЗА СЕБЯ УМЕЕТ. НЕ ВСЯКИЙ РИСКНЕТ ТАК ХЛОПНУТЬ ДВЕРЬЮ В НАШЕМ ЦК, КАК ЭТО НЕ РАЗ ПРОДЕЛЫВАЛ ЛЕОНИД БОРИСОВИЧ...»
Г. М. Кржижановский «Леонид Красин».

Статья Л. Б. Красина «Контроль или производство», опубликованная газетой «Правда» в марте 1923 года сразу же после выхода работы В. И. Ленина «Лучше меньше, да лучше», составившей часть цикла его последних статей, так называемого «Завещания», без преувеличения представляет исключительный интерес и сегодня.

Ведь все яснее становится, что главное в нашей перестройке не просто перемены экономического и политического характера. Речь идет о гораздо большем — о формировании новой, современной, соответствующей реалиям конца XX века концепции социализма. Каким в XXI веке может быть строй, в основе которого лежит общественная собственность?

Для выработки такой концепции обязательна оценка той системы, в которой мы живем. Этот вариант социализма получил название Административной Системы. Только в нашей стране известно несколько ее разновидностей: военный коммунизм, культ личности, механизм торможения.

Для теоретического анализа Административной Системы существен так называемый вопрос об альтернативах. Его можно сформулировать так: были ли какие-либо альтернативы Административной Системе? Разумеется, речь идет об альтернативах в рамках социализма, так как несоциалистические альтернативы сомнений не вызывают. Итак, были ли альтернативы социалистического характера?

Немало ученых считают Административную Систему исторической случайностью. Но я в практическом плане не вижу ей альтернатив в следующего типа ситуациях. Во-первых, в странах, где власть берет партия пролетариата, но сам пролетариат составляет меньшинство общества. Во-вторых, в странах, где уровень производительных сил достаточен для появления пролетариата и его партии, достаточен для взятия власти, но не достаточен, чтобы стать фундаментом социализма. Поэтому социализм не может появиться в таких странах как результат простого обобществления производительных сил, сбрасывания отживших пут частной собственности (как предполагали К. Маркс и Ф. Энгельс и первоначально сам В. И. Ленин). И соответственно в итоге обобществление служит только начальным шагом к главному: строительству социалистического базиса. Такое строительство можно осуществить — по В. И. Ленину — и без капитализма, не в рамках капитализма, а силами пролетарского государства под руководством взявшей власть партии. Все, кто в таких условиях исходил из идеи сохранения взятой власти в руках пролетариата, неизбежно приходили к идее использования взятой власти в качестве инструмента для строительства нужного ей базиса. А при таком подходе, как мне кажется, на практике неизбежны только те или иные варианты Административной Системы, понимаемой как механизм, в котором власть взялась руководить строительством экономики нового типа.

Но если на практике я не вижу альтернатив, то это еще не ответ на вопрос: были ли они в теоретическом плане? И тут надо преодолеть доставшийся нам от прошлого своего рода теоретический дальтонизм, когда мы не видим многих цветов и считаем Административную Систему не только практически, но и теоретически единственно мыслимой. Было ли это так?

Модель Л. Д. Троцкого и ее варианты, на мой взгляд, альтернативами считать нельзя. По сути, это все та же Административная Система.

Модель Н. И. Бухарина была, я бы назвал, полуальтернативой Административной Системе. Дело в том, что в этой модели социалистическая альтернатива не была заложена как единственно возможная. В этой модели остается неясным, как долго и, главное, почему государство останется пролетарским по целям, методам и составу кадров, если пролетариат перестал быть пролетариатом, если господствует крестьянство и десятки лет нет подлинного экономического базиса для социализма. Неясно, на сколько лет в таких условиях сохранится та природа надстройки, которая возникла в ходе революции. Была в этой модели и непролетарская перспектива, так как нельзя было однозначно предполагать, что составляющее гигантское большинство страны — крестьянство, став экономически самостоятельным классом, на долгие годы автоматически смирится с предназначенной ему в модели Н. И. Бухарина ролью подчиненного младшего союзника пролетариата и его партии. Поэтому вполне реальны были опасения И. В. Сталина и его группы в части того, что, добившись большинства в Советах, крестьяне начнут добиваться и более серьезных перемен — во всяком слу-

чае, в направлении устранения из аппарата всех кадров, сделавших карьеру на продразверстке и комбедах, собирающихся использовать село как топливо при выплавке социализма. И, наконец, нельзя не заметить, что и в модели Н. И. Бухарина именно власть руководит развитием, а тут не исключена Административная Система. Очень примечательно, что сам Н. И. Бухарин при первых же успехах ускоренной индустриализации и форсированной коллективизации публично на XVI съезде признал правоту сталинской модели. Судя по всему, за свою модель он выступал из-за больше всего пугавшей его опасности всеобщего крестьянского восстания против большевиков.

Самым сложным является вопрос о том, на что была ориентирована модель самого В. И. Ленина. Как я уже писал (в журнале «Наука и жизнь» № 10, 1988 г. и ранее, в журнале «Вопросы экономики» № 5, 1985 г.), модель В. И. Ленина содержала в себе своеобразный синтез подхода нэпа и подхода военного коммунизма. От первого шла идея строя цивилизованных кооператоров, от второго — идея руководства со стороны меньшинства большинством народа, идея организованных сверху индустриализации и коллективизации, всей культурной революции. План этот В. И. Ленину не удалось ни доработать теоретически, ни тем более начать реализовывать. Но у меня лично сложилось убеждение, что в этом плане было больше основ для развития в сторону варианта Административной Системы (конечно, в варианте, отличном от культа личности).

Были ли другие модели, помимо упомянутых? Публикуемая в «Огоньке» статья Л. Б. Красина как раз интересна тем, что она доказывает, что в нашей партии были высказаны и другие, кроме четырех названных, подходы.

Судя по быстроте написания, по четкости выводов, Л. Б. Красин сформулировал свою позицию по вопросу о том, как можно строить социализм в России после завершения гражданской войны, уже давно, задолго до статьи В. И. Ленина.

Прежде всего надо обратить внимание на тот замечательный факт, что Л. Б. Красин, в полной мере признавая роль В. И. Ленина как «отца-созидателя» и «мозга нашей партии», считает вполне нормальным критиковать вождя партии и государства, и при этом на страницах органа ЦК партии — в «Правде». Именно такая обстановка тех лет позволяла иметь в партии и вождя, и одновременно избегать серьезных субъективных ошибок в решениях и этого вождя, и всего ЦК. Именно это объясняет, почему однопартийность тех лет, не исключавшая дискуссий, фракций и противостояний, позволяла эффективно решать проблемы развития и страны, и партии.

Но для меня сейчас главное не анализ этого варианта однопартийности, а сам подход Л. Б. Красина. Он, имея перед собой опыт всего лишь пяти послереволюционных лет, сумел с удивительной глубиной вскрыть многие черты механизма, который мы теперь называем Административной Системой.

Наверху — ЦК. Но не тот, дореволюционный, а уже новый. Его характерная черта в том, что в нем «могут влиять на внутреннюю и внешнюю политику отдельные личности, а не весь коллектив». Заметим: у Л. Б. Красина появилось даже слово «личность». А почему они стали влиятельными? Да потому, что «отчасти этому явлению способствовал сам ЦК, способствуя прохождению в ЦК на съездах таких членов, которые исполняли бы волю отдельных влиятельных личностей». Другими словами, вожди ЦК уже стали подбирать «своих людей» в ЦК и обеспечивать тем самым свое право действовать единолично. Эта «организация верхушки нашей партии унаследована нами» от прошлого периода.

Далее идут основные кадры аппарата. И здесь Л. Б. Красин тоже уловил очень характерные черты. Годы революции и гражданской войны произвели своего рода сортировку старых руководителей и, главное, выдвинули целый слой новых. Кто же выдвинулся?

Социализм пришлось внедрять и отстаивать силой. И тот, кто лучше умел ею пользоваться, тот и побеждал. Побеждал тот, кто стрелял первый, кто стрелял больше, стрелял чаще, кто был беспощаднее и жестче. Этот слой кадров отбирался самой логикой революции в отсталой стране. У этих руководителей, воспитанных на культе «товарища Маузера», культе силы, господствуют «всезнайство и презрение к какому-либо вообще знанию и в еще большей степени специальному умению». Они привыкли, что их бросают на любое дело, на какие угодно должности — от финансов до культуры. И нигде не спрашивают эффекта. Критерий один: «рассуждать некогда, как сделаешь, так и ладно». Отсюда постоянно укрепляемые чувства всесильности, безграничных возможностей, вседозволенности и самоуверенности.

Эти кадры, именно они, тянутся к контролю. Под «контролем» Л. Б. Красин понимает весь комплекс администрирования — от государственного до партийного. Эта тяга вполне естественна для таких руководителей, ибо «именно наши контролирующие и инспектирующие органы и являются главным убежищем для этих всезнаек, особенно еще если у них имеется хороший коммунистический стаж». У них есть перспективы только в механизме, где главной будет «роль каких-то генеральных уставщиков и инструкторов, по дудке которых должны плясать все производственные органы и отдельные министерства».

И с такими установками плюс с глубокой уверенностью, что именно они и только они могут вести страну дальше, партия приступала к экономическому строительству. Вариант развития в создании этих кадров был один: обязательно сделать экономику уже знакомым им полем битвы, полем схватки с врагами, чтобы использовать знакомые этим кадрам методы борьбы.

Для таких руководителей как раз и приемлема модель руководства работой других и вообще модель, при которой партия и государство (т. е. они) ведут страну, дают указания, руководят. Для них не подходит модель развитого капитализма, когда в случае плохой работы «меняют директора». Им по душе «несменяемый» руководитель, а менять надо спецов и исполнителей, не сумевших оправдать надежды партийного руководства. При этом «чем выше и чем полномочнее ревизующая или контролирующая комиссия, тем она обычно невежественнее и тем бесплоднее ее работа...».

В отношении задач, стоящих перед партией и Советской властью, у Л. Б. Красина нет разногласий с В. И. Лениным. Надо, наконец, от разрушения перейти к созиданию. Надо построить социализм. Л. Б. Красин стоит на ленинской платформе: власть не отдавать, базис для нее строить с помощью этой власти. При этом Л. Б. Красин четко ориентирован на социализм в одной стране «хоть на сотню лет». Пожалуй, до него никто такие сроки не называл, и здесь Л. Б. Красин тоже оказался пророком.

В чем же разногласие с В. И. Лениным? В самом подходе к инструменту строительства, к власти, к аппарату. В. И. Ленин упор делает на его административное совершенствование, Л. Б. Красин с этим не согласен. В схеме В. И. Ленина о реорганизации Рабкрина и ЦКК Л. Б. Красин прозорливо увидел опасность упора на создание административного аппарата как главного инструмента хозяйственного строительства. Л. Б. Красин сознательно не замечает, что в концепции В. И. Ленина о роли органов «сверхконтроля» — ЦКК — Рабкрина есть новая черта. В. И. Ленин пишет о полной независимости этой контрольной системы от аппарата, так как контрольные органы избираются на тех же съездах, которые формируют и исполнительный аппарат. В. И. Ленин, судя по всему, искал противовес однопартийности. Судя по всему, Л. Б. Красин эту сторону не хочет рассматривать. Видимо, он убежден, что из этих поисков ничего не получится и на деле все сведется не к параллельному аппарату «сверхконтролю», а к «сверхконтролю» сугубо административного плана.

Л. Б. Красин и здесь гениально предвидит, что «сверхконтроль» не станет альтернативой Административной Системе, ибо всякий контроль административен по своей природе. Напротив, эта система сама нуждается в «сверхконтроле» как подсистема. Правда, в жизни такой подсистемой стала не система ЦКК — Рабкрина, а то, что можно назвать «подсистемой страха», так как именно она была наиболее централизована, сама отбирала для себя кадры, сама их обеспечивала. Она оказалась наиболее пригодна для контроля одного человека.

Л. Б. Красин правильно пытается за идеями контроля увидеть теоретические ошибки. Контроль и в целом администрирование, пишет он,— подчиненные функции в экономике. Они ее обслуживают. Чем лучше организовано хозяйство, тем меньше нужен контроль. «Никакой контролер не научит вас делать сахар или спички...»

Контроль и администрирование, начиная поход за мошенниками, неизбежно превращаются в «ловлю вообще, по случаю плохого хозяйничанья». Но, имея право ловить, контролеры не знают, в чем именно состоят ошибки. Им нужен четкий законодательный критерий,— а таковой в сфере экономики сформулировать или невозможно, или он будет субъективным мнением верхов. Но еще опаснее то,— вновь предвидит Л. Б. Красин,— что административное командование экономикой будет двигаться в сторону ловли «по случаю недостаточного проявления инициативы». Но ведь инициативу нельзя вызвать палкой: «С мерами только устрашения, пресечения, контроля мы не далеко ускачем...» И опять гениальное предвидение Л. Б. Красина — на этом пути мы дойдем «до ловли несогласно мыслящих».

Л. Б. Красин видит, что упования на «рабочий контроль» начались еще до Октябрьской революции, когда был взят курс на нее. Он видит, что никакого варианта, кроме «натиска и разрушения», наша революция не имела. Он понял, что гражданскую войну вызвало администрирование в экономике, но оно же обеспечило победу в этой войне. И все же в целом он целиком оправдывает администрирование для периода революции и войны. У него одно пожелание: теперь, победив в революции и войне, нужно полностью избавиться от всех пережитков прошлого и начать нормальное развитие.

Л. Б. Красин предлагает свой путь использования власти для подъема экономики. Речь идет о том, что он называет методами, приближающимися к производственным (сегодня мы сказали бы — экономические методы). «Лучшая организация производственных аппаратов, более толковый подбор людей, особенно на ответственные посты, максимально возможное материальное обеспечение рабочих, служащих и руководящего персонала, а главное — терпеливое, спокойное и выдержанное выжидание успеха...» Он пишет: «Накормите хорошенько этих спецов, дайте им хоть по две комнаты с отоплением и светом... и наши спецы будут работать»,— и установится «то действительное содружество рабочего, техника и представителя власти, без какового содружества продуктивная производственная работа невозможна». В схеме Л. Б. Красина рекомендуется «вместо бесполезной для страны контролирующей, инспектирующей и всякой иной пустопорожней работы взяться за пилу, стамеску, стать к станку или к котлу химического производства». Л. Б. Красин подчеркивает, что «крамола была изведена и прекратилась лишь с того момента, когда мы сами все эти, якобы вредоносные действия обывателей, объявили дозволенными и некрамольными».

Л. Б. Красин не только формулирует свой подход. Он ясно сознает, что это альтернатива администрированию: «Противопоставление не выдумано мною, а создано жизнью и слишком рьяными сторонниками усиления контроля... Это они заставляют нас, производственников, ставить вопрос в форме «или — или».

Конечно, было бы неверно приписывать Л. Б. Красину все то, что нам стало ясно только в ходе опыта целых десятилетий.

Критикуя административный подход, Л. Б. Красин все же недооценил его резервы. В частности, он не предусмотрел, что этот подход сможет на много лет достаточно эффективно использовать энтузиазм масс, рожденный великой революцией. Л. Б. Красин недоучел значение того, что Административная Система, взяв на вооружение вековую мечту российской интеллигенции о процветающей стране, сумеет вовлечь, хотя и весьма неполно и противоречиво, лучшие умы страны в свою работу. И, наконец, что Административная Система, взявшись строить социализм, заставит смириться со всеми своими трудностями тех руководителей, которые сформировались в годы подполья и революции,— лишь бы не отдавать власть, лишь бы шло дело, которому была посвящена их жизнь. И за счет этих факторов, по существу, лежащих за пределами Административной Системы, но мобилизованных именно ею, она сможет осуществить индустриализацию, культурную революцию и т. д. Конечно, продолжая заставлять народы нашей страны вносить за это ту же плату, которую они начали вносить с первых месяцев революции, и по тем же страшным ставкам. Но дело не в том, чего не предвидел Л. Б. Красин в развитии Административной Системы. Дело в том, что он искал ей альтернативу и альтернативу в самих методах строительства социалистической экономики.

Это, конечно, еще не был вариант того, что мы сегодня называем экономическим механизмом. Но в этом варианте было главное звено: идея использовать свойственные экономике методы, прежде всего материальное стимулирование.

И если пророчество Л. Б. Красина, открыто опубликованное в органе ЦК партии — «Правде» как ответ самому В. И. Ленину, не было воспринято, то это лучшее доказательство того, что большинство членов партии, не говоря уже о большинстве руководителей, были явно настроены на другую волну.

Гавриил ПОПОВ

Контроль или производство

(ПО ПОВОДУ СТАТЬИ ТОВ. ЛЕНИНА «ЛУЧШЕ МЕНЬШЕ, ДА ЛУЧШЕ»)

По обыкновению глубоко ведет свою борозду Владимир Ильич. Его статья затрагивает самые больные места нашего государственного аппарата и ставит на очередь большую преобразовательную работу. Владимир Ильич, видимо, озабочен и даже мучается сознанием страшного несоответствия между нашим государственным аппаратом и теми громадными, необыкновенно сложными задачами, которые ждут разрешения, в особенности с момента окончания оборонительной войны и перехода к положительному хозяйственному строительству. Владимир Ильич, являющийся отцом-созидателем и мозгом нашей партии, верно угадывает ее наиболее слабое место, ее ахиллесову пяту. Наша партия на пять с плюсом выполнила гигантскую революционно-разрушительную работу, железной метлой вымела последние остатки самодержавия и феодальных порядков, сломала и выбросила вон нашу никудышную русскую буржуазию и утвердила незыблемо диктатуру рабочих и крестьян. Уже значительно хуже, с громадной растратой человеческих сил — «большими кровями», если перефразировать недавнее крылатое слово тов. Троцкого, с колоссальной растратой материалов, продовольствия, денежных средств выиграли мы оборонительную войну, и только геройство Красной Армии привело нас к победе, несмотря на слабую организацию войны в целом. Но хуже и беспомощнее всего действуем мы в области положительного строительства, в восстановлении производственного и транспортного аппаратов, очень мало успевая и в подъеме сельского хозяйства.

Владимир Ильич основной причиной наших зол считает несовершенство, доходящее до полной негодности, нашего государственного аппарата. В отрицательной, критической части своей статьи В. И. неподражаем. Он не только разоблачает застарелые язвы наших учреждений, но и с беспощадной насмешкой издевается над многими особенностями нашей психологии, заканчивая советом: **«во-первых — учиться, во-вторых — учиться и в-третьих — учиться».**

Иначе обстоит с положительной частью статьи. Куда собственно ведет свою борозду В. И., я не вполне разобрал. Но та часть его предложений, которая касается какого-то необыкновенного усиления и пересоздания Рабкрина, превращения его в Сверхрабкрин, в своего рода мозг и сердце всего советского государственного аппарата, возбуждает у меня большие сомнения и даже опасения.

Мы с В. И. давние противники в вопросах, касающихся государственного контроля. Он всегда стоял за усиление и развитие этого учреждения, я же давно боролся против гипертрофии контроля и против переоценки его значения. Кажется, жизнь уже начинает выносить свой приговор в этом споре. Мы выбросили, как негодную ветошь, предварительный контроль, а сколько живых сил было связано и убито этой недоброй памяти институтом в самую трудную эпоху нашей борьбы за самое существование Республики. Сегодня я читаю в газетах, что сама коллегия ПАРКИ «отказывается от текущего контроля всех денежных и имущественных операций госорганов». Вот уж поистине лучше поздно, чем никогда. Я не сомневаюсь, что и дальнейшее развитие будет идти в этом же направлении.

Но почему же такое противопоставление — контроль или производство! Почему такая антитеза? Ведь, казалось бы, контроль именно и поможет производству и нет никакого противоречия между этими двумя отраслями государственной работы.

Противопоставление не выдумано мною, а создано жизнью и слишком рьяными сторонниками усиления контроля как самого радикального, если не единственного средства лечения всех государственных болезней. Это они заставляют нас, производственников, ставить вопрос в форме «или — или».

Гипертрофия контрольных функций и преувеличенная вера в спасительность контроля начались еще до Октябрьской революции в приснопамятные дни **«рабочего контроля»,** летом 1917 года. Поскольку этот «рабочий контроль» был одним из способов борьбы за завоевание рабочим классом государственной власти, против него нечего возразить и надо мириться с тем опустошительным влиянием, которое он имел на самую организацию и ход производства. Я хорошо понимаю также, что в первые месяцы Октябрьской революции было необходимо привлечь громадное количество лучших работников-пролетариев и к делу государственного управления, и в частности к делу контроля. Ведь это и был практический путь к захвату в свои руки государственной власти рабочим классом.

Но многие методы действия и борьбы, применявшиеся нами до революции или в ее первый период, период натиска и разрушения, подвергнуты нами пересмотру и многие оставлены. Стачка, великолепное оружие рабочего класса в условиях капиталистического строя, по справедливости отрицается нами в Советском государстве. Избыток контролирующих органов и отвлечение громадного числа производственных работников на контрольную и инспекторскую работу были понятны, повторяю, в первые месяцы революции. Но теперь, когда мы уже всецело вступили в область творческой, созидательной, организующей работы, когда мы должны уже не столько разрушать, сколько вновь строить и строить по-новому, не имея притом никаких образчиков и примеров в предыдущей истории, надо ли нам действительно всю нашу энергию, всю нашу изобретательность, весь нажим, на какой мы способны, затрачивать на создание какого-то всеобъемлющего сверхкомиссариата контроля, от работы которого ожидается излечение всех недугов.

В чем основная задача Советской власти в ближайший период? Не может быть двух ответов — в восстановлении экономики страны, **в увеличении производства,** в том, чтобы заработали полным ходом каменноугольные копи и нефтяные скважины, в том, чтобы железные дороги и водный транспорт подняли свою работу хотя бы до довоенного уровня, а паровозные и вагонные депо заполнились новыми локомотивами и вагонами, в том, наконец, чтобы наш крестьянин вместо жалких 30—35 пудов хлеба с десятины производил довоенные 55, если не 120—150 пудов, как на много худших землях производит крестьянин в Германии или Дании. Удастся нам поднять производство, мы сделаем Советскую власть несокрушимой и внутри, и извне. Вопрос защиты нашей страны, вопрос Красной Армии есть также вопрос, прежде всего, производственный, и с успешным разрешением общего подъема производительных сил, с увеличением экспорта мы, шутя, играючи, при нашем запасе человеческого материала, построим такую армию, дадим ей в руки такую артиллерию, такой воздухофлот, которые, при наших пространствах и при климате нашей страны, позволят нам хоть сотню лет спокойно со скрещенными руками ожидать дальнейшего развития мировой революции, а может быть даже маненечко и подтолкнуть это развитие. Основная задача наша, повторяю, производственная, и главная наша беда заключается в том, что **мы не можем, не умеем организовать именно производство.** В этом самое слабое, а вовсе не в том, что у нас нет достаточно хорошо построенного контролирующего аппарата. Под производством я разумею здесь не только непосредственно добывающую или преобразующую материю деятельность человека, но и всякое административное и организационное творчество, в том числе и в первую голову создание, усовершенствование и развитие тех государственных органов, по-нашему наркоматов, которые должны помогать организовать, содействовать развитию производства в самых различных отраслях труда и работы, начиная от хутора крестьянина с его трехпольем и кончая Пулковской обсерваторией или Академией наук. Эта производственная задача есть основная вечная задача, сопровождающая человека от пещерных времен до развития высших форм социалистического бытия. **Пока человечество существует, оно будет производить.**

В противоположность производству, **контроль есть вспомогательная функция,** необходимая лишь постольку, поскольку сам аппарат производства еще не совершенен. По мере того, как производство совершенствуется, контроль становится все менее и менее нужным, и лучшей, идеальной формой производственного аппарата является автомат, т. е. машина, которая работает **без всякого контроля** со стороны человека.

Предположим, нам надо построить машину с железным валом, подвергающимся боковому давлению, а следовательно, и опасности изгиба. Тут можно было бы идти двумя путями. Можно было бы снабдить эту машину особым контрольным приспособлением, которое при посредстве звонка или светового сигнала, или какой-нибудь стрелки, контролировало бы в каждый данный момент изгиб вала и показывало бы, насколько вал изогнулся. Это есть метод, в котором в основу угла положен принцип контроля. Но современное машиностроение идет не этим путем. Оно строит вал машины из такого металла и дает ему такие размеры, при которых даже наличность бокового давления не дает валу практически заметного изгиба. Никакого длительного контроля, раз машина построена правильно, за изгибом вала уже не требуется.

Вот именно по этому второму принципу нам надо строить и перестраивать и наш государственный аппарат. Он работает не потому плохо, что нет достаточного контроля, а потому, что сделан не из того железа, какое нужно, да и сами механики и инженеры не знают иногда самых элементарных правил расчета и построения самого аппарата. Не удивительно, что вал все время гнется, ковыляет и бьет, а мы стоим вокруг и придумываем, какие бы еще фокусы и приспособления изобрести, чтобы проконтролировать, проинспектировать работу и прогиб этого несчастного вала нашей государственной машины.

Контроль, как сказано, в противоположность производству, есть лишь временная, преходящая и вспомогательная мера, и цель всякого хорошего организатора состоит не в том, чтобы усилить контроль, а напротив, в том, чтобы сделать какой-либо контроль совершенно ненужным, добившись автоматически правильной работы аппарата.

Максимум производства и минимум контроля — вот цель, к которой мы должны стремиться. Вместо этого нам предлагают создание какого-то невиданного нигде в мире сверхкомиссариата, который должен руководить всеми наркоматами и пользоваться бесконечно большим авторитетом. Невыполнимая, ненужная и прямо вредная в наших условиях, когда и без того слишком много сил оторвано для контроля, инспекции и т. д., утопия.

Но, скажут нам, ведь именно для того, чтобы научиться организовать производство, и нужен контроль. Такое утверждение не более, как схоластический канцелярский предрассудок. **Научиться производству можно только в самом производстве,** и всякий контролер, если он вообще что-нибудь смыслит и понимает, все свое знание целиком заимствует из процесса производства.

Никакой контролер не научит вас делать сахар или спички и всякий специалист сахарного или спичечного дела засмеется вам в глаза, если вы пошлете к нему чиновника Рабкрина для обучения производственных работников спичечному или сахарному производству. Каждый производственник и каждое производственное предприятие должны, конечно, учитывать результаты как своего, так и чужого опыта, проверять себя, пробивать новые пути и т. д. Это тоже контроль, и этот кон-

троль — неизбежный спутник всякого производства, но его отличие от государственного рабкриновского контроля заключается в том, **что он находится внутри самого производства.** И я готов был бы пойти на компромисс со сторонниками системы Рабкрина при условии, что 90 проц. этого полезного аппарата будут разогнаны из канцелярий и размещены по производственным ячейкам, и, конечно, не для того, чтобы «помогать» там своими советами людям, которые хоть и плохо, но делают дело, не для того, чтобы путаться в ногах у действительных работников производства, а для того, чтобы самим вместо бесполезной для страны контролирующей, инспектирующей и всякой иной пустопорожней работы взяться за пилу, стамеску, стать к станку или к котлу химического производства.

Но, может быть, можно в проектируемый Сверхрабкрин пригласить как раз наилучших специалистов по механическим и химическим производствам, земледелию и пр., и, опираясь на таких специалистов, построить этот Сверхрабкрин, который должен руководить работой производственных наркоматов? Это приблизительно и предлагает Владимир Ильич. Но поступить так значило бы прежде всего ослабить и без того бедные квалифицированными кадрами силами производственные органы. Весьма сомнительно, чтобы стоило хорошего сахарного директора, выдающегося электротехника или практического агронома снимать с фабрики или поля, отрывать их от действительно производительной, плодотворной работы и сажать их в канцелярию для выработки разных схем и инструкций другим людям, как они должны работать. Во-вторых, и я это наблюдал неоднократно лично до революции, близко соприкасаясь с царским государственным контролем, всякий специалист, даже очень хороший, переходя в ведомство государственного контроля уже через немного лет превращается в старую калошу, в чиновника, отстающего в своей специальности и способного только вырабатывать трехэтажные технические условия, которые были язвой всей нашей казенной промышленности в довоенное время. Специалист является и остается специалистом своего дела лишь до тех пор, пока он работает на своей фабрике, в своей мастерской, на своем поле. Как только его взяли в канцелярию, он превращается в чиновника и в таком естестве способен только вредить, а не помогать производству.

В. И. озабочен «о сосредоточении в Рабкрине человеческого материала... не отстающего от лучших западноевропейских образцов». В. И. забывает, однако, при этом, что нигде в Западной Европе не существует чудища, сколько-нибудь подобного нашему бывшему государственному контролю, да и даже теперешней РКИ. В Западной Европе рабочие аппараты больше похожи на ту машину со стальным валом, которая уже так рассчитана, что она не нуждается в контроле или, вернее, сама себя контролирует. Никому в Западной Европе не придет в голову управлять производством при помощи какого-то контролирующего аппарата, хотя бы Рабкрина, там контролеры имеют несравненно более скромные обязанности и задачи. Они только посматривают со стороны на производство и регистрируют, что и как сделано или не сделано, но никогда не пытаются присвоить себе несвойственную роль каких-то генеральных уставщиков и инструкторов, по дудке которых должны плясать все производственные органы и отдельные министерства. Государственный контроль существует в Западной Европе в несравненно более скромных размерах, и только в царской России был государственный контроль, по своим принципам и необыкновенной раздутости аппарата несколько похожий на наш советский государственный контроль.

Весьма характерно, что наилучшие организационные формы, какие выработала капиталистическая эпоха, именно крупнейшие промышленные и торговые концерны Западной Европы и Америки, обычно не имеют никаких внешних контролирующих органов. Ни всеобщая Компания Электричества, ни Стиннес, ни Гамбург — Америка линия, ни американские тресты не имеют особых контролирующих департаментов, хоть сколько-нибудь напоминающих наш государственный контроль. Каждый завод, каждая мастерская, каждая канцелярия там сама себя контролирует, или, вернее, начальник каждого отдела контролирует самого себя и нижестоящие органы, а дирекция предприятия контролирует его в целом. Если дело идет плохо, меняют директора, но не создают особого специального контрольного органа и не возлагают на него задачи научить людей производству.

Раздутая, преувеличенная система контроля и вообще обилие всяких инспектирующих и наблюдающих органов есть главная причина невыносимого бюрократизма наших государственных учреждений. Мы громко кричим о зле бюрократизма, но не замечаем, что умножение числа канцелярий и персонала в них и происходит главным образом оттого, что у нас слишком много людей контролируют, инспектируют, направляют и наставляют вместо того, чтобы идти самим к станку или в мастерскую и там работать. Повторяю, в начальный период революции это было понятно и даже необходимо. Сейчас же задача момента заключается именно в том, чтобы понять вредоносность, гибельность чрезмерного расширения контрольных и инспекционных функций и необходимость взамен этого всячески поднять, укрепить, усилить производство, освободивши его от лишних стеснений и ... от лишних ртов.

Пережитая эпоха оборонительной войны привила нам многие качества, от которых надо теперь отучаться. Одним из таких навыков является **всезнайство** и презрение к какому-либо вообще знанию и в еще большей степени специальному умению. Во время войны, если хотите, это было необходимо, так как мы были предоставлены только своим силам, лишены возможности и времени строго подбирать людей, и в частности вынуждены были коммунистов ставить на какие угодно должности. Бери винтовку, становись директором завода или управляй железной дорогой, рассуждать некогда, как сделаешь, так и ладно. Войну мы выиграли, как я уже упоминал, с колоссальной растратой средств и сил, и **эти методы работы для теперешнего нашего строительства в значительной степени уже непригодны.** Всезнаек мы должны беспощадно изгонять со всех постов и отдавать их в учебу. Но именно наши контролирующие и инспектирующие органы и являются главным убежищем для этих всезнаек, особенно еще если у них имеется хороший коммунистический стаж. Много прекрасных товарищей, отличившихся как в предыдущей партийной работе, так и в военной борьбе, мнят себя великолепными контролерами и инспекторами, в действительности же вносят при соприкосновении с производственным делом только бюрократизм, только лишнюю волокиту, создают затор, бьют не туда, куда надо, и пропускают без внимания иногда действительно вопиющие упущения. Целый ряд контрольных и ревизионных комиссий, работавших у нас во всех комиссариатах за последний год, являются ярким примером вышесказанного, и, к сожалению, чем выше и чем полномочнее ревизующая или контролирующая комиссия, тем она обычно невежественнее и тем бесплоднее ее работа для той производственной области, которую она ревизовала или контролировала.

Тут мы подходим к тому месту статьи Владимира Ильича, где он говорит о необходимости «подготовки к ловле, не скажу мошенников, но вроде того». Конечно, мошенников необходимо ловить и поступать с ними по всей строгости законов, но я боюсь, что многими читателями будет дано этой части статьи распространительное толкование не в смысле только ловли мошенников, а в смысле ловли вообще, по случаю плохого хозяйничания, ловли по случаю недостаточного проявления инициативы и т. п., вплоть до ловли несогласно мыслящих.

Опасение мое основано на **чрезвычайной нашей приверженности к этому способу государственной деятельности.** Ловили мы на нашем веку немало, ловили баб, преступно доставлявших молоко в Москву, ловили по дорогам крестьян, осмеливавшихся перевозить сено или фураж из пределов государства Серпуховского в народоправство Подольское, ловили мешочников в поездах, ловили спекулянтов на Сухаревке и на Трубе. Все это сейчас уже в значительной степени история, и из нашего теперешнего удаления мы можем уже с полной достоверностью разглядеть, что если не все, то три четверти этих занятий по части ловли были по меньшей мере совершенно бесплодной растратой сил. Никакого практического положительного результата не получилось, изловить кого мы хотели — не удалось, и соответственная крамола была изведена и прекратилась лишь с того момента, когда мы сами все эти якобы вредоносные действия обывателей объявили дозволенными и некрамольными. Никого сейчас не ловят: ни с молоком, ни с сеном, ни с продовольствием, и Сухаревка и прочие базары не истреблены, а существуют, к некоторому даже благополучию всех и каждого.

Борьбу с мошенничеством, ленью, разгильдяйством, бесхозяйственностью и тому подобными явлениями, действительно пышным цветом распустившимися на фоне нашего нэпа, надо вести также не только и не столько методами контроля и надзора, сколько опять-таки методами, приближающимися к производственным. Лучшая организация производственных аппаратов, более толковый подбор людей, особенно на ответственные посты, максимально возможное материальное обеспечение рабочих, служащих и руководящего персонала, а главное — **терпеливое, спокойное и выдержанное выжидание успеха,** — а успех в этом трудном деле отнюдь не будет моментальным, — вот путь, который скорее и вернее позволит нам изжить эти неизбежные последствия военного и послевоенного периода революции. С мерами только устрашения, пресечения, контроля мы не далеко ускачем и в производстве, и в усовершенствовании специального государственного аппарата. Никаким нажимом, никакими драконовскими мерами вы не заставите астрономов в наших обсерваториях открывать новые кометы, не заставите даже рядового директора на обыкновенном заводе ввести какие-либо улучшения в области экономии топлива, механической перевозки или подъема тяжестей и т. д. Накормите хорошенько этих спецов, дайте им хоть по две комнаты с отоплением и светом, измените психологическую обстановку их работы так, чтобы они не боялись ежедневных возможных катастроф, перевертывающих вверх дном все существование, и наши спецы будут работать, откроют и кометы и начнут не за страх, а за совесть заводить улучшения и в производственном процессе. Если частично это даже уже и делается, то делается именно постольку, поскольку наши хозяйственники и администраторы от мер пресечения, ущемления и всяческой вообще «ловли» переходят к вышеупомянутым «производственным» методам и **устанавливают то действительное содружество рабочего, техника и представителя власти,** без какового содружества продуктивная производственная работа невозможна.

Затронул Владимир Ильич и вопрос о соединимости учреждений партийных с советскими. Тут он безусловно прав. Пока мы не имеем еще полной и абсолютной гарантии безопасности нашей Республики, пока капиталистический мир еще скалит на нас зубы и готов воспользоваться малейшей нашей оплошностью **для уничтожения рабоче-крестьянского государства, главная ответственность и за работу советского аппарата лежит на плечах партии.** Разумеется, мы должны всячески совершенствовать советский аппарат и постепенно переводить на советские рельсы всю практическую государственную работу. Но высший контроль и решение не только принципиальных, но и конкретных практических вопросов, поскольку это будут вопросы исключительного значения, когда дело идет о самих корнях или о безопасности нашей Республики, решающей инстанцией могут быть только высшие органы той партии, которая перед историей и перед своим народом взяла на свои плечи всю ответственность за великую перемену.

В рамках этой статьи я не могу подробнее остановиться на этом вопросе. Скажу только, что организация верхушки нашей партии, унаследованная нами от изжитого уже периода, не соответствует более тому громадному усложнению и количественному увеличению задач, разрешать которые приходится этим высшим органам партии. И в этой области необходимые преобразования должны быть произведены также по преимуществу с усилением «производственных» моментов за счет моментов чистого контроля, надзора, инспекции и пр.

Л. КРАСИН

ЕЩЕ О СТАТЬЕ т. ЛЕНИНА

В № 46 «Правды» некоторые товарищи высказали основные свои соображения по поводу предложения товарища Ленина о реорганизации Рабкрина, тт. Ниигоф, Чучин, Столяров и Марьясин пишут о том, что товарищ Ленин хочет слить РКИ и ЦКК и этим самым поднять авторитет РКИ как в смысле инструктирующего, так и ревизующего аппарата, дав последней больше автономии в ее работе и подчиняя ее в отчетности перед ВЦИК.

Между тем, товарищ Ленин в своей статье развивает мысль дальше этих предложений и ставит вопрос гораздо глубже, выдвигая во главу угла два глубоко продуманных положения, подтвержденных его теоретическим опытом и практическими наблюдениями в процессе всей работы за годы революции.

Товарищ Ленин пишет, что ЦК от этой реорганизации выиграет как в смысле большей связи с массами, регулярности и солидности его работы, так в смысле пополнения ЦКК опытными партийными работниками из рабочих и крестьян, которые будут входить в ЦК, и этим самым не дадут возможности отдельным чисто личным, случайным обстоятельствам влиять на политику ЦК.

Далее товарищ Ленин пишет: «ЦК сложился в группу строго централизованную и высоко авторитетную, но работа этой группы не поставлена в условия, соответствующие его авторитету». Что это значит? Это значит то, что в работе ЦК могут влиять на внутреннюю и внешнюю политику отдельные личности, а не весь коллектив. Хотя отчасти этому явлению способствовал сам ЦК, способствуя прохождению в ЦК на съездах таких членов, которые исполняли бы волю отдельных влиятельных личностей. Эту ошибку Ильич предлагает исправить увеличением ЦКК, руководящая часть которой будет посещать заседания политбюро и другие руководящие органы ЦК. Новая ЦКК составит сплоченную группу, которая должна, невзирая на лица, следить за тем, чтобы ничей авторитет не мог помешать контролю, ревизии и привлечению, если нужно, к ответственности лиц, не считаясь с их служебным положением. Вот то первое положение, выдвинутое товарищем Лениным, которое считаю вполне правильным.

Михаил
МАМАЕВ

ПОЛЕТ ВО ВЧЕРАШНИ

Фото
Александра
ДЖУСА

Мы заправляемся в ночном небе. Операция чрезвычайно сложна. На скорости около тысячи километров в час наш самолет приближается к корме танкера-заправщика, летящего пятью метрами выше. Нам предстоит попасть «клювом» — специальной штангой в носовой части — в так называемый конус — двухсоткилограммовую воронку на конце бронированного шланга, выпущенного по нашему сигналу из брюха танкера. Два десятка лет назад, когда массовая заправка в воздухе еще не была освоена, горючего хватило бы лишь «в один конец». Летчики это знали...

Во время заправки в воздухе командир корабля теряет два-три килограмма веса. Хотя эта операция — лишь эпизод.

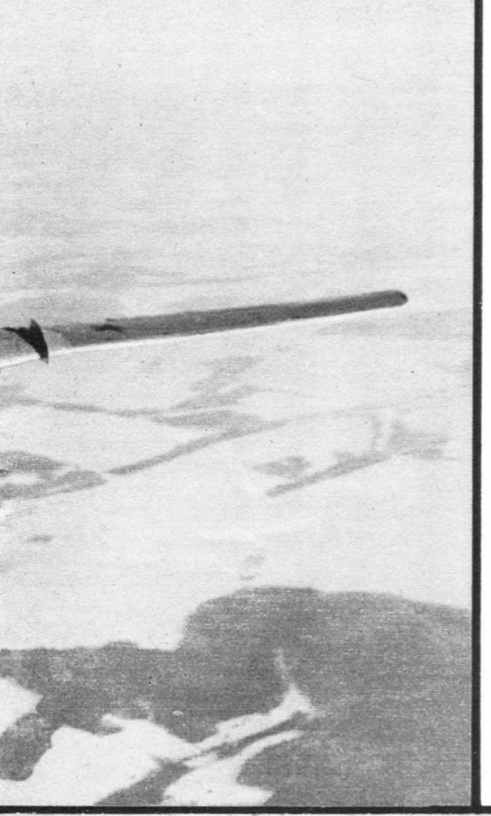
О романтике полета на дальность можно рассказывать много. Но, оказывается, «ее хватает на первые несколько лет». Об этом с горечью сказал мне один из членов экипажа, в состав которого я был зачислен на время учений. Весь экипаж с ним согласился. Но начнем все по порядку.

Авиагарнизон расположен в бескрайней степи, вдали от населенных пунктов. Зимы в этих местах холодные, ветреные. Температура падает иногда до сорока градусов мороза. А летом столбик термометра в тени рвется за сорокаградусную отметку в плюсовом измерении. Бетон аэродрома нагревается так, что кажется, вот-вот расплавятся толстые подошвы летных ботинок. Внутри раскаленных самолетов духота.

Силуэты боевых машин дрожат в восходящих потоках горячего воздуха. Закалка и в прямом, и в переносном смысле. Те, с кем я здесь общался, оказались здесь не из-за какой-либо провинности. Как говорится, выбирать не приходится — служба есть служба. Она нигде не легка. Тем более у военного летчика.

Итак, романтика кончается через пять лет службы. Почему? Неужели небо надоедает? Нет, говорят пилоты, небо не может надоесть. По крайней мере настоящему летчику. Дело здесь в другом. Главные испытания происходят на земле, начиная с того момента, как молодой лейтенант прибывает на место службы. Трудности начинаются с самого первого шага — с размещения. Оказывается, большинство увольняемых в запас предпочитают оставаться в гарнизоне, и отнюдь не потому, что здесь какие-то особые, лучше, чем «на гражданке», жилищные условия. Просто новую квартиру в другом месте получить очень трудно и на это уйдут годы. Вот и выходит — отслужил в экстремальных условиях двадцать пять лет, отдал все, что мог,— на том «спасибо». А дальше живи, как хочешь. И остаются люди в военных городках.

Хорошо еще, если в общежитии есть свободная койка. Часто холостому офицеру приходится снимать угол. Сколько

это стоит, думаю, нет необходимости напоминать. В том же Приказе Реввоенсовета СССР № 12 от 5 августа 1930 года «О результатах инспектирования ВВС РККА» говорится, что «бытовые условия, в которых живет летно-подъемный состав — жизнь на квартирах классово чуждых элементов, разбросанность по городу»,— оставляют желать лучшего. Оставляют желать лучшего они и по сегодняшний день. Положение того же Приказа о том, что совместно с советскими и общественными организациями на местах необходимо добиться, «чтобы все командиры и политработники из летно-подъемного состава были обеспечены хорошими, удобными и гарантирующими им нормальный отдых квартирами, установив обязательный порядок освобождения квартиры с уходом из авиации», актуально, как и шестьдесят лет назад. Учитывая повышенные моральные и физические нагрузки военных летчиков, Реввоенсовет тогда же поставил вопрос о необходимости создать на каждом аэродроме дополнительные удобства, «сохраняющие силы летно-подъемному составу (комнаты для отдыха, ванны и т. д.)». Что же изменилось за 60 лет? Если прочитать эти строчки сегодняшним военным летчикам, они поднимут вас на смех. Какие там к черту ванны, когда иной раз машины после полета не дождешься — добирайся до жилого городка, как знаешь.

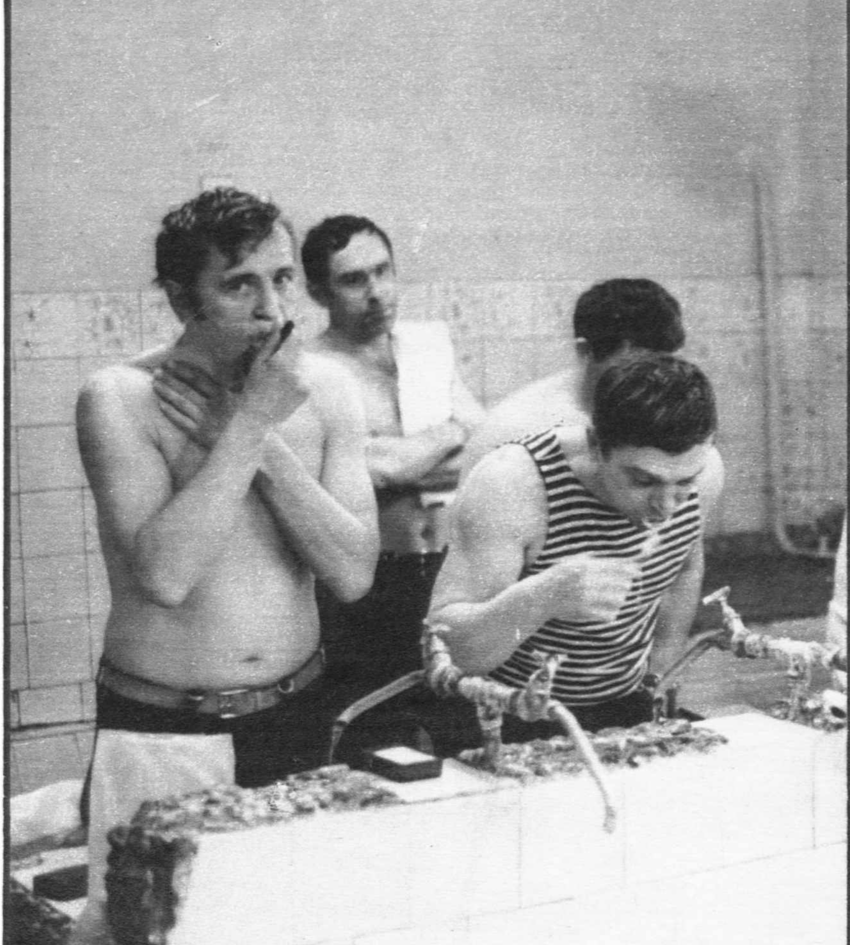
Но пойдем дальше. Прибыл молодой холостой офицер в часть, и ему, предположим, дали койку в гарнизонном общежитии. Что оно собой представляет? Неискушенный человек, наверное, вправе подумать, что общежитие военных летчиков — это нечто типа профилактория, где постоянно дежурят врачи, где, помимо медицинского оборудования, есть и сауна, и спортивный зал, и даже плавательный бассейн.

Один из членов нашего экипажа живет там.

«Даже не знаю, с чего и начать,— сказал он.— Ну вот, например, ни одна комната у нас не отремонтирована за счет средств гарнизона. Обои, краску, другие стройматериалы мы покупаем сами. Да что там покупаем — достаем. К примеру, во всех домах городка, в том числе и в здании общежития, постоянно лопаются трубы, выходят из строя вентили, краны. В магазине этого добра днем с огнем не сыщешь. Как мы выходим из положения? Ребята придумали: а что если съездить в ближайший город на свалку. Взяли автобус и организованно отправились на «промысел». Кое-что подсобрали. Теперь мы стали постоянно практиковать такие вылазки. Вообще живем по принципу: «Хочешь, чтобы в твоей комнате был уют,— занимайся этим сам». Плачу же я за койку двадцать рублей в месяц. И должен радоваться, потому что это не сто рублей за комнату у частника. По-моему, у нас как-то неправильно понимают, что такое служба военного летчика. Такое впечатление, что армию и общество волнует одно, чтобы мы выполняли свой долг на аэродроме и в воздухе, а что у нас за жизнь во внеполетное время — никого не касается. Не может так дальше быть. Если, вместо того чтобы отдыхать, заниматься спортом, восстанавливать силы после трудного полета, я «выбиваю» оконные стекла для общежития, это обязательно скажется и в полете. Вы думаете, почему качество нашей летной техники растет, аварийность же практически не снижается? Конечно, факторов много. Но, по-моему, один из основных — безобразные бытовые условия на земле». Питание — и то проблема. Тому, кто имеет семью, проще. Когда бы ни вернулся — жена разогреет обед, накормит. А что делать холостяку? Нередко приходится возвращаться с задания ночью, когда гарни-

…Й ДЕНЬ

зонная столовая давно закрыта. Странно, что никто не задается вопросом, где и, главное, как в это время питаются холостые офицеры? Или считается, что сухой паек — выход из положения? Наверное, выход, если позднее возвращение — единичный случай. А когда такое происходит не один и не два раза в месяц? Парадокс — люди, профессия которых требует богатырского здоровья, зарабатывают язву желудка к тридцати годам. Вот бы провести социологическое исследование на тему «Заболеваемость и ее причины в Вооруженных Силах СССР». Отдельно по солдатам и офицерам. В эпоху гласности нам надо знать и это. Одно дело, когда человек отморозил ноги, выполняя боевое задание, и совсем другое, если он схватил воспаление легких на сквозняке в гарнизонном общежитии. Слишком легко прикрывать бесхозяйственность и халатное отношение к служебным обязанностям вездесущей суворовской фразой «Тяжело в учении — легко в бою». Говоря об учении, Суворов имел в виду в первую очередь все-таки боевую подготовку. У нас же сплошь да рядом не только солдаты, но и офицеры занимаются чем угодно, только не ею. И, естественно, получив возможность сравнивать свою службу со службой в тех же Соединенных Штатах, люди делают выводы. Не пора ли наконец подумать и о том, насколько соответствуют бесконечные перекраски гарнизонных заборов, стрижка газонов и чуть ли не ежедневные выезды на сельхозработы, особенно летом (как бы в этой помощи ни нуждались подшефные совхозы), с положением Конституции о том, что служба в рядах Вооруженных Сил СССР является почетной обязанностью советских граждан. Извините, ну что же почетного в сборе капусты или разгрузке вагонов с картофелем? И коль скоро в статье 31 Основного Закона говорится, что наша армия должна находиться в постоянной боевой готовности, гарантирующей немедленный отпор любому агрессору, так надо дать ей возможность заниматься исключительно своим делом. Чтоб не на словах, а на деле защита Родины была священным долгом.

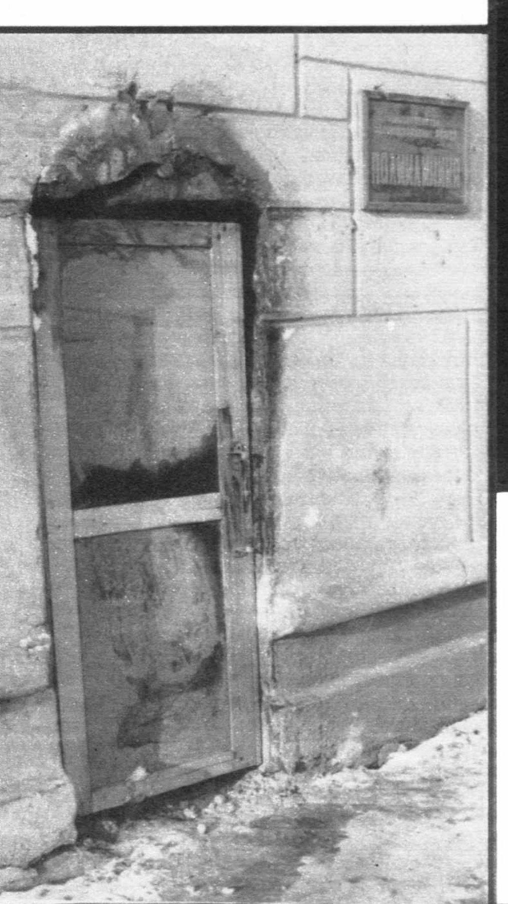

...Самолет начинает потряхивать. Перед самым носом ракетоносца медленно, словно огромная шарообразная рыба в аквариуме, из стороны в сторону плавает «конус». Чуть выше в ясном ночном небе плывет, почти касаясь звезд, гигантская рождественская елка — танкер-заправщик,— мигает множеством разноцветных сигнальных огней. Мы плавно идем на сближение с воронкой. Скорость околозвуковая. Высота — несколько тысяч метров. Движения рук командира корабля едва приметны. С непривычки к горлу подступает ком. Приникаю к кислородной маске и переключаюсь на подачу чистого кислорода. Это помогает. Самолет тряхнуло. Наша носовая штанга «поймала» «конус». Под брюхом танкера отчетливо видны зеленые сигнальные огни. Идет перекачка топлива.

Летчики говорят, что, когда возвращаешься после полета домой, кажется, что тут и заснешь мертвым сном. А сон не приходит. Стоит закрыть глаза, как вновь оказываешься в небе, вновь внимательно следишь за приборами, ловя малейшее отклонение от нормы.

«На гражданке» распространено мне-

Это лишь эпизоды каждодневной жизни военных летчиков.

ние, что военные «гребут деньги» чуть ли не лопатой. А вот в военных училищах, в том числе и летных, почему-то из года в год недоборы. Честно говоря, я не раз обращал внимание и на то, что офицеры, переодевшись в штатское, часто выглядят не лучшим образом. Потому что в дальнем гарнизоне не уследишь за модой? Может быть. Но скорее все-таки потому, что не на что одеться хорошо. А что в этом удивительного? Офицерские жены, как правило, не работают. Не потому, что не хотят. Работу не так легко найти, особенно если гарнизон расположен вне населенного пункта. Зарплата мужа — около трехсот рублей. Разве это много для семьи из трех и более человек? И ни выходных тебе, ни праздников. А ведь надо и на отпуск отложить. Врачей не хватает, ясли и детские сады отсутствуют. Вот и стремятся многие уволиться из армии при первой же возможности в 30—35 лет, благо выслуга здесь идет из расчета год за два. Сами признают — обидно увольняться так рано. Только опыт приходит, уверенность в себе. Но нельзя же всю жизнь кормиться одними надеждами на завтрашний день. Молодость проходит, дети растут, надо и о них подумать. Дети здесь особенные. Когда отец всю жизнь мотается по дальним гарнизонам, ребенок иной раз дорастает до школьного возраста, не умея отличить троллейбус от трамвая. Многие летчики говорили мне, что, если бы было разрешено заниматься квартирным вопросом задолго до увольнения, они прослужили бы еще лет десять. А так он посвятит эти десять лет обзаведению жильем в городе, куда он решил переехать после окончания службы. Этот человек не уверен в своем завтрашнем дне. И таких здесь большинство.

Гарнизон, в который я приехал для подготовки этого материала, имеет такую особенность — его периодически трясет. Не потому, что здесь повышенная сейсмическая активность. Дело в том, что неподалеку производятся испытания оружия.

Этого достаточно, чтобы жизнь превратилась в постоянную нервотрепку. «Ладно мы,— говорят летчики,— мы привыкли к экстремальным ситуациям. Но у нас же маленькие дети». По своему статусу этот гарнизон ничем не выделен среди прочих, находящихся в этой части страны. Справедливо ли это?

...Когда, выполнив учебную задачу, мы благополучно сели на своем аэродроме, ребята схватили меня за руки и за ноги и три раза ударили о переднее шасси нашего бомбардировщика нижней частью спины — таково посвящение в военные летчики. Конечно, это была шутка. Никаким летчиком за один полет я не стал. Тем более военным. Да и к здешним проблемам за несколько дней успел прикоснуться, вероятно, лишь частично. Но еще раз успел убедиться — привилегированность профессии военного летчика незаслуженно канула в Лету.

Среди многочисленных рассказов-исповедей была и такая: с некоторых пор человек стесняется ездить в родную деревню. Его бывший одноклассник, окончивший общевойсковое училище, дорос до подполковника, а он — авиатор — еще только старший лейтенант. Когда они встречаются летом, приезжая домой в отпуск, товарищ снисходительно спрашивает его: «Ты что, пьешь, что ли? Или по женщинам «ходишь»? Как это ты умудрился засидеться в старлеях?» Нет, мой собеседник не пьет и не «гуляет». Просто двигаться по служебной лестнице в военной авиации сложнее, чем в пехоте. Первым командирам атомных подводных лодок, например, давали адмиралов. Сейчас это должность капитана первого ранга. В переводе на «сухопутный» язык — полковничья. Командир сверхзвукового ракетоносца, не уступающего по мощи борткомплекта атомной подводной лодке, в лучшем случае подполковник.

Есть в ДА вид задания, который сами летчики называют «полеты во вчерашний день». Это полеты за 180-ю долготу — она является линией смены дат. Но на деле, для того чтобы попасть во вчерашний день, лететь никуда не надо. Достаточно погостить у военных летчиков в каком-нибудь Н-ском гарнизоне, походить по городку, зайти в магазины, в офицерскую столовую. Не побывав на аэродроме, трудно предположить, что здесь живут люди, выполняющие задания в чрезвычайно сложных условиях. Складывается впечатление, что жизнь их никого не касается.

22 марта этого года был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР «О сокращении Вооруженных Сил СССР и расходов на оборону в течение 1989—1990 годов». Почему бы не использовать этот первый шаг во благо тем, кто останется служить дальше. Часть средств, полученных от сокращения военного бюджета, можно было бы направить на улучшение жилищно-бытовых условий военнослужащих. Эти люди должны жить по крайней мере не хуже нас, не носящих военную форму. Они этого заслуживают.

БЕЗУПРЕЧНЫЙ И.К.

Нина ЧУГУНОВА

ПОЗИЦИЯ

— Насколько искренним было то время?

— Время для меня и сейчас искреннее.

— Сначала поговорим о том времени.

— ...Но я не стесняюсь ни одной песни! Про меня говорят: И. К. рекордсмен. Я никогда никаких рекордов не ставил, но действительно так получилось, что на сегодняшний день ни в фондах радио, ни на «Мелодии», ни на телевидении больше меня никто не исполнил песен. Конечно, я не могу сказать, что они все были плохими!.. То есть что все они были хорошими. Дай бог, чтобы хорошего творчества было процентов десять — пятнадцать. Но вся остальная «макулатура»... Зачем пел? Во-первых, я еще не так разбирался в поэзии, в музыке, а во-вторых, очень хотелось как можно больше спеть, и чтобы в эфире звучали песни в моем исполнении, на телевидении — тогда это только начиналось, эти «Голубые огоньки», которые были гораздо интереснее, чем сейчас подготовленные программы, они шли живьем, их ожидали...

Да, время было очень искреннее.

— Я имела в виду еще вот что. Те песни, такие братские, тонкие: любовь, нежность и доброта, и братство...

— Так было в жизни! Это написано по жизни! Это репортажи. Только залили Братское море, плавали бревна, и мы на катерке захотели покататься по рукотворному морю, еще не понимая тогда, что мы натворили с этим морем...

Во второй приезд мы проехали, прошли Петровские пороги, и при нас вбили колышек: «Здесь будет Усть-Илимская ГЭС».

— Значит, вы были «один из них», вы не приехали откуда-то гастролером, вы были частью этой молодежи?

— Может, не совсем полноправной... но нас ждали, мы были желанными людьми. Это без всякой ложной скромности подтверждаю. А когда мы в следующий раз приехали не с пустыми руками, когда сидел в зале Алеша Марчук, а мы пели: «Марчук играет на гитаре, и море Братское поет»... А откуда девчонки танцуют на палубе? Мы из Иркутска в Братск плыли по Ангаре, на пароходике маленьком, и, в общем, молодые такие, мы выходили на палубу, а там девчонки... уди-ви-тельно красивая природа! Вековая нетронутая тайга. И вот вечером, при этой мошкаре, все девочки с прутиками... танцевали...

— Под аккордеон?

— Под гармошку. Под баян. У нас не было аккордеона, у нас вообще ничего не было. А там, значит, баян был, и под баян мы танцевали, все было трогательно. Мы были чистыми.

Мы были... не то, что вы говорите по поводу искренности: мысли были чистыми, чувства были честными!

— ...очень светлые песни...

— Они не были написаны по заказу! Так же, как, вспомните, песни военных лет. Ведь большинство тех песен написаны непрофессионалами, но писались кровью, сердцем. То же самое этот порыв. Комсомол — молодежь — строительство — комсомольские путевки. Это не так, как сейчас. Не было еще таких отклонений, которые сейчас называются «демократия»...

— В смысле?

— Нам никто ничего не запрещал. Может, мы привыкли к рамкам, к ограничениям, но мы этого не ощущали. Мы пели о девчонках, пели о ребятах. Меня сейчас спрашивают: «А вам не стыдно, что вы исполняли такую-то песню?» Я отвечаю: вы меня не застали врасплох. Я пел ту песню не про того, кого вы подразумеваете, а про подвиг народа, который меня защитил и спас.

Но, конечно, были и прямо конъюнктурные песни. Скажем, ночью позвонил Аркадий Ильич Островский и сказал: в шесть часов утра мы должны быть в студии, завтра приезжает Цеденбал, и мы должны его встретить песней. Песня уже написана. Лев ее написал, Ошанин. И мы в шесть утра уже записали: «Родная и при-воль-ная, всегда жива, Россия и Мо-нголия все-гда друзья!»

И если мне сказали бы сегодня, что для того чтобы создать атмосферу дружбы, так необходимую нашей стране и народу,— а завтра приезжает представитель Китая, или Африки, или Латинской Америки,— нужно его гостеприимно встретить... И скажут: спойте, пожалуйста, «Россия и... Танзания всегда друзья»,— я бы спел. Я бы спел! Это не доставит мне особого удовольствия, но я помогу хорошему делу. Раньше я это делал необдуманно, а сейчас я бы сперва, конечно, подумал бы над словами, которые должен петь. Но я бы спел.

— Вас называли «мужественным запевалой», о вас писали, что находкой явилась ваша попытка «петь от имени героя песни», что образ, вами найденный, вас выдвинул.

— Я хочу вам сказать интересную вещь. Я обращал внимание на творчество моих старших коллег: Леонида Осиповича Утесова, Клавдии Ивановны Шульженко, Марка Наумовича Бернеса, Лидии Андреевны Руслановой. Это была большая школа. Сейчас вы никогда не увидите за кулисами, когда идет сборный концерт и поет, условно говоря, ну кто?..

— И. К.

— Ну, скажем, так! И за кулисами вы не увидите молодого исполнителя, который внимательно слушал бы и наблюдал за работой И. К. Это им неинтересно всем! Никому ничего не интересно.

Он только что вернулся, он был в Сибири. На «Мелодии» начинается запись его двухпластиночного альбома, работа ждала своей очереди два года. «Гриша, зачем тянуть, в наши-то годы?» — будто бы ответил он композитору, предложившему сначала записать один диск. В кирху «Мелодии» он приходит с опозданием и с извинениями. Он целуется, он говорит добрые слова. От него исходит обаяние... надежности. В его присутствии могут прийти в голову мысли, будто «наше общество — одна семья», и т. п. Он говорит, допустим: «Томочка, вы сегодня ко мне добры...» Потом, сосредоточенный и как бы смирный, он стоит рядом с дирижером, вот дирижер простирает над оркестром свои ладони... Певец выходит, я замечаю, что полтора часа смотрела на него, молчавшего под исступление оркестра. Я нахожу, что он безупречен.

Я прекрасно помню шестьдесят второй год, особенно те звуки, и теперь странным образом звук его голоса соединяется в моей памяти с видением: молодой Кастро, мчащийся в открытой машине, к машине бросается женщина с цветами (второклассники, мы покинули урок), он мчался мимо нашей школы номер тридцать семь, и на фоне Кастро Его голос, а сам-то он появился в моей жизни года через три, в Артеке, он вышел на площадь прощального костра и что-то спел, и что-то рассказал в ночи дурманных кипарисов.

Потом нам другие песни вынимали душу. (Он ставил душу на место.) Но он и тот, Другой, записанный плохо и сто раз плохо же переписанный, они оба были, чтоб слово не искать, они были штанги футбольных ворот, мячи летели косяком, если вдуматься...

— Ёся,— окликают его ласково.— Оркестр готов...

В первый день он подробно рассказывает мне историю, где есть небогатая семья, мама поет, братья поют, потом эвакуация, в эвакуации узбекские ребятишки, ни слова по-русски, вечерами собираются все и поют. Школьная самодеятельность. Победы на олимпиадах песни. Мама собирает грамоты стопочкой, все бережет. Армейская самодеятельность. Ансамбль песни и пляски. Наконец, Москва, паренек в солдатской гимнастерке поступает одновременно всюду. В консерватории знаменитейший баритон говорит ему на прослушивании нечто такое: «Вы что же, думали нас солдатской формой поразить?» «Да мне просто нечего надеть»,— отвечает он. «Непохоже!» — рычит баритон. Его принимают в Гнесинский институт. Чтобы попасть на занятия, он должен ехать на трамвае и троллейбусе. Стипендия сто восемьдесят рублей на старые деньги. Он был молодой и голодный. Он говорит: «Петь на голодный желудок всегда тяжело». Его спасает мешок картошки, регулярно привозимый с «картошки», честно заработанный мешок, и сало, присылаемое мамой, отрываемое мамой от остальной семьи.

В оперном классе института он получает подготовку, позволившую ему освоить и спеть все романсы Рахманинова и Чайковского, также романсы Глинки, Даргомыжского, Мусоргского. Перечисление доставляет ему удовольствие, какое доставляет чистая совесть.

— Я спел Шуберта и Шумана. Я спел «Дона Паскуале» Доницетти и «Свадьбу Фигаро» Моцарта.

В книге, повествующей историю советской эстрады, я узнаю, что он пренебрег карьерой оперного артиста, предпочтя эстраду. Он морщится: слово «карьера» — скабрезное слово. Всем правил Господин случай! Я узнаю историю о том, как молодой человек живет музыкой, театрами, хоть и впроголодь. Последнее обстоятельство заставляет его принять предложение товарищей по институту выступать с песнями в цирке. Песни в цирке нужны были в прологе и эпилоге. Когда преподаватели спохватываются, поздно: он успевает полюбить песню, которую, впрочем, никогда не забывал, не бросал, он увлечен и — замечен! Сначала его выбрал Аркадий Ильич Островский, предложивший ему и Виктору Кахно «подзаработать» на его авторских концертах, потом обращают внимание Фрадкин, Долуханян, Мурадели... Он конфликтует с глубоко им уважаемыми педагогами, с ректором, ратующим за чистоту культуры, то есть чистоту классики.

В 1961 году он уезжает в Сибирь впервые. Вот начало.

Они прибегают, ждут своего выхода, курят, рассказывают анекдоты, потом подбегают к конферансье, который говорит: вам на сцену,— и вот он побежал, отпел, оделся и убежал. Раньше же... Это пахнет тем, что я начинаю говорить о возрасте, я не собираюсь о нем говорить. Но мне в молодости все было интересно, и я для себя делал выводы. «Это я не смогу, хотя это мне нравится». «А это мне не нравится».

— Что не нравилось?

— Без кокетства скажу, что мне никогда не нравилась моя сценическая внешность. Я понимал, что не произвожу эффекта, и поэтому никогда не красовался ни своим тембром, ни внешностью, понимая, что это не то главное, чем я должен пользоваться в своей дуэли со слушателем. И меня учили мои педагоги серьезному отношению к слову. Меня научили бережно относиться к паузе. Меня учили всегда слушать музыку. Музыку как аккомпанемент высокой поэзии при счастливом сочетании. А ведь было много нового! Но я любил только три ритма: танго, вальс и фокстрот. Липси, твисты, рок-н-роллы мне жутко нравились, но я говорил: это не мое, не могу. Я оставался верен драматической песне, и меня не волновало, что кто-то все время был моднее меня...

— А кто был моднее?

— Ну, в мой период был ансамбль «Дружба» с Пьехой, появился разбитной такой Хиль Эдик. И Магомаев, и все они были жутко популярны.

— У вас не было страха, что это «не ваше» вас сметет?

— Никогда! Никогда!..

Мы выходим из квартиры. У лифта он говорит:

— А Пьеха вся насквозь сделанная. Но, знаете, как ее любят? Как Валю Толкунову любят жутко? Я помню прекрасную девушку Аню Герман, поразительной искренности человека. Полька, она так чисто говорила по-русски, только в «л» было, знаете, такое что-то, легкое...

Он произнес «л», показал, как нежно, как легко привкус звука выдавал польку в Анне Герман.

— Может быть, остались поклонники, но герои — нет,— сказала я о тех, кто проиграл ему, на мой взгляд.

— Герои умерли,— согласился он.— Я задумывался,— говорит он уже в машине, сидя на заднем сиденье,— над, скажем, феноменом Толкуновой Вали. Знаете, как к ней женщины руки тянут! Как... к Ельцину! Как любят ее женщины, неудачники, люди, надеющиеся, что завтра с утра жизнь станет прекрасна, жены военных... генералы. Носики-курносики! Они всегда принимали ее, но отвергали Валерия Леонтьева.

— Отвергали? Они гнали его, они смеялись над ним! — вспомнила я Валерия Леонтьева молодым и кудрявым.

— А Валя была их Валя.

— Она оправдывала всю нашу дурацкую жизнь,— сказала я.

— Если позволите, теперь я расскажу вам о себе. Через пятнадцать лет после вашей родилась моя Москва. Знаете, как мы росли? Если бы бесстрашно или в страхе мы тогда не прочли, ну, хоть Оруэлла, если б не делились «запрещенкой», если б не ходили на выставки — те, иные из которых сносились бульдозерами!.. Я тоже из хорошей семьи, и я помню время порыва. Но Братское море высохло, остался топляк, ваши мальчики и ваши девчонки остались сидеть на топляке, а вы оказались наверху, и вы пели им о высоких чувствах искренне, я верю вам!

— Мы говорим о разных вещах.

— Минутку! В университетском общежитии, в «высотке», этом архитектурном символе Москвы, мы простукивали стены, подозревая работающую систему прослушивания, а в праздники, когда хочется, чтобы все было хорошо... тогда в доме появлялся зеленый горошек к «оливье», и громко пели вы. Я приезжала на каникулы, я помню вас в белом костюме, на экране. Потом обычно шел фильм «Мандат». Мне нравились ваши песни, но теперь мне кажется, что ваша вера, ваша надежность, ваша безупречность были нужны для создания как можно более полной иллюзии всенародного единства и благополучия, и этой иллюзии, вашему голосу, вашему обаянию надо было всеми силами сопротивляться. Разве гражданская песня есть песня утешения? А если так, то утешению высоких и светлых чувств, испытываемых на ваших концертах, времени отпускалось немного, и в жизни этим чувствам не на что было опереться. Вас стали воспринимать государственным певцом, и это — не буду выбирать других слов! — вас порочило...

— Мы говорим о разных вещах. Вы говорите об ответственности творца перед временем, перед народом, перед самим собой — и говорите о режиме, при котором мы все жили. Но нельзя же, осуждая режим, осуждать патриотические чувства. Нельзя осуждать творческие достижения! И они были более яркими, чем сейчас, я не стесняюсь этого, я не консерватор, но тем не менее!

— Когда более яркими?

— Да и в семидесятые тоже. Космос, великие стройки, романтика. Мы сейчас вскрываем наше историческое прошлое, но почему-то стараемся раскрыть его только с негативной стороны. Возможно, этот нахлынувший на нас процесс демократизации общества... но и этому времени, в котором живем, можно предъявить массу претензий.

Преступность-то сейчас стала выше. Антиалкогольный закон, кроме негативных явлений и экономических потрясений, не принес ничего. Наркомании практически не было в те времена. Мы говорим о режиме и о зле.

Но почему нужно все время говорить о зле? Было же и хорошее... Мы же не будем называть «застойными» Гагарина и Королева? Шостаковича и Кабалевского? Кабалевского, великого просветителя, который пытался хотя бы в детские души вдохнуть духовную пищу? А сейчас я не могу назвать музыкального просветителя. Такого у нас нет. У нас нет и Шостаковича. Есть Шнитке и Щедрин, но Шостаковича нет. Значит, происходит какое-то противоречие сегодня в нашем обществе? Мы отрицаем все хорошее. Значит, мы должны зачеркнуть Комсомольск-на-Амуре? Подвиги Великой Отечественной? Трудовые подвиги на стройках, на целине? Значит, этого не было, а был загнанный, забитый народ, живущий при невероятном, гнетущем режиме — откуда же эти силы, откуда таланты, откуда творчество? Все были такие обманутые, все такие забитые? Тогда бы я согласился на то, чтобы сейчас нас так забивали, чтобы родился Шостакович.

Возьмите любую отрасль, любую абсолютно! Науку — Сибирский академгородок, целая научная страна, которая двигала вперед науку, двигала будущее. А что касается, как с юмором пели... да, балет тот же? Забитые люди, а балет первый, наука первая во многом. Промышленность отставала, но здесь многое можно объяснить экономической системой, не оправдывавшей себя, но она и сейчас себя не оправдывает.

Значит, несмотря на экономическое положение, была возможность развиваться духовно... а как можно развиваться духовно в клетке? Чтобы создавать то, что было создано, нужны были фантазия, любовь к природе, к людям, к Отечеству. Ведь прогрессивно развивалось реалистическое искусство, которое всегда вечно.

— Но возносилось и парадное искусство, возносились неталантливые художники, писавшие портреты правящих и жен их!

— Лучше парадное искусство, чем нынешние безобразия на площадях. Что лучше — безобразия, которые происходят, или та жесткая дисциплина, которая была раньше? Люди боятся выйти на улицу, боятся произнести неосторожное слово, дабы не быть подмятыми этой бушующей толпой. Эта демократизация внесла в наш народ только беспокойство, только тревогу за завтрашний день. Наши уважаемые деятели науки, культуры вынуждены выслушивать совершенно оскорбительные выпады, уходить из зала под улюлюканье и свист — это показатель свободы?!

— Возможно, показатель того, насколько мы не знакомы со свободой. Освобожденный раб и раб, порвавший оковы, не свободные граждане.

— Где гарантия того, что нам нужно переболеть и мы станем здоровыми, а не пустим метастазы в наше молодое общество и оно вырастет просто уничтоженным поколением? Я не согласен, что нужно сейчас выяснять отношения между поколениями. Надо обратить внимание на то, что, несмотря на отсутствие широкой демократии, гласности в то время, наш народ находил в себе силы... время было какое-то другое, более спокойное! Да, действительно были нападки на Сахарова в непростительной форме. Да, действительно были нападки на художников, но это не носило экстремистского характера со стороны властей. Да, цензура. Ну, так при цензуре и Пушкин оставался Пушкиным, и Лермонтов, и Высоцкий, и Шукшин!

— Все они погибли.

— Я уверяю вас, не от того, что их «режим убил». Да, Райкин, он получал инфаркты от этого. А что касается Высоцкого, осмелюсь сказать, что сегодняшнее хождение Марины Влади со своими воспоминаниями о нашем выдающемся современнике порочит больше наше время, чем то, в которое он творил. Я бы запретил. Запретил бы рассказывать небылицы, выдуманные на потребу демократизованной аудитории: вот какой был Высоцкий пьяница, а она его оберегала. Если бы сама Марина Влади не была подвержена богемному образу жизни... Я читал воспоминания Айседоры Дункан о Есенине, у которой было, наверное, больше права на негативные рассказы, но ее любовь и такт, мягкость, интеллигентность и культура этого не позволили. А Влади... Наверное, просто время такое! Она работает на его потребу. Многие западные звезды работали на потребу. Но в деятельности такого рода не нуждалось поколение семидесятых, начала восьмидесятых. А наше нуждается. Клюква нужна. Надо кого-то оговорить, кого-то оболгать, освистать!.. Низвергнуть. Так вот, лучше ли это время, чем то?

— Давайте вернемся в то время.

— Давайте.

— В чем же нуждалось оно?

— То время. Страшно говорить «то время»... Есть такой писатель московский, Коклюшкин, он написал очень интересные слова. «Ах, как мы были голодны, когда мы были молоды. Морковь едим, щавель едим. Еще чего поесть глядим. Вихрастые мальчишки, про все глотаем книжки. На сцене что ни ставится, нам до упаду нравится. Жадны, как черти, до кино: любое смотрим, все равно. И только к старости нам все на свете ересь: щавель не то, морковь не то... наелись». Но я не брюзга, не ханжа, у меня достаточно слабостей и увлечений. Но я за то время. Почему. То поколение было морально чище. Вроде и демократии не было. И не разрешали. И приписки. И застой. А поколение было морально чистым. Разводов было меньше, преступности меньше. Народ был физически здоровее. Бюллетеней не брали. А результатов, на мой взгляд, было больше. Были построены ГЭС...

— ГЭС на Волге — страшная ошибка, ошибка!

— ...был построен БАМ, о котором еще до революции мечтали. Кто построил? Молодежь построила. Вот вам застойное время.

— Какой ценой?

— Какой ценой, я знаю. Находясь по три месяца на вырубке, люди сходили с ума. По три месяца они не снимали одежду, и иные сходили с ума.

— Ла-герь.

— И все равно влюблялись, женились. Я был на первой свадьбе в Тынде, когда двум молодым в качестве свадебного подарка разрешили сходить в баню...

— Это правда?

— Такой был свадебный подарок молодым. Они попарились, отыграли свадьбу, а наутро опять на просеку. Вы скажете: а зачем нужен этот героизм?

— Нет: такой героизм.

— Но кто-то должен был это делать. Профессии разные. Кто-то должен заниматься антисанитарными вещами, вывозить нечистоты, кто-то строить, а кто-то петь, творить, работать в партийных органах. Но не должно быть оскорблений ни в чей адрес. Должно быть такое... равенство, духовное.

— Такое равенство вы утверждали в своих песнях?

— Мне хотелось бы, чтобы люди дружили. Чтобы не негодовали. Чтобы знали, что армия — это армия народа, защитница. Я хотел бы вызвать уважение к нашей милиции.

— Песней?

— У нас какие-то уже определенные ассоциации: пожарники — бездельники, милиция — бездельники, работники Комитета госбезопасности просыпаются с мыслью, кого сегодня взять. Меня беспокоит наша духовная пустота и цинизм.

— Этот цинизм власть напитался реальной жизнью.

— Это негативные вещи, стоит ли их отождествлять...

Мы все никак не напользуемся нашей свободой. Вот уж добрались до министров и все никак не напользуемся свободой, которая приносит вред.

— Вред?

— Вред, конечно, вред.

— Объясните.

— А потому, что свобода приносит массу негативных явлений. Больше, чем при том режиме, который существовал. Если свобода — осознанная необходимость, я — за. Но если человек пользуется свободой бессознательно... Раньше люди убивали время в художественной самодеятельности, а сейчас они митингуют.

— ...Вы очень верны своей молодости.

— Если бы я хотел быть в хоре демократизованных личностей, я бы рассказал, «как мне было тяжело, как меня наказывали»...

— Пожалуйста, расскажите, как вам было тяжело и как наказывали.

— Меня наказывали, когда я в Колонном зале в присутствии арабских делегатов, исполнив песню на испанском и итальянском, спел песню на иврите и посвятил ее присутствовавшему в зале генеральному секретарю движения Израиль — СССР, секретарю ЦК Компартии Израиля.

— Давно, тогда?

— Это было в восемьдесят пятом году.

— Был скандал?

— Не то слово. Меня приглашали для разговора в отдел культуры горкома партии, в ССОД, в Министерство культуры... Я был доведен до крайности, и, когда мне говорили оскорбительное слово, я тут же забрасывал их десятью словами. Эти встречи закончились ничем.

— Как ничем? Вас не достали на вашей высоте?

— Ну, отодвинули рассмотрение документов на мое звание.

— Вы поняли, за что?

— Они мне говорили, что я близорук в политическом отношении. Я отвечал, что близорукими считаю их. Что они искусственно создают почву для межнациональных раздоров и мешают дружбе народов. Ну, у меня много было неприятных вещей в жизни... А сейчас вроде бы нет. Но, хотя я чувствую рево-

люционный дух, я вижу также, что несется поток, в котором все: и чистое, и грязное, а где его остановят, где процедят, абсорбируют? И мне кажется, что в этом потоке живые организмы выжить не смогут.

— Значит, назад.

— Нет, что вы. Но надо сказать: безобразничать НЕЛЬЗЯ. Как хорошо начинала «Память» — с сохранения памятников культуры, только радуйся, русский народ. Оказывается, то была маска.

— Время виновато?

— А раньше им бы не дали такой возможности. Правда, зато мы имеем возможность слушать джаз, читать много, читать эмигрантов... (к сожалению, не хотят возвращаться, не верят в жизненность преобразований наши выдающиеся деятели культуры, находящиеся в эмиграции). Тот режим много сделал плохого. Но у меня растут дети... Я стал цербером. Меня интересует, куда сын идет, мальчишка, которому шестнадцатый год. А если дочь задерживается из школы на пятнадцать минут, я дрожу, начитавшись сводок в прессе...

— Я вполне поняла вас. Не хочу упустить возможности спросить вас о поездке в Афганистан. Мне говорили, что «афганцы» были благодарны вам так, как если бы вы спасали их своими песнями.

— Я получил записку: «вы — наш». Я ею дорожу. Я не стремился выставиться, просто я всегда старался поехать туда, где... на фронт. Одна актриса сказала: я не поеду к ним, они оккупанты. И они убивают. А они были наши мальчики... В Афганистане я пел не свой репертуар. Я выбирал другие песни, не пытаясь «рядиться в их тогу», мне лишь хотелось быть естественным, лишь бы они отдохнули, как бы побывали дома.

— Вот когда вы были абсолютно правы. Их надо было сначала спасти, и другого средства, кроме песни о доме, не было...

— Успокоить ребят.

— Спасибо за ребят. Сейчас вы правы, по-моему. Но их страшно жалко. В августе я услышала в исполнении Леонтьева песню, там были какие-то такие слова: ты хотел быть космонавтом, получай же цинковый гроб! Слушатели не выдерживали... Но, конечно, эта песня не для госпиталей. Мне кажется, надо, чтобы были песни и злые, и добрые. Иначе добрые песни всегда будут на подозрении. Их будут подозревать во лжи и вас также.

— Да, минус времени, что не говорили правды об Афганистане, минус, что только слышали о «Живаго», что «Машине времени» не давали выступать, но все же, все же... Вам не напоминает наша обстановка культурную революцию в Китае? Мне — очень.

Мы продолжали в том же духе. Вдруг, почти некстати, я сказала:

— Как очутились вы в фильме «Мы, нижеподписавшиеся»? В жизни не видала ничего смешнее. Вот это чувство юмора у вас.

Он засмеялся, и весело засмеялась жена, прекрасная Нелли.

— Это была шутка,— сказал он.— Я зашел на студию просто поболтать. Все меньше времени остается на то, чтоб просто поболтать. Но режиссер, моя приятельница, на ходу сочинила эпизод, меня поставили и сняли.

(Это эпизод, где Куравлев вбегает из тамбура в вагон и сталкивается с ним, выходящим из туалета, сдержанным, строгим, в хорошем костюме — таким, каким мы его знаем и любим.

— Это Вы? Вы? — прямо в лице кричит ему восторженный герой Куравлева, правдолюбец, чудак, первый не прораб, а порученец еще не объявленной перестройки, умиляясь, мешая закрыть дверь, едва не плача от счастья,— ВЫ, ИОСИФ КОБЗОН!!!)

МАТРЁ

Александр СОЛЖЕНИЦЫН

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

2

Так привыкли Матрена ко мне, а я к ней, и жили мы запросто. Не мешала она моим долгим вечерним занятиям, не досаждала никакими расспросами. До того отсутствовало в ней бабье любопытство или до того она была деликатна, что не спросила меня ни разу: был ли я когда женат? Все тальновские бабы приставали к ней — узнать обо мне. Она им отвечала:

— Вам нужно — вы и спрашивайте. Знаю одно — *дальний* он.

И когда невскоре я сам сказал ей, что много провел в тюрьме, она только молча покивала головой, как бы подозревала и раньше.

А я тоже видел Матрену сегодняшнюю, потерянную старуху, и тоже не бередил ее прошлого, да и не подозревал, чтоб там было что искать.

Знал я, что замуж Матрена вышла еще до революции, и сразу в эту избу, где мы жили теперь с ней, и сразу *к печке* (то есть не было в живых ни свекрови, ни старшей золовки незамужней, и с первого послебрачного утра Матрена взялась за ухват). Знал, что детей у нее было шестеро и один за другим умирали все очень рано, так что двое сразу не жило. Потом была какая-то воспитанница Кира. А муж Матрены не вернулся с этой войны. Похоронного тоже не было. Односельчане, кто был с ним в роте, говорили, что либо в плен он попал, либо погиб, а только тела не нашли. За одиннадцать послевоенных лет решила и Матрена сама, что он не жив. И хорошо, что думала так. Хоть и был бы теперь он жив — так женат где-нибудь в Бразилии или в Австралии. И деревня Тальново, и язык русский изглаживаются из памяти его...

Раз, придя из школы, я застал в нашей избе гостя. Высокий черный старик, сняв на колени шапку, сидел на стуле, который Матрена выставила ему на середину комнаты, к печке-«голландке». Все лицо его облегали густые черные волосы, почти не тронутые сединой: с черной окладистой бородой сливались усы густые, черные, так что рот был виден едва; и непрерывные бакены черные, едва выказывая уши, поднимались к черным космам, свисавшим с темени; и еще широкие черные брови мостами были брошены друг другу навстречу. И только лоб уходил лысым куполом в лысую просторную маковку. Во всем облике старика показалось мне многознание и достойность. Он сидел ровно, сложив руки на посохе, посох же отвесно уперев в пол,— сидел в положении терпеливого ожидания и, видно, мало разговаривал с Матреной, возившейся за перегородкой.

Когда я пришел, он плавно повернул ко мне величавую голову и назвал меня внезапно:

— Батюшка!.. Вижу вас плохо. Сын мой учится у вас. Григорьев Антошка...

Дальше мог бы он и не говорить... При всем моем порыве помочь этому почтенному старику заранее знал я и отвергал все то бесполезное, что скажет старик сейчас. Григорьев Антошка был круглый румяный малец из 8-го «Г», выглядевший, как кот после блинов. В школу он приходил как бы отдыхать, за партой сидел и улыбался лениво. Уж тем более он никогда не готовил уроков дома. Но, главное, борясь за тот высокий процент успеваемости, которым славились школы нашего района, нашей области и соседних областей,— из году в год его переводили, и он ясно усвоил, что, как бы учителя ни грозились, все равно в конце года переведут, и не надо для этого учиться. Он просто смеялся над нами. Он сидел в 8-м классе, однако не владел дробями и не различал, какие бывают треугольники. По первым четвертям он был в цепкой хватке моих двоек — и то же ожидало его в третьей четверти.

Но этому полуслепому старику, годному Антошке не в отцы, а в деды, и пришедшему ко мне на униженный поклон,— как было сказать теперь, что год за годом школа его обманывала, дальше же обманывать я не могу, иначе развалю весь класс, и превращусь в балаболку, и наплевать должен буду на весь свой труд и звание свое?

И теперь я терпеливо объяснял ему, что запущено у сына очень, и он в школе и дома лжет, надо дневник проверять у него почаще и круто браться с двух сторон.

— Да уж куда крутей, батюшка,— заверил меня гость.— Бью его теперь, что неделя. А рука тяжелая у меня.

В разговоре я вспомнил, что уже один раз и Матрена сама почему-то ходатайствовала за Антошку Григорьева, но я не спросил, что за родственник он ей, и тоже тогда отказал. Матрена и сейчас стала в дверях кухоньки бессловесной просительницей. И когда Фаддей Миронович ушел от меня с тем, что будет заходить-узнавать, я спросил:

— Не пойму, Матрена Васильевна, как же это Антошка вам приходится?

— Дивиря моего сын,— ответила Матрена суховато и ушла доить козу.

Разочтя, я понял, что черный настойчивый этот старик — родной брат мужа ее, без вести пропавшего.

И долгий вечер прошел — Матрена не касалась больше этого разговора. Лишь поздно вечером, когда я думать забыл о старике и писал свое в тишине избы под шорох тараканов и постук ходиков,— Матрена вдруг из темного своего угла сказала:

— Я, Игнатич, когда-то за него чуть замуж не вышла.

Я и о Матрене-то самой забыл, что она здесь, не слышал ее,— но так взволнованно она это сказала из темноты, будто и сейчас еще тот старик домогался ее.

Видно, весь вечер Матрена только об том и думала.

Она поднялась с убогой тряпичной кровати и медленно выходила ко мне, как бы идя за своими словами. Я откинулся — и в первый раз совсем по-новому увидел Матрену.

Верхнего света не было в нашей большой комнате, как лесом заставленной фикусами. От настольной же лампы свет падал кру́гом только на мои тетради,— а по всей комнате глазам, оторвавшимся от света, казался полумрак с розовинкой. И из него выступала Матрена. И щеки ее померещились мне не желтыми, как всегда, а тоже с розовинкой.

— Он за меня первый сватался... раньше Ефима... Он был брат — старший... Мне было девятнадцать, Фаддею — двадцать три... Вот в этом самом доме они тогда жили. Ихний был дом. Ихним отцом строенный.

Я невольно оглянулся. Этот старый серый изгнивающий дом вдруг сквозь блекло-зеленую шкуру обоев, под которыми бегали мыши, проступил мне молодыми, еще не потемневшими тогда, стругаными бревнами и веселым смолистым запахом.

— И вы его?.. И что же?..

— В то лето... ходили мы с ним в рощу сидеть,— прошептала она.— Тут роща была, где теперь конный двор, вырубили ее... Без малого не вышла, Игнатич. Война германская началась. Взяли Фаддея на войну.

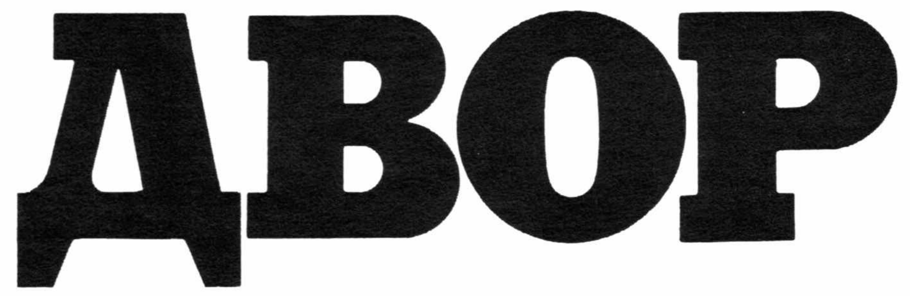
Она уронила это — и вспыхнул передо мной голубой, белый и желтый июль четырнадцатого года: еще мирное небо, плывущие облака и народ, кипящий со спелым жнивом. Я представил их рядом: смоляного богатыря с косой через спину; ее, румяную, обнявшую сноп. И — песню, песню под небом, какие давно уже отстала деревня петь, да и не споешь при механизмах.

— Пошел он на войну — пропал... Три года затаилась я, ждала. И ни весточки, и ни косточки...

Обвязанное старческим слинявшим платочком смотрело на меня в непрямых мягких отсветах лампы круглое лицо Матрены — как будто освобожденное от морщин, от будничного небрежного наряда — испуганное, девичье, перед страшным выбором.

Да. Да... Понимаю. Облетали листья, падал снег — и потом таял. Снова пахали, снова сеяли, снова жали. И опять облетали листья, и опять падал снег. И одна революция. И другая революция. И весь свет перевернулся.

Окончание. См. «Огонек» № 23.

НИН ДВОР

— Мать у них умерла — и присватался ко мне Ефим. Мол, в нашу избу ты идти хотела, в нашу и иди. Был Ефим моложе меня на год. Говорят у нас: умная выходит после Покрова́, а дура — после Петрова́. Рук у них не хватало. Пошла я... На Петров день повенчались, а к Миколе зимнему — вернулся... Фаддей... из венгерского плена.

Матрена закрыла глаза.

Я молчал.

Она обернулась к двери, как к живой:

— Стал на пороге. Я как закричу! В колена б ему бросилась!.. Нельзя... Ну, говорит, если б то не брат мой родной — я бы вас порубал обоих!

Я вздрогнул. От ее надрыва или страха я живо представил, как он стоит там, черный, в темных дверях и топором замахнулся на Матрену.

Но она успокоилась, оперлась о спинку стула перед собой и певуче рассказывала:

— Ой-ой-ойиньки, головушка бедная! Сколько невест было на деревне — не женился. Сказал: буду имячко твое искать, вторую Матрену. И привел-таки себе из Липовки Матрену, срубили избу отдельную, где и сейчас живут, ты каждый день мимо их в школу ходишь.

Ах, вот оно что! Теперь я понял, что видел ту вторую Матрену не раз. Не любил я ее: всегда приходила она к моей Матрене жаловаться, что муж ее бьет, и скаред муж, жилы из нее вытягивает, и плакала здесь подолгу, и голос-то всегда у нее был на слезе.

Но выходило, что не о чем моей Матрене жалеть — так бил Фаддей свою Матрену всю жизнь и по сей день и так зажал весь дом.

— Меня *сам* ни разику не бил,— рассказывала она о Ефиме.— По улице на мужиков с кулаками бегал, а меня — ни разику... То есть был-таки раз — я с золовкой поссорилась, он ложку мне об лоб расшибил. Вскочила я от стола: «Захленуться бы вам, подавиться, трутни!» И в лес ушла. Больше не трогал.

Кажется, и Фаддею не о чем было жалеть: родила ему вторая Матрена тоже шестерых детей (средь них и Антошка мой, самый младший, поскребыш) — и выжили все, а у Матрены с Ефимом дети не стояли: до трех месяцев не доживая и не болея ничем, умирал каждый.

— Одна дочка только родилась, помыли ее живую — тут она и померла. Так мертвую уж обмывать не пришлось... Как свадьба моя была в Петров день, так и шестого ребенка, Александра, в Петров день схоронила.

И решила вся деревня, что в Матрене — порча.

— *Порция* во мне! — убежденно кивала и сейчас Матрена.— Возили меня к монашенке одной бывшей лечиться, она меня на кашель наводила — ждала, что *порция* из меня лягушкой выбросится. Ну, не выбросилась...

И шли года, как плыла вода... В сорок первом не взяли на войну Фаддея из-за слепоты, зато Ефима взяли. И как старший брат в первую войну, так младший без вести исчез во вторую. Но этот вовсе не вернулся. Гнила и старела когда-то шумная, а теперь пустынная изба — и старела в ней беспритульная Матрена.

И попросила она у той второй, забитой, Матрены — чрева ее урывочек (или кровиночку Фаддея?) — младшую их девочку Киру.

Десять лет она воспитывала ее здесь как родную, вместо своих невыстоявших. И незадолго до меня выдала за молодого машиниста в Черусти. Только оттуда ей теперь и помощь сочилась: иногда сахарку, когда поросенка зарежут — сальца.

Страдая от недугов и чая недалекую смерть, тогда же объявила Матрена свою волю: отдельный сруб горницы, расположенный под общей связью с избою, после смерти ее отдать в наследство Кире. О самой избе она ничего не сказала. Еще три сестры ее метили получить эту избу.

Так в тот вечер открылась мне Матрёна сполна. И, как это бывает, связь и смысл ее жизни, едва став мне видимыми,— в тех же днях пришли и в движение. Из Черустей приехала Кира, забеспокоился старик Фаддей: в Черустях, чтобы получить и удержать участок земли, надо было молодым поставить какое-нибудь строение. Шла для этого вполне Матренина горница. А другого нечего было и поставить, неоткуда лесу взять. И не так сама Кира, и не так муж ее, как за них старый Фаддей загорелся захватить этот участок в Черустях.

И вот он зачастил к нам, пришел раз, еще раз, наставительно говорил с Матреной и требовал, чтоб она отдала горницу теперь же, при жизни. В эти приходы он не показался мне тем опирающимся о посох старцем, который вот развалится от толчка или грубого слова. Хоть и пригорбленный больною поясницей, но все еще статный, старше шестидесяти сохранивший сочную, молодую черноту в волосах, он наседал с горячностью.

Не спала Матрена две ночи. Нелегко ей было решиться. Не жалко было саму горницу, стоявшую без дела, как вообще ни труда, ни добра своего не жалела Матрена никогда. И горница эта все равно была завещана Кире. Но жутко ей было начать ломать ту крышу, под которой прожила сорок лет. Даже мне, постояльцу, было больно, что начнут отрывать доски и выворачивать бревна дома. А для Матрены было это — конец ее жизни всей.

Но те, кто настаивал, знали, что ее дом можно сломать и при жизни.

И Фаддей с сыновьями и зятьями пришли как-то февральским утром и застучали в пять топоров, завизжали и заскрипели отрываемыми досками. Глаза самого Фаддея деловито поблескивали. Несмотря что спина его не распрямлялась вся, он ловко лазил и под стропила и живо суетился внизу, покрикивая на помощников. Эту избу он парнишкою сам и строил когда-то с отцом; эту горницу для него, старшего сына, и рубили, чтоб он поселился здесь с молодой. А теперь он яро разбирал ее по ребрышкам, чтоб увезти с чужого двора.

Переметив номерами венцы сруба и доски потолочного настила, горницу с подклетью разобрали, а избу саму с укороченными мостами отсекли временной тесовой стеночкой. В стенке они покинули щели, и все показывало, что ломатели — не строители и не предполагают, чтобы Матрене еще долго пришлось здесь жить.

А пока мужчины ломали, женщины готовили ко дню погрузки самогон: водка обошлась бы чересчур дорого. Кира привезла из Московской области пуд сахару, Матрена Васильевна под покровом ночи носила тот сахар и бутыли самогонщику.

Вынесены и соштабелеваны были бревна перед воротами, зять-машинист уехал в Черусти за трактором.

Но в тот же день началась мятель — *дуель*, по-матрениному. Она кутила и кружила двое суток и замела дорогу непомерными сугробами. Потом, чуть дорогу умяли, прошел грузовик-другой — внезапно потеплело, в один день разом распустило, стали сырые туманы, журчали ручьи, прорывшиеся в снегу, и нога в сапоге увязала по все голенище.

Две недели не давалась трактору разломанная горница! Эти две недели Матрена ходила как потерянная. Оттого особенно ей было тяжело, что пришли три сестры ее, все дружно обругали ее дурой за то, что горницу отдала, сказали, что видеть ее больше не хотят,— и ушли.

И в те же дни кошка колченогая сбрела со двора — и пропала. Одно к одному. Еще и это пришибло Матрену.

Наконец стаявшую дорогу прихватило морозом. Наступил солнечный день, и повеселело на душе. Матрене что-то доброе приснилось под тот день. С утра узнала она, что я хочу сфотографировать кого-нибудь за старинным ткацким станом (такие еще стояли в двух избах, на них ткали грубые половики),— и усмехнулась застенчиво:

— Да уж погоди, Игнатич, пару дней, вот горницу, бывает, отправлю — сложу свой стан, ведь цел у меня,— и снимешь тогда. Ей-богу, правда!

Видно, привлекало ее изобразить себя в старине. От красного морозного солнца чуть розовым залилось замороженное окошко сеней, теперь укороченных,— и грел этот отсвет лицо Матрены. У тех людей всегда лица хороши, кто в ладах с совестью своей.

Перед сумерками, возвращаясь из школы, я увидел движение близ нашего дома. Большие новые тракторные сани были уже нагружены бревнами, но многое еще не поместилось — и семья деда Фаддея, и приглашенные помогать кончали сбивать еще одни сани, самодельные. Все работали, как безумные, в том ожесточении, какое бывает у людей, когда пахнет большими деньгами или ждут большого угощения. Кричали друг на друга, спорили.

Спор шел о том, как везти сани — порознь или вместе. Один сын Фаддея, хромой, и зять-машинист толковали, что сразу обои сани нельзя, трактор не утянет. Тракторист же, самоуверенный толстомордый здоровяга, хрипел, что ему видней, что он *водитель* и повезет сани вместе. Расчет его был ясен: по уговору машинист платил ему за перевоз горницы, а не за рейсы. Двух рейсов за ночь — по двадцать пять километров да один раз назад — он никак бы не сделал. А к утру ему надо было быть с трактором уже в гараже, откуда он увел его тайком для *левой*.

Старику Фаддею не терпелось сегодня же увезти всю горницу — и он кивнул своим уступить. Вторые, наспех сколоченные сани подцепили за крепкими первыми.

Матрена бегала среди мужчин, суетилась и помогала накатывать бревна на сани. Тут заметил я, что она в моей телогрейке, уже измазала рукава о льдистую грязь бревен,— и с неудовольствием сказал ей об этом. Телогрейка эта была мне память, она грела меня в тяжелые годы.

Так я в первый раз рассердился на Матрену Васильевну.

— Ой-ой-ойиньки, головушка бедная! — озадачилась она.— Ведь я ее бегма подхватила, да и забыла, что твоя. Прости, Игнатич.— И сняла, повесила сушиться.

Погрузка кончилась, и все, кто работал, человек до десяти мужчин, прогремели мимо моего стола и нырнули под занавеску в кухоньку. Оттуда глуховато застучали стаканы, иногда звякала бутыль, голоса становились все громче, похвальба — задорнее. Особенно хвастался тракторист. Тяжелый запах самогона докатился до меня. Но пили недолго — темнота заставляла спешить. Стали выходить. Самодовольный, с жестоким лицом вышел тракторист. Сопровождать сани до Черустей шли зять-машинист, хромой сын Фаддея и еще племянник один. Остальные расходились по домам. Фаддей, размахивая палкой, догонял кого-то, спешил что-то втолковать. Хромой сын задержался у моего стола закурить и вдруг заговорил, как любит он тетку Матрену, и что женился недавно, и вот сын у него родился только что. Тут ему крикнули, он ушел. За окном зарычал трактор.

Последней торопливо выскочила из-за перегородки Матрена. Она тревожно качала головой вслед ушедшим. Надела телогрейку, накинула платок. В дверях сказала мне:

— И что было двух не срядить? Один бы трактор занемог — другой подтянул. А теперь чего будет — Богу весть!..

И убежала за всеми.

После пьянки, споров и хождения стало особенно тихо в брошенной избе, выстуженной частым открыванием дверей. За окнами уже совсем стемнело. Я тоже влез в телогрейку и сел за стол. Трактор стих в отдалении.

Прошел час, другой. И третий. Матрена не возвращалась, но я не удивлялся: проводив сани, должно быть, ушла к своей Маше.

И еще прошел час. И еще. Не только тьма, но глубокая какая-то тишина опустилась на деревню. Я не мог тогда понять, отчего тишина — оттого, оказалось, что за весь вечер ни одного поезда не прошло по линии в полуверсте от нас. Приемник мой молчал, и я заметил, что очень уж, как никогда, развозились мыши: все нахальней, все шумней они бегали под обоями, скребли и попискивали.

Я очнулся. Был первый час ночи, а Матрена не возвращалась.

Вдруг услышал я несколько громких голосов на деревне. Еще были они далеко, но как подтолкнуло меня, что это к нам. И правда, скоро резкий стук раздался в ворота. Чужой властный голос кричал, чтоб открыли. Я вышел с электрическим фонариком в густую темноту. Деревня вся спала, окна не светились, а снег за неделю притаял и тоже не отсвечивал. Я отвернул нижнюю завертку и впустил. К избе прошли четверо в шинелях. Неприятно это очень, когда ночью приходят к тебе громко и в шинелях.

При свете огляделся я, однако, что у двоих шинели — железнодорожные. Старший, толстый, с таким же лицом, как у того тракториста, спросил:

— Где хозяйка?

— Не знаю.

— А трактор с санями из этого двора уезжал?
— Из этого.
— Они пили тут перед отъездом?
Все четверо щурились, оглядывались в полутьме при настольной лампе. Я так понял, что кого-то арестовали или хотели арестовать.
— Да что случилось?
— Отвечайте, что вас спрашивают!
— Но...
— Поехали пьяные?
— Они пили тут?
Убил ли кто кого? Или перевозить нельзя было горницы? Очень уж они на меня наседали. Но одно было ясно: что за самогонщину Матрене могут дать срок.
Я отступил к кухонной дверке и так перегородил ее собою.
— Право, не заметил. Не видно было.
(Мне и действительно не видно было, только слышно.)
И как бы растерянным жестом я провел рукой, показывая обстановку избы: мирный настольный свет над книгами и тетрадями; толпу испуганных фикусов; суровую койку отшельника. Никаких следов разгула.
Они уже и сами с досадой заметили, что никакой попойки здесь не было. И повернули к выходу, между собой говоря, что, значит, пьянка была не в этой избе, но хорошо бы прихватить, что была. Я провожал их и допытывался, что же случилось. И только в калитке мне буркнул один:
— Разворотило их всех. Не соберешь.
А другой добавил:
— Да это что! Двадцать первый скорый чуть с рельс не сошел, вот было бы.
И они быстро ушли.
Кого — их? Кого — всех? Матрена-то где?..
Я вернулся в избу, отвел полог и прошел в кухоньку. Самогонный смрад ударил в меня. Это было застывшее побоище — сгруженных табуреток и скамьи, пустых лежачих бутылок и одной неоконченной, стаканов, недоеденной селедки, лука и раскромсанного сала.
Все было мертво. И только тараканы спокойно ползали по полю битвы.
Я кинулся все убирать. Я полоскал бутылки, убирал еду, разносил стулья, а остаток самогона спрятал в темное подполье подальше.
И лишь когда я все это сделал, я встал пнем посреди пустой избы: что-то сказано было о двадцать первом скором. К чему?.. Может, надо было все это показать им? Я уже сомневался. Но что за манера проклятая — ничего не объяснить нечиновному человеку?
И вдруг скрипнула наша калитка. Я быстро вышел на мосты:
— Матрена Васильевна?
В избу, пошатываясь, вошла ее подруга Маша:
— Матрена-то... Матрена-то наша, Игнатич...
Я усадил ее, и, мешая со слезами, она рассказала.
На переезде — горка, въезд крутой. Шлагбаума нет. С первыми санями трактор перевалил, а трос лопнул, и вторые сани, самодельные, на переезде застряли и разваливаться начали — Фаддей для них лесу хорошего не дал, для вторых саней. Отвезли чуток первые — за вторыми вернулись, трос ладили — тракторист и сын Фаддея хромой, и туда же, меж трактором и санями, понесло и Матрену. Что она там подсобить могла мужикам? Вечно она в мужичьи дела мешалась. И конь когда-то ее чуть в озеро не сшиб, под прорубь. И зачем на переезд проклятый пошла? — отдала горницу, и весь ее долг, рассчиталась... Машинист все смотрел, чтобы с Черустей поезд не нагрянул, его б фонари далеко видать, а с другой стороны, от станции нашей, шли два паровоза сцепленных — без огней и задом. Почему без огней — неведомо, а когда паровоз задом идет — машинисту с тендера сыплет в глаза пылью угольной, смотреть плохо. Налетели — и в мясо тех троих расплющили, кто между трактором и санями. Трактор изувечили, сани в щепки, рельсы вздыбили, и паровоза оба набок.
— Да как же они не слышали, что паровозы подходят?
— Да трактор-то заведенный орет.
— А с трупами что?
— Не пускают. Оцепили.
— А что я про скорый слышал... будто скорый?..
— А скорый десятичасовой — нашу станцию с ходу, и тоже к переезду. Но как паровозы рухнули — машинисты два уцелели, спрыгнули и побежали назад, и руками махают, на рельсы ставши — и успели поезд остановить... Племянника тоже бревном покалечило. Прячется сейчас у Клавки, чтоб не знали, что он на переезде был. А то ведь затягают свидетелем!.. Незнайка на печи лежит, а знайку на веревочке ведут... А муж Киркин — ни царапины. Хотел повеситься, из петли вынули. Из-за меня, мол, тетя погибла и брат. Сейчас пошел сам, арестовался. Да его теперь не в тюрьму, его в дом безумный. Ах, Матрена-Матренушка!..

Нет Матрены. Убит родной человек. И в день последний я укорил ее за телогрейку.
Разрисованная красно-желтая баба с книжного плаката радостно улыбалась.
Тетя Маша еще посидела, поплакала. И уже встала, чтоб идти. И вдруг спросила:
— Игнатич! Ты помнишь... вязаночка серая была у Матрены... Она ведь ее после смерти прочила Таньке моей, верно?
И с надеждой смотрела на меня в полутьме — неужели я забыл?
Но я помнил:
— Прочила, верно.
— Так слушай, может, разреши я ее заберу сейчас? Утром тут родня налетит, мне уж потом не получить.
И опять с мольбой и надеждой смотрела на меня — ее полувековая подруга, единственная, кто искренно любил Матрену в этой деревне...
Наверно, так надо было.
— Конечно... Берите...— подтвердил я.
Она открыла сундучок, достала вязанку, сунула под полу и ушла...
Мышами овладело какое-то безумие, они ходили по стенам ходенём, и почти зримыми волнами перекатывались зеленые обои над мышиными спинами.
Идти мне было некуда. Еще придут сами ко мне, допрашивать. Утром ждала меня школа. Час ночи был третий. И выход был: запереться и лечь спать.
Запереться, потому что Матрена не придет.
Я лег, оставив свет. Мыши пищали, стонали почти и всё бегали, бегали. Уставшей бессвязной головой нельзя было отделаться от невольного трепета — как будто Матрена невидимо металась и прощалась тут, с избой своей.
И вдруг в притёмке у входных дверей, на пороге, я вообразил себе черного молодого Фаддея с занесенным топором:
«Если б то не брат мой родной — порубал бы я вас обоих!»
Сорок лет пролежала его угроза в углу, как старый тесак,— а ударила-таки...

3

На рассвете женщины привезли с переезда на санках под накинутым грязным мешком — все, что осталось от Матрены. Скинули мешок, чтобы обмывать. Все было месиво — ни ног, ни половины туловища, ни левой руки. Одна женщина перекрестилась и сказала:
— Ручку-то правую оставил ей Господь. Там будет Богу молиться...
И вот всю толпу фикусов, которых Матрена так любила, что, проснувшись когда-то ночью в дыму, не избу бросилась спасать, а валить фикусы на пол (не задохнулись бы от дыму),— фикусы вынесли из избы. Чисто вымели полы. Тусклое Матренино зеркало завесили широким полотенцем старой домашней вытоки. Сняли со стены праздные плакаты. Сдвинули мой стол. И к окнам, под образа, поставили на табуретках гроб, сколоченный без затей.
А в гробу лежала Матрена. Чистой простыней было покрыто ее отсутствующее изуродованное тело, и голова охвачена белым платком,— а лицо осталось целехонькое, спокойное, больше живое, чем мертвое.
Деревенские приходили постоять-посмотреть. Женщины приводили и маленьких детей взглянуть на мертвую. И если начинался плач, все женщины, хотя бы зашли они в избу из пустого любопытства,— все обязательно подплакивали от двери и от стен, как бы аккомпанировали хором. А мужчины стояли молча навытяжку, сняв шапки.
Самый же плач доставалось вести родственницам. В плаче заметил я холодно-продуманный, искони заведенный порядок. Те, кто подале, подходили к гробу ненадолго и у самого гроба причитали негромко. Те, кто считал себя покойнице роднее, начинали плач еще с порога, а достигнув гроба, наклонялись голосить над самым лицом усопшей. Мелодия была самодеятельная у каждой плакальщицы. И свои собственные излагались мысли и чувства.
Тут узнал я, что плач над покойной не просто есть плач, а своего рода политика. Слетелись три сестры Матрены, захватили избу, козу и печь, заперли сундук ее на замок, из подкладки пальто выпотрошили двести похоронных рублей, приходящим всем втолковывали, что они одни были Матрене близкие. И над гробом плакали так:
— Ах, нянькя-нянькя! Ах, лёлька-лёлька! И ты ж наша единственная! И жила бы ты тихо-мирно! И мы бы тебя всегда приласкали! А погубила тебя твоя горница! А доконала тебя, заклятая! И зачем ты ее ломала? И зачем ты нас не послушала?
Так плачи сестер были обвинительные плачи против мужниной родни: не надо было понуждать Матрену горницу ломать. (А подспудный смысл был: горницу-то вы взять — взяли, избы же самой мы вам не дадим!)

Мужнина родня — Матренины золовки, сестры Ефима и Фаддея, и еще племянницы разные приходили и плакали так:
— Ах, тётанька-тётанька! И как же ты себя не берегла! И, наверно, теперь *они* на нас обиделись! И родимая ж ты наша, и вина вся твоя! И горница тут ни при чем. И зачем же пошла ты туда, где смерть тебя стерегла? И никто тебя туда не звал! И как ты умерла — не думала! И что ж ты нас не слушалась?..
(И изо всех этих причитаний выпирал ответ: в смерти ее мы не виноваты, а насчет избы еще поговорим!)
Но широколицая грубая «вторая» Матрена — та подставная Матрена, которую взял когда-то Фаддей по одному лишь имячку,— сбивалась с этой политики и простовато вопила, надрываясь над гробом:
— Да ты ж моя сестричечка! Да неужели ж ты на меня обидишься? Ох-ма!.. Да бывалоча мы всё с тобой говорили и говорили! И прости ты меня, горемычную! Ох-ма!.. И ушла ты к своей матушке, а, наверное, ты за мной заедешь! Ох-ма-а-а!..
На этом «ох-ма-а-а» она словно испускала весь дух свой — и билась, билась грудью о стенку гроба. И когда плач ее переходил обрядные нормы, женщины, как бы признавая, что плач вполне удался, все дружно говорили:
— Отстань! Отстань!
Матрена отставала, но потом приходила вновь и рыдала еще неистовее. Вышла тогда из угла старуха древняя и, положа Матрене руку на плечо, сказала строго:
— Две загадки в мире есть: как родился — не помню, как умру — не знаю.
И смолкла Матрена тотчас, и все смолкли до полной тишины.
Но и сама эта старуха, намного старше здесь всех старух и как будто даже Матрене чужая вовсе, погодя некоторое время тоже плакала:
— Ох ты, моя болезная! Ох ты, моя Васильевна! *Ох, надоело мне вас провожать!*
И совсем уже не обрядно — простым рыданием нашего века, не бедного ими, рыдала злосчастная Матренина приемная дочь — та Кира из Черустей, для которой ломали и везли эту горницу. Ее завитые локончики жалко растрепались. Красны, как кровью залиты, были глаза. Она не замечала, как сбивается на морозе ее платок, или надевала пальто мимо рукава. Она невменяемая ходила от гроба приемной матери в одном доме к гробу брата в другом,— и еще опасались за разум ее, потому что должны были мужа судить.
Выступало так, что муж ее был виновен вдвойне: он не только вез горницу, но был железнодорожный машинист, хорошо знал правила неохраняемых переездов — и должен был сходить на станцию, предупредить о тракторе. В ту ночь в уральском скором тысяча жизней людей, мирно спавших на первых и вторых полках при полусвете поездных ламп, должна была оборваться. Из-за жадности нескольких людей: захватить участок земли или не делать второго рейса трактором.
Из-за горницы, на которую легло проклятие с тех пор, как руки Фаддея ухватились ее ломать.
Впрочем, тракторист уже ушел от людского суда. А управление дороги само было виновно и в том, что оживленный переезд не охранялся, и в том, что паровозная сплотка шла без фонарей. Потому-то они сперва всё старались свалить на пьянку, а теперь замять и самый суд.
Рельсы и полотно так искорежило, что три дня, пока гробы стояли в домах, поезда не шли — их заворачивали другой веткой. Всю пятницу, субботу и воскресенье — от конца следствия и до похорон — на переезде днем и ночью шел ремонт пути. Ремонтники мерзли и для обогрева, а ночью и для света раскладывали костры из даровых досок и бревен со вторых саней, рассыпанных близ переезда.
А первые сани, нагруженные, целые, так и стояли за переездом невдали.
И именно это — что одни сани дразнили, ждали с готовым тросом, а вторые еще можно было выхватывать из огня — именно это терзало душу чернобородого Фаддея всю пятницу и всю субботу. Дочь его трогалась разумом, над зятем висел суд, в собственном доме его лежал убитый им сын, на той же улице — убитая им женщина, которую он любил когда-то,— Фаддей только ненадолго приходил постоять у гробов, держась за бороду. Высокий лоб его был омрачен тяжелой думой, но дума эта была — спасти бревна горницы от огня и от козней Матрениных сестер.
Перебрав тальновских, я понял, что Фаддей был в деревне такой не один.
Что д о б р о м нашим, народным или моим, странно называет язык имущество наше. И его-то терять считается перед людьми постыдно и глупо.
Фаддей, не присаживаясь, метался то на поселок, то на станцию, от начальства к начальству, и с неразгибающейся спиной, опираясь на посох, просил каждого снизойти к его старости и дать разрешение вернуть горницу.

И кто-то дал такое разрешение. И Фаддей собрал своих уцелевших сыновей, зятей и племянников, и достал лошадей в колхозе — и с того бока разворочённого переезда, кружным путем через три деревни, обвозил остатки горницы к себе во двор. Он кончил это в ночь с субботы на воскресенье.

А в воскресенье днем — хоронили. Два гроба сошлись в середине деревни, родственники поспорили, какой гроб вперед. Потом поставили их на одни розвальни рядышком, тетю и племянника, и по февральскому вновь обсыревшему насту под пасмурным небом повезли покойников на церковное кладбище за две деревни от нас. Погода была ветреная, неприютная, и поп с дьяконом ждали в церкви, не вышли в Тальново навстречу.

До околицы народ шел медленно и пел хором. Потом — отстал.

Еще под воскресенье не стихала бабья суетня в нашей избе: старушка у гроба мурлыкала псалтырь, Матренины сестры сновали у русской печи с ухватом, из чела печи пышело жаром от раскаленных торфин — от тех, которые носила Матрена в мешке с дальнего болота. Из плохой муки пекли невкусные пирожки.

В воскресенье, когда вернулись с похорон, а было уж то к вечеру, собрались на поминки. Столы, составленные в один длинный, захватывали и то место, где утром стоял гроб. Сперва стали все вокруг стола, и старик, золовкин муж, прочел «Отче наш». Потом налили каждому на самое дно миски — медовой сыты. Ее, на помин души, мы выхлебали ложками, безо всего. Потом ели что-то и пили водку, и разговоры становились оживленнее. Перед киселем встали все и пели «Вечную память» (так и объяснили мне, что поют ее — перед киселем обязательно). Опять пили. И говорили еще громче, совсем уже не о Матрене. Золовкин муж расхвастался:

— А заметили вы, православные, что отпевали сегодня медленно? Это потому, что отец Михаил меня заметил. Знает, что я службу знаю. А иначе б — со святыми помоги, вокруг ноги — и все.

Наконец ужин кончился. Опять все поднялись. Спели «Достойно есть». И опять, с тройным повтором: вечная память! вечная память! вечная память! Но голоса были хриплы, розны, лица пьяны, и никто в эту вечную память уже не вкладывал чувства.

Потом основные гости разошлись, остались самые близкие, вытянули папиросы, закурили, раздались шутки, смех. Коснулось пропавшего без вести мужа Матрены, и золовкин муж, бья себя в грудь, доказывал мне и сапожнику, мужу одной из Матрениных сестер:

— Умер, Ефим, умер! Как бы это он мог не вернуться? Да если б я знал, что меня на родине даже повесят — все равно б я вернулся!

Сапожник согласно кивал ему. Он был дезертир и вовсе не расставался с родиной: всю войну перепрятался у матери в подполье.

Высоко на печи сидела оставшаяся ночевать та строгая молчаливая старуха, древнее всех древних. Она сверху смотрела немо, осуждающе на неприлично-оживленную пятидесяти- и шестидесятилетнюю молодежь.

И только несчастная приемная дочь, выросшая в этих стенах, ушла за перегородку и там плакала.

Фаддей не пришел на поминки Матрены — потому ли, что поминал сына. Но в ближайшие дни он два раза враждебно приходил в эту избу на переговоры с Матрениными сестрами и с сапожником-дезертиром.

Спор шел об избе: кому она — сестре или приемной дочери. Уж дело упиралось писать в суд, но примирились, рассудя, что суд отдаст избу не тем и не другим, а сельсовету. Сделка состоялась. Козу забрала одна сестра, избу — сапожник с женою, а в зачет Фаддеевой доли, что он «здесь каждое бревнышко своими руками перенянчил», пошла уже свезенная горница, и еще уступили ему сарай, где жила коза, и весь внутренний забор, между двором и огородом.

И опять, преодолевая немощь и ломоту, оживился и помолодел ненасытный старик. Опять он собрал уцелевших сыновей и зятей, они разбирали сарай и забор, и он сам возил бревна на саночках, на саночках, под конец уже только с Антошкой своим из 8-го «Г», который здесь не ленился.

Избу Матрены до весны забили, и я переселился к одной из ее золовок, неподалеку. Эта золовка потом по разным поводам вспоминала что-нибудь о Матрене и как-то с новой стороны осветила мне умершую.

— Ефим ее не любил. Говорил: люблю одеваться *культурно*, а она — кое-как, все по-деревенски. А однова мы с ним в город ездили, на заработки, так он себе там сударку завел, к Матрене и возвращаться не хотел.

Все отзывы ее о Матрене были неодобрительны: и нечистоплотная она была; и за обзаводом не гналась; и не бережная; и даже поросенка не держала, выкармливать почему-то не любила; и, глупая, помогала чужим людям бесплатно (и самый повод вспомнить Матрену выпал — некого было дозвать огород вспахать на себе сохою).

И даже о сердечности и простоте Матрены, которые золовка за ней признавала, она говорила с презрительным сожалением.

И только тут — из этих неодобрительных отзывов золовки — выплыл передо мною образ Матрены, какой я не понимал ее, даже живя с нею бок о бок.

В самом деле! — ведь поросенок-то в каждой избе! А у нее не было. Что может быть легче — выкармливать жадного поросенка, ничего в мире не признающего, кроме еды! Трижды в день варить ему, жить для него — и потом зарезать и иметь сало.

А она не имела...

Не гналась за обзаводом... Не выбивалась, чтобы купить вещи и потом беречь их больше своей жизни.

Не гналась за нарядами. За одеждой, приукрашивающей уродов и злодеев.

Не понятая и брошенная даже мужем своим, схоронившая шесть детей, но не нрав свой общительный, чужая сестрам, золовкам, смешная, по-глупому работающая на других бесплатно,— она не скопила имущества к смерти. Грязно-белая коза, колченогая кошка, фикусы...

Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит село.

Ни город.

Ни вся земля наша.

1959

«Я БЫ СПРАВИЛСЯ С ЛЮБОЙ РАБОТОЙ»

«...Но, как говорится в русской пословице, и в хорошем стаде заводится паршивая овца. Такую паршивую овцу мы имеем в нашем социалистическом обществе в лице Пастернака, который выступил со своим клеветническим так называемым «произведением». Он настолько обрадовал наших врагов, что они пожаловали ему, не считаясь с художественными достоинствами его книжонки, Нобелевскую премию. Есть у наших мастеров слова произведения, которые являются бесспорными по своему художественному достоинству, но их авторы не были удостоены премии; а за клевету, за пасквиль против социалистического строя, против социализма, против марксизма Пастернак удостоен Нобелевской премии.

Пастернак прожил 41 год в социалистической стране, 41 год питался хлебом и солью народа, который строил новое на обломках старого, который пережил холод, голод, поднял бывшую Россию к новой жизни, создал из бывшей России могущественное государство, которое потрясает умы всех прогрессивных людей и приводит в страх врагов социализма; народа, который прошел войны, разгромил фашистскую гидру. И этот человек жил в нашей среде и был лучше обеспечен, чем средний труженик, который работал, трудился и воевал. А теперь этот человек взял и плюнул в лицо народу. Как это можно назвать.

Иногда мы, кстати, совершенно незаслуженно, говорим о свинье, что она такая, сякая и прочее. Я должен вам сказать, что это наветы на свинью. Свинья,— все люди, которые имеют дело с этим животным, знают особенности свиньи,— она никогда не гадит там, где кушает, никогда не гадит там, где спит.

Поэтому если сравнить Пастернака со свиньей, то свинья не сделает того, что он сделал. (Аплодисменты.) А Пастернак — этот человек себя причисляет к лучшим представителям общества — он это сделал. Он нагадил там, где ел, нагадил тем, чьими трудами он живет и дышит. (Аплодисменты.)

Я хотел бы высказать по этому вопросу свое мнение.

А почему бы этому внутреннему эмигранту не изведать воздуха капиталистического, по которому он так соскучился и о котором он в своем произведении высказался. (Аплодисменты.) Я уверен, что наша общественность приветствовала бы это. (Аплодисменты.) Пусть он стал бы действительным эмигрантом и пусть бы отправился в свой капиталистический рай. Я уверен, что и общественность, и правительство никаких препятствий ему бы не чинили, а, наоборот, считали бы, что этот его уход из нашей среды освежил бы воздух. (Аплодисменты.)»

Из выступления В. Е. СЕМИЧАСТНОГО на пленуме ЦК ВЛКСМ 29 октября 1958 года

Лица эпохи. (Слева направо: В. Е. Семичастный, Н. А. Михайлов и А. Н. Шелепин). Москва XXII съезд КПСС.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА

В. Е. Семичастный (р. 1924) — советский, государственный, партийный деятель. Член КПСС с 1944 г. В 1946—50 — секретарь, первый секретарь ЦК ЛКСМ Украины. В 1958—59 — первый секретарь ЦК ВЛКСМ. В 1961—67 гг.— председатель КГБ при СМ СССР, затем в СМ СССР, в СМ УССР. Член ЦК КПСС в 1964—71 гг. (кандидат с 1956 г.), депутат ВС СССР в 1958—60 гг.».

(Сов. энцикл. словарь. 1983 г.)

Мы еще не задали ни одного вопроса, а Владимир Ефимович уже начал рассказывать:

— Я и теперь считаю, что роман Пастернака «Доктор Живаго» — это не произведение высшего класса.

Я помню, нас пригласили к Хрущеву в Кремль накануне Пленума. Меня, Аджубея. Там был и Суслов. И он сказал: «Вы не возражаете, я стенографистку позову?» Позвали стенографистку. Он говорит: «Ты завтра доклад делаешь?» Я говорю: «Да». «Вот ты не возражаешь, в докладе надо Пастернака проработать. Давай сейчас мы наговорим, а вы потом отредактируете, Суслов посмотрит — и давай завтра...» Надиктовал он две странички. Конечно, с его резкой позицией о том, что «даже свинья не позволяет себе гадить...» Но начало было такое: «Не касаясь художественных достоинств этого произведения». То есть возмутителен факт, что человек тут вырос, воспитался, получил образование и плюнул нам в лицо — опубликовал роман за границей. Там такая фраза еще была: «Я думаю, что советское правительство не будет возражать против, э-э, того, чтобы Пастернак, если ему так хочется дышать свободным воздухом, покинул пределы нашей Родины». Когда он это диктовал, я говорю: «Никита Сергеевич, я не могу говорить от имени правительства!» Он мне: «Ты произнесешь, а мы поаплодируем. Все поймут». Так и случилось.

На второй день после Пленума в газетах появляется письмо Пастернака «В редакцию «Правды», в котором он отказался от Нобелевской премии.

— А в Нобелевский комитет он отправил телеграмму: «В связи с тем, что в моей стране придают такое большое значение этой награде...»

— Но роман-то не заслуживает тех, понимаете ли... Мы этому роману вот такими акциями создали рекламу. Собрался пленум Союза писателей — пятьсот человек. Четырнадцать выступили. И ни один не защитил... Хоть теперь некоторые и говорят: «Я бы должен был пойти, не прикидываться больным и выступить против».

Мне недавно на встрече со студентами задали вопрос: а вы почему не отказались читать этот текст? Я ответил: «Хотел бы я видеть нынешнего первого секретаря ЦК ВЛКСМ, когда ему Генеральный поручает (вот сейчас, в нашей обстановке), а он бы ему возразил. Как бы он, в общем, после этого работал?..»

— Да тогда несколько другое время было.

— Надо умным быть Генеральным, не давать такого поручения. Но это другой вопрос. Тридцать лет прошло. И обстановка другая была, и Генеральный, и международная обстановка... Это же только-только мы провели фестиваль, публикации были против нас, и голоса всякие из-за бугра что угодно о нас говорили. Мы защищались, ершились, выставляли свои колючки, где могли на любую, понимаете ли... правильную-неправильную фразу, но — нас не трогай. Вот, товарищи, такая обстановка была.

— Выходит, не повезло Пастернаку, Бродскому, Галичу, Даниэлю, Синявскому, Некрасову и многим, многим другим, что они жили в такой обстановке.

— А что поделаешь — время... Думали, что это провокация, что это нарочно, что хотят нас унизить. И мы давай защищайся всеми правдами-неправдами.

— Вот отчего в 1961 году изъяли роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба»?

— Это неправильно. Никто его не изымал. Суслов его запретил, и к КГБ это не имело никакого отношения. Пишут: были времена не Сталина — Берии, а Хрущева — Семичастного, но роман был арестован. Но никогда в КГБ этот роман не был. Видно, цензура его дала Суслову. Я пришел в ноябре 1961 года. Сколько я работал в КГБ, ни разу Гроссман не проходил в КГБ ни по каким делам. Со всеми архивами я не

ФОТОГРАФИЯ ЧУВСТВ

Многократно пытались искусствоведы объяснить необычайную притягательность фоторабот голландца Мартина Кертса. На первый взгляд у него все просто и незатейливо — пейзажи как пейзажи, та самая природа, которая рядом, вокруг, обыкновенные поля, деревья, облака... Природа, наполненная гармонией... Только преподнесены эти красоты мира в необычных, подчеркнуто строгих ракурсах, с выверенной до миллиметра перспективой, со светом, передающим настроение дня — утро, вечер ли это; сезона — зима, весна либо осень на дворе. Присмотревшись, вы не найдете на фотографиях людей, а вот здесь начинается волшебство. Тот человек, которого недостает в натурном интерьере, отсутствующий персонаж — вы. Ваше настроение совпадает с остановленным мгновением, и теперь оно будет принадлежать вам минуту, час, вечность...

Мартин Кертс впервые взял в руки фотоаппарат, когда ему исполнилось шестнадцать. Он родился в 1944 году в маленькой деревушке Рийсоорд на севере Голландии. Отвоеванная у моря земля, защищенная от волн высокими дамбами, песчаные дюны, то и дело меняющие свою форму из-за постоянных ветров,— таковы его детские воспоминания. Родители отдали Мартина в художественную школу, заметив у мальчика интерес к рисованию. После он сам уже поступил в Академию изящных искусств в Роттердаме, которую с блеском окончил. Его фотографии вместили видение мира живописцем, разве что вместо полотна и кисти были использованы достижения техники.

Кертс участвовал практически во всех выставках фотоискусства в Голландии, других странах, работы мастера публиковали ведущие фотоиздания всего мира. Из множества полученных им наград — престижная «Серебряная камера» (1984, 1985), специальный приз фирмы «Кодак» и высшая европейская фотопремия «Овидий» (1986).

«Давным-давно я увидел поляны, залитые солнцем,— картину «Березовая роща» русского художника Куинджи и с тех пор много лет пытаюсь достичь того же средствами фотографии»,— говорит Мартин Кертс. Быть может, в этих словах ключ к разгадке его творчества?

Владимир КОВАЛЕВ

знаком, но ко мне никогда этот вопрос не поступал. Литературными делами как таковыми КГБ, конечно же, не занимался. Только тем, что подпадало, как говорят, под разряд антисоветчины.

Ну, например, у Солженицына было такое произведение, как «Пир победителей», в стихах. Оно попало к нам в руки, когда наши работники делали обыск по совершенно другим — валютным — делам: нашли копии этой рукописи. Там Солженицын пишет: выдумывали, мол, Матросовых, Космодемьянских, Кошевых и, написав их имена на знаменах, вели молодежь в мясорубку на войне. Вот так там характеризовались наши дела, связанные с войной,— не говоря уже о том, что он разнес там весь командный состав армии. Я тогда просто высказывал совет (когда пошла вокруг Солженицына вся эта возня): возьмите соберите писателей Москвы и, без комментариев, прочитайте им! Писатели настолько зрелы и умны, они поймут, что более антисоветской, более вредной и враждебной вещи нет. Он же отсидел... И, конечно, был обижен страшным образом. Поэтому и был настроен слишком агрессивно.

Но, кстати, уже тогда главной задачей — сначала у Шелепина, а потом у меня в КГБ — была профилактика: никаких мер — репрессий, осуждений и прочее. И сколько раз с Солженицыным беседовали — два или три раза! Генеральный прокурор Руденко с ним беседовал! Ну, а потом уже идея пришла выслать его и лишить гражданства, но это я не знаю уже, как сделали. Я уже там не работал.

— А что же произошло с писателями Синявским и Даниэлем?

— Они получили 5 и 7, отсидели. А потом уже Синявский, говорят, уехал, в Сорбонне сейчас преподает русскую литературу.

— Осуждение опять прошло по привычной колее: книг никто не читал, но писателей осудили. Неужели же так опасны были их книги?

— Страшного в них ничего не было. Ну, там в аллегорической форме... Я уже не помню... Суд был, и снова же писатели дали общественных обвинителей... И сейчас, по-моему, приговор не отменен — ни по Синявскому, ни по Даниэлю. Ни Генеральный прокурор не принес протеста, ни Верховный суд. Все осталось так, как и было. И я считаю, что по отношению к ним не было репрессий или беззакония — ведь был суд.

— Сейчас бытует такое мнение, что КГБ за время застоя развился в такую систему — государство в государстве,— которая занимается зачастую не теми делами, которыми должна заниматься.

— Вы понимаете, КГБ с самого своего создания занимался не только своим прямым делом, даже при Дзержинском. Беспризорные, например. А что касается того, что было при Ежове и при Берии, а остатки — и при мне, то во многих случаях КГБ действительно занимался несвойственными ему делами. И при Шелепине, а потом и при мне — многое мы отшили. Но вот вопросы, связанные со слухами, доносительством, наушничеством... Я не один раз высказывался в ЦК партии, перед Брежневым: товарищи дорогие, при такой разветвленной сети партийных организаций требовать от нас информацию, как кто реагирует на решения Пленума ЦК в стране,— это по меньшей мере несолидно, некрасиво. Есть аппарат ЦК, партийный аппарат, а чекисты должны собирать информацию?

А зачем, например, нужны три здания на площади Дзержинского? Я не могу объяснить. При мне было два здания. Значит, что — не сокращаемся, а увеличиваемся? У меня, например, и тогда возникали мысли, что во многих внутренних областях не нужно иметь органы, надо на несколько областей эти органы делить. Ну нечего им там делать. Когда-то я приехал в Магнитогорск: проводил совещание. Собралось двадцать человек аппарата. Полковник во главе. Ну, со мною свита — генералы, секретарь горкома партии, секретарь обкома... «Доложите обстановку, над чем работает аппарат?» А я уже к тому времени побывал на заводах, поездил по городу. Он мне минут, наверное, тридцать говорил. Я молчал. Не перебивал, а ему нечего говорить. Товарищи, Магнитогорск — внутренний город, въезд иностранцам запрещен. Что КГБ там делать? Ну не-чего. Я спросил: "Все у тебя?» «Все». Я повернулся к начальнику секретариата, он же мой помощник, и сказал: «Приказываю аппарат сократить наполовину и отправить их в мой резерв». Секретарь обкома: «Как так, вы понимаете...» Я говорю: «У тебя сколько коммунистов — сорок тысяч? И ты без костылей этих не можешь обойтись? Им делать не-чего в городе Магнитогорске. Это твое партийное дело».

— Что же они — придумывали дела?

— Приду-умывали, придумывали.

— Не отсюда ли многочисленные «дела», связанные со студенческими рукописными журналами, «антисоветскими» высказываниями?..

— Ну, да. Так за что-то цепляться надо. Знаете, у чекистов есть даже анекдот такой: отец ушел на пенсию, а сын принял его дела к производству и говорит: «Пап, ну что ж ты 15 лет вел такое дело, а я с ним только познакомился и сразу закрыл?» «Ну вот, молодо-зелено, я-то кормился на этом деле пятнадцать лет, а ты уже и закрыл его». Этот анекдот я однажды своим чекистам под хохот на активе рассказал. Потому что это действительно так. Действительно. Я не знаю, как сейчас, но мы с Шелепиным сократили аппараты уполномоченных во всех внутренних районах. Не надо, понимаете, ни к чему. Органы должны заниматься своими функциями.

— В принятых поправках к Конституции написано, что на Съезде народные депутаты будут утверждать Председателя Совета Министров, Главного государственного арбитра, Верховного суда... Но почему нет в этом списке Председателя КГБ?

— Нельзя. Нельзя его ставить над всеми. Понимаете, если он будет утвержден на Съезде, тогда получается, что мы снова даем ему особую роль и особое положение в государстве. Я вам скажу, чем более он будет принижен, тем лучше. Он сам найдет в себе силы и дорогу. Незачем его возвеличивать. Его и членом Политбюро нельзя делать. Потому что он попадает тогда в зону вне критики. Вся беда в том, что, если туда попадает недобросовестный, нечестный человек, его уже и перепроверить невозможно. Он может что хочет сказать. Кто перепроверит мои агентурные и все дела? Надо новую создавать агентуру. Значит, создавать еще один орган над мной?

Органы КГБ должны быть подотчетны и подведомственны обществу, народу — как и все другие. Я надеюсь, что мы придем к тому времени, когда наша пресса сможет писать о них, критиковать. И когда все действия КГБ будут проводиться только с санкции прокурора. И в Верховном Совете должна быть комиссия по безопасности и обороне — как, по существу, и в других странах. Нельзя органы наши держать бесконтрольными. Конечно, партия контролирует, но и общество тоже должно их контролировать. Поверьте, я знаю, что это такое.

— К сожалению, долгие годы нашему обществу, общественности было не до контроля: слишком ненадолго нас «разморозили» в пятьдесят шестом...

— Знаете, сегодня немного смещаются акценты. Это ошибка, когда говорят, что кто-то выступил против оттепели, за возврат к сталинизму. Все началось само собой, когда пришел Брежнев.

— Но ведь он начал с реформ...

— Они были только провозглашены, а по существу — и не начинались. Как говорится, только по губам помазали. Пообещали перемены, а потом задавили все дело инструкциями Минфина, Госкомитета по труду, всяких других ограничительных и контролирующих органов. И реформа погибла.

Поначалу все шло вроде бы неплохо — ведь мы Хрущева снимали и назначили Брежнева для того, чтобы в стране было коллегиальное руководство. На первых Пленумах, я помню, шел откровенный разговор. Были выступления без бумаги, живые выступления. Были и интересные мысли. А потом пошло все хуже, хуже, хуже...

Брежнев убрал из высшего эшелона власти всех молодых — Шелепина, Полянского, Воронова. Он подбирал себе послушных людей, которые умели подхалимничать, удовлетворять все его запросы и потребности.

В 1967 году меня уже отправили на Украину третьим первым заместителем Председателя Совета Министров. Шелепина Брежнев выставил из ЦК на профсоюзы, чтобы не путался под ногами.

— Были какие-то формальные поводы?

— Никаких.

— Такого рода вопросы решались на заседаниях Политбюро?

— Да, на Политбюро. Причем обычно «снимаемых» на эти заседания не приглашали. Я, например, докладывал на Пленуме о действиях КГБ в связи с отказом Светланы Аллилуевой вернуться в СССР — ведь зарубежные спецорганы могли воспользоваться этой ситуацией. В конце заседания меня попросили задержаться — есть, мол, еще один вопрос. Когда все закончилось, Брежнев сказал: «Я, Подгорный и Косыгин, и к нам присоединился Суслов, вносим предложение освободить Семичастного в связи с тем, что он уже долго работает (шесть лет), и послать его первым заместителем Председателя Совмина Украины. А для того, чтобы приблизить КГБ к ЦК, мы рекомендуем Андропова». Я взорвался: «Как это приблизить? А я что, далеко был? Я член ЦК, я... Товарищи дорогие...» А он все призывал к членам Политбюро: «Обсуждать не надо, товарищи, обсуждать не надо». В общем, обсуждения не произошло. Репликами только обменялись. Хотя бы посоветовались со мной о моей будущей работе. А потом третьим первым замом! Для меня специально создали должность. Везде в то время было по два первых зама. Вот так я поехал к Щербицкому. Пятнадцать лет я там продежурил. Первые годы «третьим первым», а потом просто замом.

А Шелепина он в профсоюз выставил, потому что мы с ним больше всего ему мешали. Я ему не один раз высказывал, что мы были категорически против назначения Щелокова на должность министра. Я ему рассказывал, что такое Щелоков. Через полгода примерно я пришел к нему и доложил о поведении Щелокова здесь, в Москве, и о поведении его сына, тогда еще мальчишки семнадцатилетнего, и о всех других похождениях. Это стало немедленно же достоянием Щелокова. Ему это, конечно, не нравилось. Он видел в нас людей, которые его во всех его личных и кадровых делах не поддерживают и против выступают. И он, понимаете, всех потихонечку выставил. На первых порах он пользовался поддержкой Подгорного, Шелеста — всех. А потом он и их...

А что касается Андропова... Андропов тоже с комсомола пришел. Он был секретарем Карело-Финского ЦК комсомола. Республика была союзной тогда, потом ее превратили в автономную, сняли «Финская», стала Карельская. После «ленинградского дела» — между прочим, когда ленинградцев всех арестовали (в том числе и ленинградцев, которые работали в Карелии) — Андропов пришел на пост второго секретаря. И, между прочим, ленинградцы, которые были арестованы и возвратились из заключения, имели к Андропову очень большие претензии по поводу его участия в арестах по Карело-Финии. Это все в архивах где-то зафиксировано. А вот другой вопрос: пятнадцать лет быть рядом с Брежневым и наблюдать, что творится в Узбекистане... Я знаю, и говорю я это со знанием дела: не мог Председатель КГБ не знать, что творится в Узбекистане. Об Одылове, о Краснодаре, о Ростове... Московские все эти дела... А главное-то,— что творилось в МВД,— это на совести Андропова. Если Председатель КГБ не смог набраться смелости и прийти к Генеральному или в Политбюро доложить об обстановке, которая складывается, то зачем такой Председатель КГБ?

— Может быть, он докладывал на Политбюро?

— Ну, если бы докладывал, то было бы известно. А так — нигде ничего не известно. Сейчас разговоры, слухи ходят о том, что он послал Цвигуна доложить Суслову о похождениях Гали, дочери Брежнева, и о цыгане этом, и о всей этой истории вокруг его семьи. Почему Цвигуна он послал, а не сам пошел? Цвигун ведь не член Политбюро. Да, Андропов — человек культурный, и все прочее. Но коль ты Председатель КГБ, ты должен быть более решительным и смелым. Что ж, хорошую политику провозгласил, придя Генеральным секретарем,— тут все правильно. Но ведь пятнадцать лет терпел вместе со всеми. Что, не хотел потерять место в Политбюро? Я, например, сейчас говорю и тогда говорил: не надо Председателю КГБ быть членом Политбюро. Может быть, это в какой-то степени сдерживало Андропова. Я не был членом Политбюро, я докладывал — и все. Вот когда мы в Грузии раскрыли «винное дело» и чуть ли не несколько сот человек арестовали, министра в том числе, все это делалось без всяких... Я докладывал в ЦК о том, как идет следствие, кто там замешан, кто попался, какое отношение имеет к преступлению,— и все! А когда Председатель КГБ в Политбюро — тогда уже получаются вот эти реверансы и осторожности. А они ни к чему.

— Хотя, казалось бы, согласно коллегиальности, в Политбюро все должно быть наоборот.

— Да, но ведь надо докладывать! Наберись смелости и во время заседания скажи: располагаю данными, что Узбекистан охватила целая мафия — или коррупция,— поглотила, понимаете, все кадры. Это же надо сказать! И я не верю, чтобы Председатель КГБ не знал того, что творится в МВД. Значит, не хотел портить отношения с Брежневым, зная о его дружеских отношениях со Щелоковым. Так нельзя. Поэтому у меня совершенно противоположный взгляд на то, что говорят про Андропова... Не знаю... Андропов должен был по-своему отвечать за то, что происходило.

— Можно было избежать времени застоя?

— Можно было, конечно. Надо было просто решать вопрос. Ведь беда наша в чем: во всех делах — и со Сталиным, и с Хрущевым, и с Брежневым — мы не выполняли то, что положено по Уставу, не соблюдали тех требований, которые Устав возлагает на Центральный Комитет и на Политбюро. Ведь и Центральный Комитет, и Политбюро оказывались во всех случаях в роли простых свидетелей и безучастных наблюдателей всего, что происходит. Если бы коллегиальные органы партии работали так, как полагается, то это в самом зародыше можно было бы...

— А насколько повлияла на изменение обстановки в стране отставка Хрущева?

— Я вам скажу — везде говорят и пишут: заговор против Хрущева! Я к Хрущеву отношусь с величайшим уважением. Я с ним работал на Украине четыре года, до Москвы. Потом здесь, в комсомоле. Он меня выдвигал. И то, что Хрущев делал в первые годы,— ну, товарищи, дорогие, это просто была ве-

личайшая заслуга и Хрущева, и партии, и Пленума, и ЦК. Подняли сельское хозяйство и жилье, вышли на международную арену, фестиваль провели. В какие-то 5—7 лет произошло то, о чем мы десятилетиями даже и заикнуться не могли. Это его заслуга. И его заслуга, я считаю, даже в том, что это он создал обстановку в партии и в стране такую, когда не заговор, не войска вводили, а Пленум ЦК собрали — освободить его от должности.

— Он ведь был на отдыхе в Пицунде, откуда его неожиданно вызвали в Москву. Или все произошло случайно?

— Для него — случайно, конечно. А для остальных — тех, кто к этому готовился,— нет. Другого-то выхода не было... В его присутствии это, наверно, сложнее было бы сделать. А когда уже нашли общий язык в Политбюро, Брежнев оттуда позвонил (хотя всюду пишут, что Суслов,— Брежнев звонил! Я же был свидетель). Брежнев позвонил и пригласил его на заседание Политбюро. Он упирался — да я приеду потом, что вы спешите! — а Брежнев сказал, что в Политбюро есть расхождения по сельскому хозяйству и по семилетнему плану. Теперь говорят, что он соглашался. Не соглашался!.. Он сказал: «Хорошо, я подумаю» — с такой обидой, с раздражением. И мне каждый час Брежнев звонил: ну как, что-нибудь сообщает или нет?» А через меня ведь заказывались самолеты. И где-то в 12 ночи мне позвонили из Управления охраны и сказали, что он заказал самолет на 6 часов утра. Я немедленно позвонил Брежневу. Ну, и все успокоились.

Я приехал на аэродром, ожидая, что он привезет всю охрану, человек 50. Думаю, а вдруг, черт его... Ударит старику в голову что-то, привезет... Он же Главнокомандующий, помимо всего прочего! Это не просто... Но с ним, как обычно, было пять человек. Его охрана. Сейчас делается много догадок: скажем, что было бы, если бы он сел в Киеве? Тогда мы даже не задумывались над этим. И, кстати, если бы он попросил бы сесть в Киеве, как я у Бурлацкого прочитал, его бы посадили. Ну, а что бы он дальше делал? Ну что в Киеве было бы? Когда Шелест уже знал, когда в Киеве члены ЦК уже знали о том, что будет Пленум. Войска в Киеве поднять? Он не может, потому что министр обороны в Москве, а министр обороны уже согласился с тем, что надо Пленум проводить по Хрущеву. Сейчас много неправды пишут. Мы ее сейчас создаем, и, к сожалению великому, она останется в архивах и в истории. Потом, через 20—30 лет, Шатровы найдутся... Просто мы сами себя обманываем. Мало того, мы ставим под сомнение и многие правдивые вещи. Потому что когда читаешь и чувствуешь, что это из пальца высосано, то и к остальному отношение такое: а было ли это все так?

— А что делать? Пока новейшая история СССР для нас — белое пятно. Архивы тех лет наглухо закрыты...

— Да, закрыты. Но ведь существуют не только архивы. Вы посмотрите, сколько бывших членов Политбюро живы: Шелепин, Шелест, Воронов, Кириленко, Мазуров. Ну, кто-нибудь — подойди и спроси. Ну тот же Бурлацкий, тот же «Огонек». Покажите им материал не для рецензии, а просто для установления достоверности. Ну ведь есть живые люди! Тут не надо даже в архивах копаться. Из того, что они знают, даже в архивах многого нет. Ну, откуда в архивах о том, кто на аэродроме его встречал и сколько с ним было? Это я знаю. Его охрана есть. Я могу найти начальника охраны, заместителя. Сергей Хрущев пишет, что там был начальник охраны. А начальника охраны я предусмотрительно отпустил в отпуск. Оставил зам. начальника. И прилетел с ним зам. начальника! Это такие детали, о которых, если не знаешь,— не берись, не пиши.

И я ведь говорю, что Хрущева спокойно на Пленуме освободили. Перед этим полтора дня шло заседание Политбюро. Это очень встревожило съехавшихся на Пленум членов ЦК. Они все заседают, а мне звонки: «Слушай, что ты сидишь, там Хрущева снимают! Надо спасать идти!» «Дорогие товарищи, там идет заседание Политбюро. Я не знаю, что там обсуждают. Меня не ставили в известность. Не надо никуда идти, ничего делать». Другой звонит: «Слушай, там Хрущев уже победил! Надо идти спасать Политбюро!» А потом, уже на второй день, я с Брежневым созвонился и говорю: «Товарищи дорогие, если вы будете еще продолжать заседать, вы не критиковали его несколько лет, теперь дорвались,то я уже не смогу в следующую ночь членов ЦК удержать, потому что они начинают бурлить и могут пойти к вам спасать кого-то — или вас, или Хрущева». Брежнев: «Ни в коем случае не допускай!» Я говорю: «Я не могу членов ЦК не допустить, это не в моих силах. Я, как могу, уговариваю. А если они соберутся группой и окажутся у вас в приемной Политбюро, то я ничего не смогу сделать». Он мне позвонил через полчаса и сказал, что условились: тех, кто не выступил, из секретарей ЦК и кандидатов в члены Политбюро, потому что члены Политбюро к этому времени уже все выступили,— они по три—пять минут выскажут только свое отношение к этому вопросу. И в 6 часов — Пленум. Меня это устраивало.

В 6 часов открылся Пленум ЦК, Суслов доклад сделал. Единственное, что меня поразило,— не были открыты прения на Пленуме. Я был поражен, удивлен, и, прямо скажу, даже для меня это было непонятным. Я думаю, что некоторые члены Политбюро побоялись прений. Потому что наряду с Хрущевым могло достаться и Подгорному, и Полянскому, и Суслову, и некоторым другим. Хрущев согласился со всем, попросил не заставлять его выступать на Пленуме. Иначе он разволнуется, расплачется... А когда начали голосовать — ну началось сзади: «Исключить! Под суд отдать!» Это самые ярые подхалимы. Я вот так, сидя в зале, наблюдал — кто больше всех подхалим, тот больше всех кричал: «Исключить!» и «Под суд отдать!». Но сам процесс был нормальный. Проголосовали, все как полагается. Единогласно.

— Не было ли разногласий в Политбюро по поводу «послехрущевской» политики, программы дальнейшего развития страны? Все ли были едины во мнениях?

— Было полное единогласие. Была задумана великолепная реформа промышленности и сельского хозяйства. Если бы все это выполнили, то и сейчас перестройке меньше надо было бы трудиться для того, чтобы экономику страны привести в нормальное состояние. К сожалению, все пошло, пошло на тормозах, заглохло — и умерло... Я, уже будучи на Украине зампредом Совмина, сам чувствовал, как тяжело было. По существу, вся реформа пошла побоку. То, что Косыгин излагал в докладе, и решения Пленума — все остались словами.

...Дело в том, что Брежнев оказался очень слабым руководителем. И как лидер тоже. Он все больше занимался своими личными делами, созданием вокруг себя ореола славы, гениальности. «Ленинец!» — это ему настолько льстило, настолько поглощен был этим... Человек больной был на орденах, на этих цацках, звякалках, побрякушках, подарках... Как может себе позволить такое Генеральный секретарь?

Я убежден: коллегиальные органы партии — ЦК, Политбюро — очень повинны в том, что Сталин стал тем, кем он стал, и Хрущева в конце концов распустили. Вспомните, как Хрущев все обкомы поделил на сельские и городские. Никто не возразил! Только органы КГБ остались неразделенными. Он меня несколько раз спрашивал: «Ты почему не делишься?» Я говорю: «Не могу, Никита Сергеевич! Как можно иметь одного агента в городе, а другого в деревне? Иностранец какой-нибудь уедет из города, что ж, я его другому агенту передавать буду?» Я, наоборот, объединял.

Вот так — с согласия Политбюро, с согласия ЦК — Хрущев поделил партию. В этом беда! А уж что говорить о Брежневе — вы сами знаете, как с участием Политбюро и ЦК ему создавали ореол и кем его сделали. Если мы о Сталине можем говорить, что Сталин сделал себя сам, то Брежневу помогло Политбюро. Коллегиальный орган должен быть гарантией. Мы можем выполнить в стране то, что мы намечаем, только тогда, когда коллегиальные органы будут выполнять свои обязанности так, как это предусмотрено Уставом партии.

— Вы, наверное, сегодня иначе оцениваете то время — с высоты прожитых лет, своего опыта. Не пробуете ли вы иногда, используя сегодняшний опыт, моделировать историю: как в той или иной ситуации в прошлом должны были поступить вы или правительство в целом?

— Конечно! Сколько угодно таких мыслей и моделей может быть, но ведь и возможности ныне другие. Их не было тогда, этих возможностей. С нынешними возможностями можно было бы тогда иметь другие модели наших акций и мероприятий.

— А нет ли у вас сейчас желания работать? Заняться партийной работой, с опытом тех лет?

— Ну, мало ли что — мое желание.

— Возраст?..

— Возраст тут ни при чем: мне 64 года. Понимаете, меня никто и не приглашает. Вы видите, я и так... пятнадцать лет пробыл на Украине. Все это время моя семья оставалась в Москве, потому что я думал: поеду года на два. Вернулся я только после смерти Брежнева. Да и то — такие должности называли!... С трудом дали общество «Знание». Это самое лучшее, что мне было предложено. А так мне предложили идти замминистра культуры РСФСР по памятникам. Или начальником отдела кадров в агентстве защиты авторских прав. Я, будучи у Черненко на приеме, говорил ему: «Константин...— как его...

— Устинович.

— Да... Слона за год учат танцевать в цирке. Но за пятнадцать лет, в течение которых я был зампредом Совмина УССР, неужели я не справился бы с работой в Совете Министров СССР или в Комитете народного контроля? Конечно, я и в обществе «Знание» много полезного взял для себя. Я ездил по стране, я бывал в ЦК партии. И когда я бывал в ЦК партии, секретарь ЦК встречал меня чуть ли не в коридоре. Не было случая, чтобы я в республиках попросился на прием к первому или второму секретарю, а меня не приняли. А когда другой зампред общества «Знание» поедет, его не принимает и завотделом. Поэтому я могу сказать, что это время прошло не без пользы — узнавал многое. Мой опыт помогал мне, я общался, я приобретал что-то. И куда бы меня ни посылали, я всюду работал. На Украине я вел вопросы бюджета, вел весь транспорт и связь. Да еще плюс половину культуры: спорт там, комитет по культам, всякие комиссии. А в киевском «Динамо» я вообще кем-то вроде комиссара был. Не вылазил от них. То одно... То блохины все эти самые, с ними возился я.

— Вы говорите, что к вам было определенное негативное отношение со стороны Брежнева. Но почему же это отношение к вам сохранилось и при Черненко?

— Потому что такой был состав Политбюро подобран. Ведь беда наша в том, что при Хрущеве и при Брежневе «на второй позиции» крутились лица, которые или же никогда не могли стать первыми, или они их быстро меняли и не давали возможности как-то укрепиться. Вы посмотрите, что при Хрущеве делалось: сначала у него Кириченко «вторым» был, но потом он на один уровень с Кириченко ставит Суслова. Потом Подгорного берет: Подгорный уже вроде второе лицо. Потом Брежнева... За ним — Козлова... И все время такая чехарда получалась... И никто не закреплялся. Не дай бог! — чтобы не набирал силу... И поэтому, когда умер Брежнев, заменить его, по большому счету, оказалось некем. Слава богу, Андропов оказался. Но Андропов был в таком тяжелом состоянии, что ему нельзя было браться за это дело. Ведь у американцев справку требуют медицинскую, когда выдвигают на должность президента. А у нас, к сожалению, страной управлять может человек совершенно больной. В таком состоянии он взялся, в таком состоянии он половину срока, собственно, не работал, а в больнице лежал. И вот когда Андропов умер — единственной подходящей кандидатурой оказался Черненко. Созрел. Это вообще случайный человек. У меня есть фотография — я вам покажу,— когда мы с Микояном вручаем ордена чекистам, а он нам их подает. Подносит, будучи начальником канцелярии в Президиуме Верховного Совета. Слишком уж быстро — за десять лет от этого вырасти до Генерального секретаря. Это не то что парадокс, это просто... ужасно.

— Когда фотографии Черненко — Генерального секретаря — появлялись в газетах, они напомнили всем Брежнева. Было и грустно, и смешно...

— И мы смеялись! Но Политбюро, Пленум ЦК решили так. Ну разве так можно?

— Как же быть?

— Сталинское сознание еще долго будет воздействовать на нас. Только повышение культуры общества его ликвидирует. А уровень нашей культуры еще очень низок. Ни демократии, ни гласности мы без общей культуры не достигнем. Мы ведь пока и демократию, и гласность в приказном порядке вводим. Это еще не результат нашего естественного, исходящего из души волеизъявления. Пока Горбачев жмет, пока ЦК жмет, пока газеты жмут — процессы изменения общества идут. Мы говорим, что мы против административно-командных методов, однако именно с их помощью насаждаем и демократию, и гласность. Почему? Да потому что общая культура низка.

А давайте возьмем провинциальный городок или в деревню поедем. Там секретарь райкома приказал — и будь здоров! Я вам скажу, что у меня и сейчас очень большие опасения по поводу совмещения должности первого секретаря с должностью председателя Совета. Потому что «первый» и сейчас князек, а когда у него появится административно-распорядительная власть с финансовым фундаментом? Это вдвойне опасно, так как Закон о поправках к Конституции снимает ту «двойную проверку», которая предусматривалась в резолюции XIX партконференции. Скомпрометировавший себя партийный руководитель, не прошедший на выборах по избирательным округам, может быть избран напрямую от партийной организации, имеющей в Совете норму представительства. Больше того, его избирают в президиум Совета, куда он приходит председателем. Он изначально получает привилегии. Я ведь объездил всю страну, когда находился на комсомольской и государственной работе. И я знаю, как это страшно, когда первый секретарь обкома властолюбив, да к тому же и ограничен, если у него узкий кругозор.

— И последнее, Владимир Ефимович, мы хотели бы уточнить. Значит, если бы сейчас вас выдвинули на крупную партийную работу, вы бы взяли самоотвод?

— А почему? Нет, я бы не взял самоотвод...

К. СВЕТИЦКИЙ,
С. СОКОЛОВ

Кажется, медленно, но верно мы начинаем внедряться в круг цивилизованных народов. Не стану упоминать здесь глобальные вещи типа аренды, хозрасчета, кооперативов и тому подобных явлений, прочно испытанных, но до сего времени выпавших из нашего отечественного опыта. Я говорю о тех малостях, которые мы встречаем в повседневной жизни. Пьют москвичи «Фанту», пепси и кока-колу, прочно зачисленные когда-то в арсенал подрывных средств буржуазии, кушают «горячих собак», пиццу, «хамбургеры», а вскоре, говорят, дело дойдет и до «кентуккского цыпленка»... Милиция расхаживает с невиданными прежде резиновыми дубинками, добывают свой трудный хлеб рэкетиры, крутят импортные кассеты видеосалоны, врачи ищут отечественное лекарство от СПИДа... Словом, наверное, в любом деле есть и плюсы и минусы, и тут уж ничего не поделаешь, приходится перенимать все скопом. Жаль, конечно, что все эти мелочи не складываются в общую характерную картину изобилия, но, очевидно, тут нужны более серьезные мероприятия, способные изменить ситуацию. А кроме того, случается у нас и так, что даже самые, казалось бы, прогрессивные предложения и проекты то и дело повисают в воздухе, а то и хоронятся по желанию иного чиновника. Для наглядности — пример.

Два года назад было принято решение о развитии в стране безналичных форм денежных расчетов.

На свет явились чековые книжки, сто лет известные во всем мире, кроме СССР. Впрочем, чековые книжки на сегодня не способны решить проблему, поскольку они лишь в малой степени заменяют огромную денежную массу, находящуюся в обороте и беспрерывно пополняемую. На сегодняшний день в наличном обороте крутятся почти 750 миллиардов рублей и 310 миллиардов лежат в сберегательных кассах.

Цифры дают слабое представление для человека с воображением. По словам председателя Правления Сбербанка СССР А. Буркова, 1 миллиард рублей представляет собой пачку плотно упакованных сторублевых казначейских билетов длиной в один километр. По его же, надеюсь, авторитетному заявлению, для того, чтобы одна сторублевая купюра прокрутилась в наличном обороте, необходимо затратить 15 рублей. Иными словами, содержание наших денег обходится нам в 15 процентов наличного денежного оборота. Не дороговато ли?..

Наверное, нет, если вспомнить инкассаторский корпус, его новый бронированный транспорт, оружие, которым оснащают перевозчиков денег, внушительную армию кассиров, проворачивающих рубли, гознаковские спецтипографии, лучшую бумагу, отпускаемую на рублевое дело, всевозможные системы против грабителей, словом, деньги — дело дорогостоящее.

Но вот незадача — весь мир, или почти весь цивилизованный мир, отказался от использования столь любезных нашему сердцу бумажек. В ходу — электронные, а иначе говоря, пластиковые деньги. Так называются сегодня кредитные карточки.

В прошлом году, в самый канун Олимпиады «Интурист» радостно представил советскому потребителю так называемую «Совкарт» — первую кредитную карточку в нашей стране, которая, впрочем, пока что предназначалась для валютного использования. Несколько человек в составе советской делегации в Сеуле стали счастливыми обладателями означенного новшества и смогли в полной мере ощутить преимущества этой универсальной системы, признанной во всем, повторяю, цивилизованном мире. В реализацию ее мы включились благодаря двум сопутствующим силам: активной помощи и поддержке международного банковского союза «Виза интернэшнл» и инициативе и чудовищной несгибаемости простого советского человека, нашего гражданина Михаила Миско, возглавлявшего в тот праздничный момент фирму «Интуркарт» в составе ВАО «Интурист».

По сути дела та олимпийская проба по замыслу ее инициаторов должна была стать «первой ласточкой» электронных денег в СССР. Планы были грандиозные — охватить системой кредитных карточек большинство населения страны, чтобы к моменту, если таковой настанет, принятия рубля в семейство свободно конвертируемых валют общепринятая ситуация логично распространилась и на наше отечество. Для Михаила Миско внедрение пластиковых денег стало не только главным делом жизни, но и, насколько я могу судить, осознанным долгом гражданина перед своей страной. А это, согласитесь, немаловажная подпитка энтузиазма...

Все, казалось, складывалось отлично. Отлично организованное представление кредитной карточки, положительные отзывы в советской печати, не говоря уж о восторженной реакции за рубежом. «Местная» западная печать не полезла за сравнением в карман и назвала появление электронных денег в СССР «третьей революцией», имея в виду октябрь 17-го и апрель 85-го.

Впрочем, как выяснилось на недавней пресс-конференции в Правлении Сбербанка СССР, тамошние «акулы пера» не так уж далеки от истины, коль скоро с ними солидаризовался зам. пред. Сбербанка СССР Юрий Оприско. И не только разделил их позицию, но и сумел убедить в этом собравшихся. Однако об этом чуть ниже. Вернемся к истории с «Совкарт».

Итак, все, казалось, складывалось удачно. Но это только казалось... Не учли воодушевленные партнеры наличия «особого мнения» — новоявленный начальник в одной из контор прославленного ВАО «Интурист» одним росчерком пера задушил кредитную карточку, а Михаил Миско вместе со своим энтузиазмом оказался на улице...

И все-таки и у несчастливых историй бывают счастливые концы. Сегодня, опять же кажется, система электронных денег в СССР реанимируется. Во всяком случае, Правление Сбербанка СССР дало самые убедительные заверения. И снова на пресс-конференции сидел за столом президиума Михаил Миско — глава нового совместного предприятия «СПС» — «советские платежные системы». Рядом с ним расположился еще один энтузиаст, разделивший заботы нашей экономики,— представитель крупнейшего финского коммерческого банка «Окобанк» Матти Хейкилля. Впрочем, не все партнеры собрались в тот день середины мая в зале Госбанка СССР — не было здесь представителя «Виза интернэшнл», не было никого из французов («Электроник Серж Дассо»), не смог приехать еще кое-кто. Но дело не в том. Главное, думаю, в наличии была добрая воля, честное желание помочь нам в новом, незнакомом и чрезвычайно перспективном деле, было понимание взаимосвязанности.

А теперь по существу. Что же такое пластиковые, они же электронные, деньги, иначе говоря — кредитная карточка?

Пластиковая пластинка размером с карманный календарь, на которой выдавлены номер вашего банковского счета, фамилия, номер отделения банка. На противоположной стороне расположена закодированная магнитная полоска, где содержатся все данные о состоянии и адресе вашего счета. Сюда же могут быть занесены самые разные сведения вплоть до группы крови, номера паспорта, словом, все, что вам угодно. Если вы становитесь обладателем кредитной карточки, вам больше не нужны наличные деньги — в идеале в недалеком будущем вы сможете расплачиваться этим кусочком пластика: продавец в гастрономе, универмаге, официант в ресторане или столовой, кассир в авиа- или железнодорожной кассе, короче говоря, всякий, с кем у вас есть необходимость расплатиться, сунет карточку в электронное считывающее устройство, связанное с центральным компьютером, и тот в считанные мгновения снимет с вашего счета и переведет на счет продавца сумму покупки или услуги. Вам остается только подписать счет, а продавцу сличить ваше факсимиле с росписью, имеющейся на карточке, кстати, нестираемой.

Потерять деньги — дело житейское, сам неоднократно, вытаращив глаза, хлопал себя по карманам, горько переживая, что кому-то повезло за мой счет. Кредитная карточка оберегает ваш карман лучше нанятого рэкетира: в случае утери или кражи вы звоните в банк и сообщаете номер своей карты. Она мгновенно аннулируется, а вам с почетом выдается новая. Если же кто-то попытается воспользоваться утерянной и подделать вашу подпись — считывающий автомат карточку «проглотит», а злоумышленник будет давать объяснения...

Но и это еще далеко не все. Если, скажем, вам все же понадобились наличные, вы подходите к специальному электронному устройству для выдачи карманных денег, суете в прорезь заветную карточку, набираете свой, строго секретный код, известный только вам и вашему «банкиру», затем сумму денег к выдаче и через мгновение получаете все, что вам надо. Даже если ваши запросы превышают ваши возможности! Иначе говоря, в случае недостатка денег на вашем счете, автомат выдаст вам некоторую сумму в кредит — ведь карточка-то кредитная. В течение определенного срока вам предстоит погасить этот невинный займ. А в конце месяца почта доставит вам счета по вашим покупкам. Расписывайтесь, и дело с концом. Забудьте с этих пор утомительные очереди в сберкассах, мелочные препирательства с бухгалтерией — ставьте жизнь на карточку!

Описанная райская картина, конечно, пока еще далека от реальности. Слишком много ведомств и организаций предстоит объединить этой системе. Слишком сильна психологическая инерция людей, привыкших искать в кошельке трешки и пятерки. Слишком трудно пробивается у нас новое. И все-таки надежда есть.

Едет к нам сейчас электронное оборудование французской фирмы «Электроник Серж Дассо», принявшей на себя поставку пилотной системы кредитных карточек. Свои услуги, свою символику в виде голографического голубка на карточке, свою систему связи любезно предоставил нам международный банковский союз «Виза интернэшнл», объединяющий более двадцати тысяч банков на всех континентах Земли. Идут переговоры с крупнейшими компьютерными фирмами мира. Ведь для полноценного функционирования системы кредитных карточек в стране предполагается установить более 4 миллионов электронных рабочих мест, иначе говоря, персональных компьютеров. Использование системы кредитных карточек невольно заставит нас ежедневно сталкиваться с компьютером — вот та пресловутая компьютеризация общества, о которой мы бесконечно скорбим.

На «закуску» — одна цифра: если нам удастся хотя бы на 50 процентов заменить наличный оборот на безналичный, мы пополним недавно объявленный дефицит на все искомые 35 миллиардов рублей!..

И, кстати, есть уже первые желающие — правительство Эстонии в самом ближайшем времени планирует ввод на территории республики системы кредитных карточек. По расчетам, эта акция высвободит из системы обслуживания денег без малого 60 тысяч человек. И это только в маленькой Эстонии...

...Начато важнейшее, перспективнейшее дело, способное во многом помочь стране, помочь экономике, помочь человеку. Важно не заболтать его, не заблудить по бесконечным ведомствам и инстанциям, вывести из-под контроля бюрократической машины и довести до народа. Вот, по-моему, то конкретное дело, в котором нуждаются каждый и все. Но есть ли у нас гарантия?..

Константин СМИРНОВ

Продолжение. Начало на стр.4.

через 2—3 года, а быстрее. Именно поэтому мы вышли в ЦК КПСС. И нас поддержали, в порядке исключения разрешив начинать с 1 января 1990 года, то есть на год раньше других. Вот мы и спешим сегодня — подготовительные работы идут полным ходом. Не подвели бы только Госплан СССР и правительство страны.

«Я ПРОСТО ОБОЖАЮ ПРОФЕССИОНАЛОВ!»

— В этом кресле вы всего-то чуть более полугода, что, казалось бы, можно за это время успеть, но очень многие, с кем я беседовал в республике, отмечали: из рук своих оппонентов вам удалось выбить много сильных аргументов, эффективно решив ряд насущных вопросов.

— Мне судить трудно, но кое-что и в самом деле удалось. Просто мы почувствовали настроения людей и пошли им навстречу. Основа профессионализма в политике — умение в разных формах, в том числе и с учетом национальных особенностей, выразить реальные чаяния масс, а не надуманные лозунги. Гораздо больше усилий мы прикладываем теперь в социальной сфере, занявшись давно запущенными вопросами. Прежде всего положением пенсионеров, инвалидов, одиноких матерей.

Давно сложилось: ответственные партийные работники говорили с людьми исключительно через стол президиума, обращались к аудитории по бумажке, написанной чаще всего не весьма талантливым помощником. Это ушло, и, будем надеяться, навсегда.

— Но ведь стол президиума спасал от многих, бьющих по самолюбию ситуаций, от острых и нелицеприятных вопросов. А теперь все это приходится терпеть да еще и нервишки держать в руках, поскольку люди уже не позволяют партийным или административным лидерам кричать на себя, хамить. Такая узда не нравится многим руководителям, испытывающим форменную ностальгию по временам вседозволенности. Им-то как раз нравилось общаться с народом по бумажке. Это, кстати, проявилось как на апрельском Пленуме, так и на Съезде.

— Приятно сообщить, что такие кадры уходят, а им на смену приходят руководители принципиально иного склада, нового уровня интеллекта.

— А где они были, откуда приходят?

— Были на вторых, третьих ролях, а вот теперь обратили на себя внимание и удостоились выдвижения. Отчетно-перевыборная кампания более чем на треть поменяла состав партийных секретарей и, как правило, по инициативе снизу. Были случаи, когда бывший первый секретарь РК не попадал даже в члены райкома, а на его место выдвигали с низовой работы.

— А могли бы вы дать обобщенный портрет тех, кто пришел в результате выборов и кто ушел?

— Уходили в основном руководители, которые не чувствовали настроения народа, коммунистов, масс.

— Или не считали нужным учитывать эти настроения!

— Наверное, и так. А выдвинулись те, кто в гуще людей, знает и учитывает их помыслы. И, как правило, более образованные, с большим кругозором. И что еще показательно — гораздо меньше среди них производственников (что прежде было почти обязательным условием для партийного новобранца!), зато преобладают представители непроизводственной сферы — учителя, юристы, медики. Это показывает, что жизнь требует специалистов, связанных с людьми, а не с машинами. Это проявилось на всех уровнях: районном, городском, республиканском.

— Омоложение кадров произошло?

— Да, причем резкое. Пришли люди, которые лет на 20 моложе ушедших. А это, естественно, связано и с переменами стиля работы, мышления.

— Убежден: этот страшнейший дилетантизм, распространившийся у нас повсюду, «осчастлививший» ужаснейшими авариями, катастрофами, опустошительнейшими дефицитами,— следствие рожденного в недобрые годы партийного функционерства. Как с ним быть? Сокращать и качественно улучшать аппарат — этого мало. Мне кажется, что он должен и принципиально видоизмениться. Любой райком, горком, обком и даже ЦК Компартии республики видится мне состоящим из очень небольшой постоянной части, а остальное — временные образования. Тут имею в виду активных людей, приглашаемых на полгода, год, полтора для осуществления реальной программы, а потом возвращающихся к своей профессии. К примеру: внедрение республиканского хозрасчета потребует очень грамотного идеологического и политического обеспечения, для которого функционеры не годятся — не подготовлены, но хорошо подойдут политически зрелые экономисты, плановики, хозяйственники. Самых стоящих среди них на постоянную работу в партийные органы не уговоришь, а временно — с великой радостью. Зная, что возвращение на прежнюю работу для них гарантировано, они совсем иначе, чем функционеры, поведут себя в стенах партийного комитета — будут думать о работе, а не о благах, не побоятся говорить все, что думают, ставить вопрос ребром. Это обещает, как я уверен, резкое повышение качества партийной работы, избавит от круговой поруки консервативных аппаратчиков, все делающих, чтобы помешать угрожающим для их благополучия переменам.

Как вы оцените такой подход к избавлению от аппаратного бюрократизма?

— Я с вами согласен: в партийные органы должны прийти принципиально иначе мыслящие люди. К вашему проекту, который стоило бы где-нибудь опробовать, я бы добавил еще вот что: институт консультантов, но самого высшего уровня.

— Советников?

— Это то же самое. Но имею в виду не ушедших на пенсию руководителей, которых надо куда-то пристроить, а отлично подготовленных. На такого, может быть, надо не пожалеть и 50 тысяч рублей, чтоб объехал весь мир, все увидел и понял. Уж к такому поневоле будешь потом прислушиваться. Подобных консультантов сегодня нигде у нас нет. Высокие руководители вынуждены опираться на интуицию, некое шестое чувство, еще на что-то, но только не на знающих профессионалов. А я просто обожаю профессионалов, сокрушаясь, что все мы чаще всего полу... Профессионализм в управлении — как предприятием, республикой, так и всем государством — это первое, с чего надо всерьез начинать...

— А выборность хозяйственных кадров приводит ли к повышению их профессионализма?

— Если честно, то, как бывший хозяйственник, я вообще не понимаю идеи выборности руководителей снизу. Если мы хотим, чтобы наверху были люди высшего интеллекта, то разве можно право исключительного выбора их доверить подчиненным. И теперь уже видно — оборачивается профанацией.

— Что ж получается — подчиненные не могут судить о начальнике?

— Судить-то могут и должны судить. Их мнения и оценки обязательно надо учитывать при назначении, но назначать должен более высокий уровень.

— И теперь еще немало ошибок назначения. Причина в том, что вся кадровая работа поставлена в стране примитивно, на дилетантской основе, почти не используя современное человековедение. Подбирают если не по анкете, то на глазок. До сих пор в ходу приятельские и протекционистские связи, а проверить, проконтролировать некому.

— Мне много лет приходилось решать вопросы назначения директоров. Тут всегда прислушивались ко мнению многих людей, целых коллективов. Когда это делаешь, ошибок гораздо меньше.

НЕ ВКЛАДЫВАЯ КАЗЕННОГО КАПИТАЛА...

— У меня такое ощущение, что в Литве, как, впрочем, и в других Прибалтийских республиках, гораздо в меньшей степени утрачено чувство хозяина, чем в иных местах страны.

— Ну, конечно, еще пятьдесят лет назад существовала частная собственность. Поколение, которое действовало в тех условиях, еще живо.

— Это значит, и бережливость, и экономическое мышление больше развито, так? Вы, следовательно, быстрее можете освоить и хозрасчет, и рыночные отношения, став первопроходцами?

— Но это проявляется в основном на селе. Есть такие цифры: наш крестьянин на своем личном подсобном хозяйстве продает 20 процентов всего мяса республики и 36 процентов всего молока. Это — очень большое подспорье. Если б мы имели такие проценты в целом по стране, мы б решили продовольственную проблему. Причем не вкладывая казенного капитала, а исключительно за счет дополнительной работы человека, его желания работать и хорошо заработать.

— Осуществив лозунг «Землю — крестьянам!», мы, следовательно, могли бы самым простым и дешевым способом решить продовольственную проблему? Если к тому же учесть, сколько сегодня неплодоносящей и заброшенной земли, которую сразу же вернет в хозяйственный оборот пробужденное революцией в собственности чувство хозяина.

— Но это не так просто: «Землю — крестьянам!» Одним лозунгом тут не возьмешь. К примеру: мы уже заметили — не приживается у нас аренда. И я не вижу в этом деле перспектив. А все потому, что нет тут гарантий постоянства и собственности. Обязательно должна быть гарантия государства на собственность, чтобы не оставалось опасений — придет время, и все переменится на 180 градусов. Для этого нужны поправки к Конституции, требуется Закон о пользовании землей. Но поясню: формы частного хозяйствования на земле должны быть в республике дополнительными, поскольку коллективное хозяйствование в основном себя оправдало в наших условиях. На уже упоминавшейся сессии предлагалось утвердить Закон о крестьянском хозяйстве. Не утвердили и предложили не утверждать сами представители села — депутаты. Не подготовлен Закон как следует. Таких прецедентов на сессиях прежде не бывало, но, видите, небеса не свалились на голову. Законы должны быть подготовленные «на пять», а не просто «для отметки». Люди это чувствуют сразу. У нас ждут этого Закона. Но в то же время есть колхозы, где никто не пишет заявлений с просьбой дать землю, пустить «на вольные хлеба».

— И я понимаю почему: в республике трезво подошли к опыту ваших исторических предшественников и не повторили всех их трагических ошибок. Недаром у вас уже давно нет убыточных колхозов.

— Зато имеем множество колхозов с прекрасными показателями. Их жизнестойкость объясняется еще и тем, что мы наряду с производственными всегда уделяли внимание решению социальных вопросов села, созданию на селе социальной инфраструктуры. Например, долгие годы занимаемся строительством дорог. Каждый год записываем в программе: сколько дорог строится на селе, какими силами и за счет каких средств. Источники изыскиваем всевозможные: и за счет колхозов, и на средства, отпущенные на мелиорацию. Последнее не случайно: никакие системы осушения или орошения работать не будут, пока не будет дорог. В результате всех наших усилий на «Волге» да на большой скорости можно подъехать к центральной усадьбе любого колхоза. То же с телефонизацией. Труднее с газификацией.

— И это дает, конечно же, ощутимую экономическую прибавку, избавляет от гигантских потерь.

— Конечно. А самая главная «экономия» — сохраняем на селе людей. Уже лет десять мы наблюдаем отсутствие миграции. Люди не уезжают, поскольку нет у них ощущения оторванности от всего мира. И зимой, и летом крестьянин садится за руль и едет туда, куда ему надо. Закреплению сельских кадров способствовало и то, что удалось создать в республике мощную систему строительства индивидуальных домов индустриальным способом. И в результате свыше 70 процентов сельских жителей живет в новых современных домах со всеми коммунальными услугами. И в основном — в собственных.

— Реально ли рассчитывать, что еще в этом веке литовский крестьянин достигнет уровня голландского фермера — будет кормить 112 человек?

— Тут нужны совсем другие методы хозяйствования на земле, требуется принципиально иная техника. Об этом долгий и специфический разговор. Оставим это специалистам.

ЧАСТЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРОБУЖДЕНИЯ

— В этом разговоре нам никак не обойтись без темы очень обострившихся повсюду в стране национальных отношений. Не зря она стала для Съезда камнем преткновения.

— Тема эта становится сейчас самой сложной, хотя прежде такой не была. Конфликты тут бывали, но они проходили сравнительно мирно, не выпячивались. Тут надо учесть национальный состав республики: 80 процентов литовцев, около 7 процентов поляков — тоже коренных жителей. Плюс к этому часть населения, приехавшего в республику после войны. Существенно также, что из 20 процентов нелитовцев многие знают литовский язык.

— А из литовцев, как я вычитал у социологов, 94 процента свободно владеют русским языком. Эти цифры, видимо, объясняют, почему введение государственного языка хоть и вызвало напряженность, но не столь острую, как в Эстонии и Латвии.

— В нашей республике редко звучат упреки, что игнорируется какая-то нация.

— Мне говорили, что преподавание на национальных языках поставлено у вас лучше, чем где-либо. Так?

— Такого положения, как я знаю, нет больше нигде. Те, кто хочет, обучаются на родном языке. Только польских школ около ста.

— Есть такой упрек по отношению к руководителям всех Прибалтийских республик: вот вы, дескать, все скандинавское ставите в пример, а в Финляндии, где всего 17 процентов шведов, существует два государственных языка — финский и шведский. Этот опыт разве неприемлем для нас?

— Может быть, может быть! Но надо нам дожить до такого уровня решений. Хотя, если быть точным, у нас давно существует реальное двуязычие. Просто сейчас мы уделили основное внимание национальному языку, поскольку существовал сильный перекос в другую сторону.

— Как-то я слышал в Эстонии: один язык — один ум, два языка — два ума, три языка — три ума...

— Есть и другая интерпретация: один язык — одна жизнь, два языка — две жизни, три языка — три жизни...

— Вы на себе это испытали — преимущество нескольких языков?

— Кроме литовского и русского, я говорю еще и на польском. И это помогает. Вот пошел на встречу с избирателями — они все по-польски говорили, и я несколько фраз сказал. Тут и возник контакт... Могу понять офицера, который прожил несколько лет, но так и не заинтересовался литовским языком. Но возьмите жителя, прожившего в республике большую часть своей жизни. И дети его, и внуки говорят политовски, а он не освоил ни одного слова.

— Сейчас по всей Прибалтике представители некоренных национальностей энергично взялись осваивать государственный язык. Одни на энтузиазме, другие — на испуге, боясь стать отверженными, потерять работу. И везде жалобы — плохо поставлено практическое обучение языку, не хватает преподавателей и учебников. И еще одна распространенная обида: руководители и прочие должностные лица слишком резво переводят служебные отношения на национальный язык, не считаясь с людьми, которые его не знают и в ближайшие месяцы не освоят. Подобный упрек слышали мы с вами на заводе «Эльфа», где была у вас встреча с избирателями.

— С государственным языком еще много проблем. На местах перебарщивают: тут же переводят на литовский язык все делопроизводство, хотя Закон о языке этого не требует. Тут дан определенный срок. Если обращается в организацию другая организация или частное лицо, то ответить должны на том же языке. Это относится и к сфере обслуживания. А руководители коллектива, в котором представлено несколько национальностей, должны говорить с ними, или, точнее, уметь объясниться — на их родном языке.

— Национальное пробуждение — непременная часть пробуждения социального, и процесс этот только начался. Это значит, что еще предстоят новые и новые обострения. Пугаться этого, видимо, не стоит, но надо выработать механизм мирного разрешения национальных конфликтов. У вас такой есть?

— Пока создана комиссия по национальным отношениям. Ее возглавляет секретарь ЦК Компартии Литвы по идеологии. Ясно, что этого мало... Но межнациональные отношения — это для нас объект постоянного, а не эпизодического интереса, не частная проблема, а общая. Тут для всех работа, а не только для комиссии.

— Усугубляют национальные конфликты в республике позиционные стычки между «Саюдисом» и «Единством» — двумя массовыми движениями, рожденными перестройкой. Подобное же во всех Прибалтийских республиках. В этой связи вопрос к вам о новых общественных образованиях: пугает их появление или радует?

— Начну с того, что революционное обновление, демократизация, гласность охватили всю Литву. Каждый из нас все острее ощущает, что обретает большую духовность, становится внимательнее друг к другу, справедливее и нетерпимее к злу.

Все это, следует признать, не сразу проложило себе дорогу, не стало продвигаться семимильными шагами. И тогда, когда кое-кто стал уже скептически относиться к идеям перестройки, всем нам на помощь несколько неожиданно пришло Литовское движение за перестройку, то есть «Саюдис». Правда, во время его становления едва ли многие верили, что движение станет такой могучей и животворной струей нашей общественной жизни. И в том, что эта струя стала такой, какой она является сегодня, заслуга нашей творческой интеллигенции, тех ее представителей, которые первыми помогли разбудить мысль народа, политическую и гражданскую его активность.

Фото Павла КРИВЦОВА

И все же каково место «Саюдиса» и других общественных движений — «Единства», «зеленых» — в общественно-политической системе республики? История безоговорочно утверждает, что при наличии одной правящей партии нужны разные общественные объединения. Они помогают разнообразить арсенал способов проявления активности общества, делают реальностью социалистический плюрализм.

Однако — как это часто мне приходится повторять публично — мы никогда не будем поддерживать ни одного общественного формирования, которое предпримет попытки поощрять национальную обособленность или замкнутость, а тем более подозрительность или нетерпимость по отношению к другим народам.

Именно позитивные общественные движения, всколыхнувшие широкое общественное мнение, заставили серьезно заниматься этими делами производственников. Здесь основная заслуга «зеленых», движение которых хорошо развито в республике. Они проводят большую работу — как пропагандистского, так и практического характера: проводят массовые походы по берегам загрязненных рек, ведут очистные работы, вовлекая и школьников, и студентов.

— И кого вы в таком случае поддерживаете — «зеленых» или их оппонентов?

— Тех, кто мыслит в данный момент реальнее. Когда некоторые горячие головы из числа «зеленых» решительно требуют буквально все закрыть, ликвидировать, перепрофилировать, этого я поддержать не могу. А за счет чего жить будем? Реалистические подходы всегда поддерживаю. Там, где плохо, надо, конечно же, исправлять. И «зеленые» очень многое ускорили, добиваясь экстренных мер. Поддержал бы их более активные действия в проектировании и строительстве очистных сооружений, осуществлении других мероприятий по охране природы.

Без «зеленых» мы б успели гораздо меньше. Как, впрочем, и без других больших и малых движений, которые своей настойчивостью очень часто побуждают органы власти к решительным действиям.

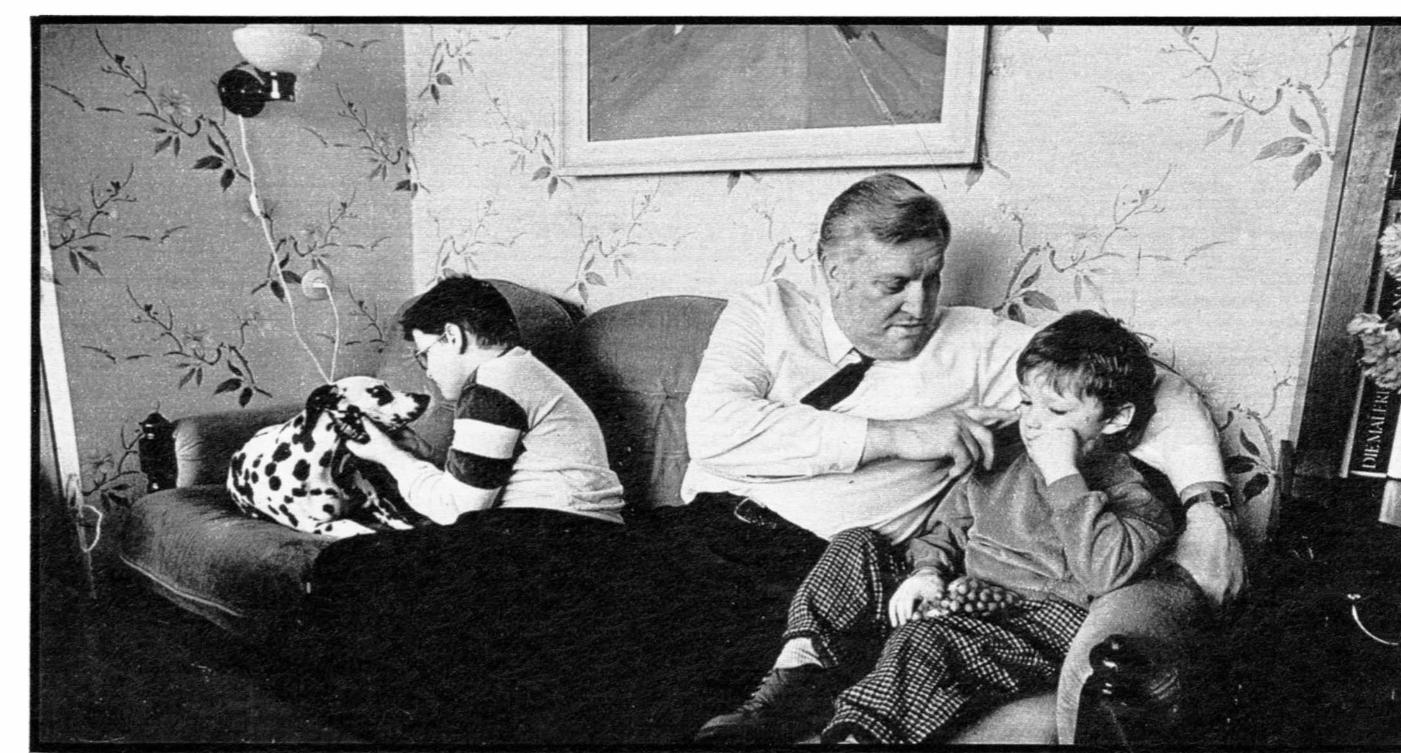
Правда, мы и раньше немало делали, но, возможно, не хватало гласности, а кроме того, слишком мало доверяли здравому смыслу людей и их желанию знать, что происходит под родным небом. Консолидация всех сил. Понимать друг друга!

Юстинас Марцинкявичюс, литовский народный поэт, очень хорошо и точно сказал: трудная это работа — Родина. Но без этой работы не будут здоровы и счастливы люди, не станет благополучной страна.

— А если теперь все подытожить?

— Мы хотим говорить на том языке, на котором разговаривали наши предки, хотим обладать теми озерами, реками, полями, лугами, лесами и морем, которые они оставили нам в наследство. Мы хотим выжить в Литве и жить здесь. Нас долгое время даже запугивали, чтобы не произносили святых для нас слов: Литва — родина наша. Родиной для нас было нечто необъятное: и тундра, и тайга, и вулканы, а вот Литва — всего-навсего только родной край. А ведь во имя родины — Литвы, во имя ее восстановления призывали нас трудиться и жертвовать собой Донелайтис, Даукантас, Басанавичюс, Кудирка, Майронис. Сегодня вновь оживает гордость народа за славное прошлое, в котором мы черпаем силу для сегодняшних свершений.

Так давайте же жить и работать так, чтобы не приходилось больше разносить ушедших из жизни, стыдиться наших бывших государственных и партийных деятелей, уничтожать их памятники, менять названия предприятий, улиц, кораблей. Этого не должно быть!

Станислав ТОКАРЕВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ В СТИЛЕ РЕТРО

ПОРТРЕТЫ НА ФОНЕ ВРЕМЕНИ

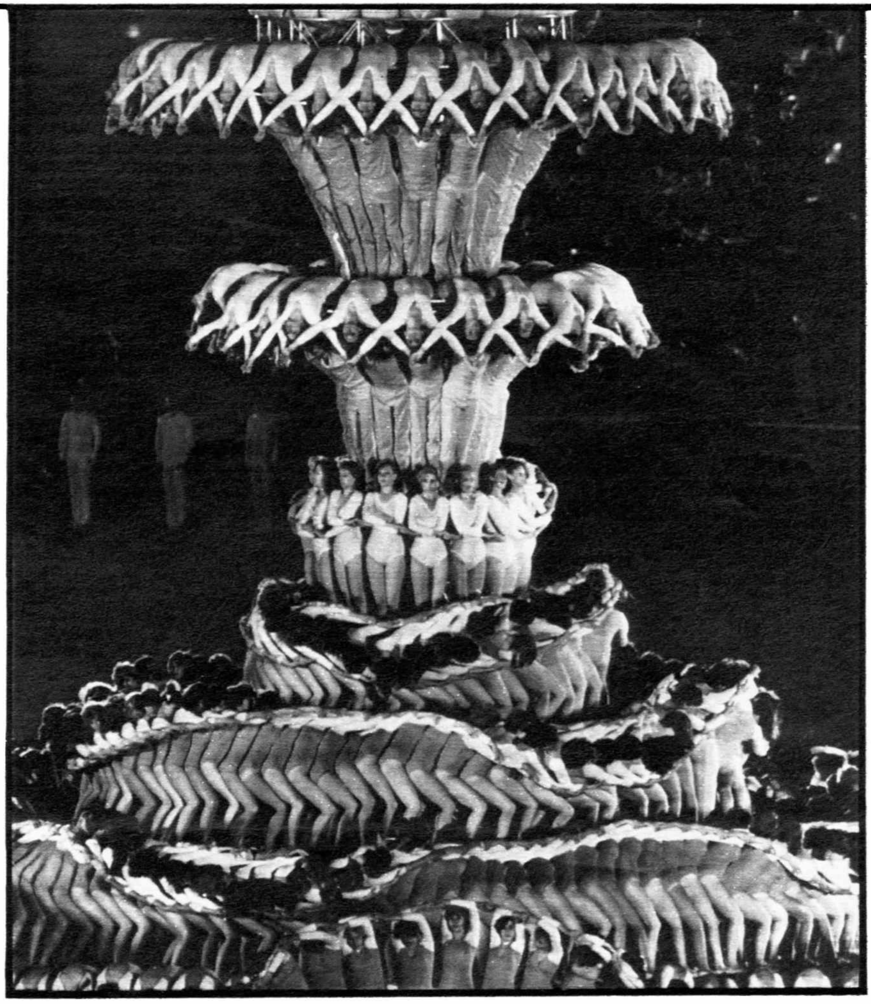

Фото Анатолия БОЧИНИНА

НЕДАВНО ПОЛУЧИЛ ПИСЬМО. ЗАСЛУЖЕННЫЙ МАСТЕР СПОРТА, УЧАСТНИК ИГР В ХЕЛЬСИНКИ 1952 ГОДА И В МЕЛЬБУРНЕ 1956-ГО, ЗАТЕМ ТРЕНЕР ЛУЧШИХ МЕТАТЕЛЕЙ СТРАНЫ ОТТО ГРИГАЛКА ПИШЕТ: «НЕ НАДО БЫТЬ ДОКТОРОМ ЭКОНОМИКИ, ЧТОБЫ ПОНЯТЬ, ЧТО ДЕФИЦИТ ГОСБЮДЖЕТА ДУШИТ НАС. А В ЭТО ВРЕМЯ ГОСКОМСПОРТ УСТРАИВАЕТ СОРЕВНОВАНИЯ С ДРУГИМИ СТРАНАМИ, КТО БОЛЬШЕ ЗАПЛАТИТ ЗА ОЛИМПИЙСКИЕ МЕДАЛИ. СЕГОДНЯ ПОНЯТНО, ЧТО СОВЕТСКИЙ СОЮЗ НЕ НУЖДАЕТСЯ В ПОЛУСОТНЕ ЗОЛОТЫХ МЕДАЛЕЙ ЛЮБОЙ ЦЕНОЙ. ДАВАЙТЕ СПРОСИМ У НАСЕЛЕНИЯ, НУЖНО ЛИ НАМ ИХ СТОЛЬКО, ЕСЛИ ОНИ УВЕЛИЧИВАЮТ ДЕФИЦИТ? И ЕСЛИ ПРОСТЫЕ ЛЮДИ СКАЖУТ «ДА», ТО ПОЖАЛУЙТЕ В КАССУ».

Пятьдесят пять золотых олимпийских медалей Олимпиады в Сеуле, по идее, «вызывают (пользуясь клише прошлых лет) в нашем народе законную гордость». Но однажды на ЦТ, участвуя в передаче «У нас в Останкино», я позволил себе спросить: «Четыре, восемь, двенадцать лет назад представители средств массовой информации трактовали этот успех как символ экономической мощи державы, ее морального единства, а также — главное — как доказательство массовости нашего спорта. Что станем сейчас говорить? Когда с экономикой ох как неблагополучно, с единством тоже не все в порядке (имея в виду события в Прибалтике, в Сумгаите, в Тбилиси), а массового, народного спорта у нас просто нет?»

«Добро бы валюта, заработанная нашими нынешними профессионалами на международной арене, шла на развитие массового спорта. Но нет: в физкультурном отношении мы страна отсталая. Впрочем, об этом ниже.

Повелось начинать счет наших побед с момента выхода на мировую олимпийскую арену. С послевоенного времени. Я не изменю традиции, но позволю себе связать и победы, и беды с конкретными фигурами министров спорта (хотя должность именовалась в разное время по-разному, это дела не меняет). Деятельность каждого определена климатом лет, когда он руководил, каждый был временем вознесен, воспитан, порою бит. Представляется правильной формулировка «это сделано при Романове (Машине, Павлове, Грамове)»...

В 1945 году Сталин решил, что после Парада Победы в самое ближайшее время там же, на Красной площади, в июле надо провести и парад физкультурников — для демонстрации бодрости, оптимизма нашей молодежи. «Нынешнее руководство с этим делом не справится»,— заявил Сталин, имея в виду А. Снегова, которому в 1938 году вместе с назначением вождь велел сменить прежнюю фамилию — Тряпкин (не подходила государственному деятелю). К. Ворошилов, Л. Каганович и М. Суслов рекомендовали второго секретаря ЦК ВЛКСМ Николая Романова, работника крепкого, хотя с порученным делом сталкивавшегося лишь на заре туманной юности.

Заметим, что первой задачей Романова было поставить парад: это символично.

Новый руководитель вложил в спорт всю душу. Иначе бы из него ее вынули. В 1948 году, когда наши конькобежцы впервые выехали за рубеж и проиграли, Романов был тотчас снят и (с подачи Л. Берии) заменен заместителем министра МГБ А. Аполлоновым (тот, впрочем, вскоре понадобился, видно, для более важных дел). Судьба Романова некоторое время висела на волоске... Затем он вернулся, но еще несколько лет (во время Олимпиады 1952 г. тоже) числился и. о. Спорт он к тому времени, надо отдать справедливость, знал основательно — особенно роковой для него конькобежный.

В 1948 году в Лондон на Олимпиаду отправилась небольшая, но авторитетная делегация наблюдателей. Требовалось дать ответ на вопрос: если войдем в олимпийское сообщество и примем участие в Играх 1952 года в Хельсинки, то победим ли? «Лучший друг советских физкультурников» не интересовался, кто как там бегает и прыгает: победа была для него одним из доказательств того, что «послушна мне, сильна моя держава». Неудача — дискредитация всей системы. То есть спорт стал орудием большой политики. Не случайно столь болезненно было воспринято поражение футбольной сборной от команды «клики Тито—Ранковича», и, хотя по очкам мы разделили победу с американцами в общекомандном зачете, никто ни за какое золото государственных наград не получил.

В начале 50-х в ход пошли огромные по тем временам капиталовложения на новые стадионы, на материальное вознаграждение (засекреченное, конечно) мастеров, наголодавшихся в войну. Однако поколение тех лет было истинно патриотическим, их «горючим» (если можно так выразиться) служили высокие чувства. Первые попытки приторговывать заграничным барахлом возникли гораздо позже.

Наш паровоз летел вперед под лозунгом «массовость — основа мастерства», однако задние — третьего класса — вагоны потихоньку отцеплялись. При Романове новая всесоюзная классификация резко подняла высшие нормативы, разрывы между спортивными разрядами возросли. При Романове созданы детские спортивные школы: потом они множились, стали детско-юношескими, возникли школы олимпийского резерва, спортинтернаты, но, повторяю, потом. Здесь важно подчеркнуть, что мы вступили на путь экстенсивного развития — в отличие, скажем, от ГДР, где населения неизмеримо меньше, потенциал же спортивный фактически равен нашему. Приняв изначально советскую спортивную систему, немецкие товарищи ее рационализировали, в большом спорте отсекли все лишнее, сконцентрировали силы и средства, остальное вложили в физкультуру. Прежде всего в общеобразовательных школах. ГДР — поистине республика спорта.

Однако и у нас ведь при Романове стали проводить — в качестве смотра работы с детьми — всесоюзные спартакиады школьников. Положение о них предусматривали многоступенчатость: сперва старты в селах, поселках, районах, городах, областях — и так до финала. Но пока школьные физруки с их одним уроком в неделю, с неприспособленными помещениями, без инвентаря и оборудования давали жалкие свои стартики, уже на тренировочных базах отборные гвардейцы «без дураков» готовились защищать честь республик. Спартакиада если и стала смотром, то высококвалифицированных юных атлетов, воспитанников спортшкол, а игра в массовость заглохла сама собой.

Как умеем мы выворачивать наизнанку благие идеи массовости! Возьмем комплекс «Готов к труду и обороне». До войны значки носили на лацканах, как ордена. Но в нынешнее время комплекс старел, его пытались возрождать, видоизменять, число значкистов включали в обязательства соцсоревнования на предприятиях, липа цвела такая — боже мой! Додумались даже проводить Всесоюзный чемпионат ГТО, присуждать звания мастеров по ГТО, появились профессионалы ГТО...

Так понемногу чахла массовая физкультура. Я далек от мысли винить в этом «команду Романова», но начинала она. И здесь попытаюсь охарактеризовать самого министра. Немногословный, с лицом — ледяной маской, он был плоть от плоти времени: все, кто ниже,— винтики. Помню, прилюдно унижал, шугал из кабинета даже почтенных подчиненных, а они и сейчас вздыхают: «При Николае Николаиче был порядок». Порядок в смысле неукоснительного, бездумного исполнения и совершенного неуважения к личности. В его, кажется, единственной речи перед журналистами (я слышал ее) звучало: «Я вижу вас насквозь, вы дрянь, ничтожества, пьянствуете после каждого гонорара».

Он воплощал девиз «цель оправдывает средства». Недавно я где-то прочел, что допинг, главное зло современного спорта, получил распространение в середине 60-х годов. Это так, если иметь в виду лишь анаболики. Но им предшествовали психотропные, амфетаминные препараты. Опять же на моих глазах в 1959 году на узком совещании по итогам велогонки Мира наш старший тренер Леонид Шелешнев, нынче покойный, заявил прямо: «Николай Николаевич, если у нас не будет тех средств, какие у них, нам побед не видать». Романов ответил: «Думаю, вопрос решим положительно». Первую упаковку с таблетками передал нашим в Риме перед Олимпиадой-60 итальянский тренер — в отместку своему начальству, давшему ему отставку. После финиша 100-километровой командной гонки чуть не отдал богу душу талантливейший велосипедист Алексей Петров — министр сам тащил его на себе откачивать. Вообще, если допинговая зараза проникла в мировой спорт раньше, то борьба с нею началась, возникло понятие «антидопинг», именно в 1960-м, когда в той же гонке умер в седле датский спортсмен Енемарк-Енсен.

Уходил Романов уже в хрущевское время — в 1962-м. Я был свидетелем его символического прощального жеста. Зимняя Спартакиада, кавалькада машин с начальством и прессой по узкой дороге посреди сугробов пробирается на биатлонное стрельбище. Навстречу колхозный грузовик с комби-

кормом — не разъехаться. Романов негромко скомандовал: «В кювет его». Столкнули — па-а-ехали.

Ушел он в ВЦСПС и к спорту больше отношения не имел.

Пришел Юрий Дмитриевич Машин — молодой, обаятельный, по образованию инженер, по прежней должности секретарь Московского обкома ВЛКСМ. Как выразился тертый, романовской закалки, служака: «Трудно с ним работать, ему нужен ликбез». Со всех трибун уверял, что не сегодня завтра мы введем профессионализм. Да что вообще мог Машин, если в 1959 году Н. С. Хрущев преобразовал Комитет при Совмине в некий Совет спортивных обществ и организаций? Бывшие комитетчики горько цитировали фразу Хрущева: «Мы придем в коммунизм не с министром, а с инструктором физкультуры», и что возразишь, если уверял нас Никита Сергеевич, что наше поколение будет жить при коммунизме? Министерства сменялись совнархозами, однако, как бы то ни было, в глазах опытных аппаратчиков совет выглядел чем-то аморфным, неавторитетным. Тут еще решили стадионов поменьше строить... Старые конники до конца жизни не простят Хрущеву, что он наш золотой фонд — донских коней, драгоценных ахалтекинцев — велел пустить на колбасу...

Подозреваю, что Ю. Машин, деятель некрупного масштаба, и не попал бы на тот пост, если бы Хрущев относился к спорту иначе. Хоть как-нибудь. Он же — никак.

С середины 60-х годов потихоньку стала у нас подгнивать общественная нравственность. Как сказано выше, люди спорта, увы, из первых, кто вступил в связь с фарцовщиками. Причем не только сами спортсмены, но и тренеры, и функционеры. Тем паче тогда справка «Такой-то является членом советской спортивной делегации» освобождала от таможенного досмотра. Возили партиями плащи-болонья, мохер. Выдающийся пятиборец Павел Леднев рассказывал мне, что попал в компанию чемпионов и рекордсменов, которые соревновались, кто больше привезет, и его жизнь на этом едва не сломалась. Я спросил Павла, вызвано ли это было стремлением подкопить деньги на жизнь после спорта, в общем, неопределенную. «Не только. Мы же ездим за кордон, а ездить стало престижным, домой к тебе приходят — тотчас осматривают обстановку квартиры, по ней судят, в порядке ли ты, можно ли с тобой иметь дело. Ну, а кто к нам прилипал? Деловые...»

Характерно и то, что Юрий Машин, лично честный, привел с собой в помощники (их-то руководители подбирают сами), затем выдвинул на пост начальника одного из ключевых управлений, а перед своим уходом пристроил членом редколлегии газеты «Советский спорт» по отделу школьного воспитания некоего Виктора Михайлова, вскоре представшего в качестве главного обвиняемого по крупному делу о спекуляции машинами иномарок.

Хорошо помню его телохранителя: по-моему, половина того южного города знала гориллоподобного боксера-тяжеловеса по имени Гамлет, который в ресторанной драке убил человека, поехал в Москву откупаться и вернулся... заслуженным тренером республики. Михайлов сидел на скамье подсудимых, а Гамлета я видел на телеэкране среди штаба видной футбольной команды. Не исключено, что именно тогда иные бывшие боксеры и борцы уже образовывали своего рода защитные отряды для деятелей теневой экономики...

Машин ушел в 1968 году (говорят с облегчением). Одно время руководил образцово-показательным московским предприятием «Хроматрон»: там в цехах цветы благоухали, фонтанчики били, делегации туда возили... Правда, цветные телевизоры с выпускаемыми заводом кинескопами горели ярким пламенем... Сейчас он в одном НИИ замдиректора по кадрам.

Сменивший его Сергей Павлович Павлов — крупная, яркая и противоречивая фигура. Бывший студент института физкультуры (правда, диплом получил уже на министерском посту), энергичный, красноречивый, боевой, стремительно зашагал по комсомольской лестнице. Хрущев его заметил и — благословил: стал Павлов первым секретарем ЦК ВЛКСМ. Этот отрезок его карьеры анализировать не берусь, процитирую лишь стихи, прочитанные Евгением Евтушенко на юбилейном есенинском вечере: «Когда румяный комсомольский вождь на нас, поэтов, кулаком грохочет и хочет наши души смять, как воск, и вылепить свое подобье хочет, его слова, Есенин, не страшны, но трудно быть от этого веселым, и мне не хочется, поверь, задрав штаны, бежать вослед за этим комсомолом». Румяный, русокудрый добрый молодец побагровел от ярости в президиуме.

Вскоре после наступления «брежневской эпохи» Павлов был, что называется, «брошен на низовку» — на руководство спортом. То ли потому, что слишком был явный, так сказать, жизнелюб, то ли — скорей всего,— поскольку новый Генсек менял команду.

Почти сразу же после его прихода совет снова стал комитетом, органом государства. Надо отдать справедливость Павлову: он с его волей, жесткостью, доходившей порой до жестокости, способностью схватывать суть вопроса на лету, в кабинет вошел, как нож в ножны. Дело принял развалenным — зимняя и летняя Олимпиады 1968 года были низшей точкой наших результатов. Излагая свои программы выхода из кризиса, за год выступил с пространными речами на всех уровнях 73 раза (сведения дал его тогдашний помощник). Главная новация штаба Павлова — единый сводный план подготовки спортсменов экстра-класса, в котором четко расписаны роли обществ и регионов. Он все собрал в кулак — на том этапе идея была прогрессивной. Чтобы ковать медали.

Как же в ту пору жила массовая физкультура? А сама по себе. Сейчас для нас привычно понятие «неформальное объединение», так вот, первыми неформалами еще в ту пору сделались физкультурники — истые любители. В моду вошла книга Гилмора «Бег ради жизни», возникли клубы любителей бега, они множились, общение в них происходило и на интеллектуальном, и на духовном уровне. Впрочем, порой это грозило бедами, и немалыми. Был, скажем, разогнан московский клуб «Космос», насчитывавший 2,5 тысячи человек,— невинные аутогенные упражнения (да, пожалуй, традиционное приветствие «Мир дому твоему») сочли идейно сомнительными. Кстати, в клубе было 635 членов КПСС, 6 секретарей парторганизаций, 6 академиков... Потому клубы спортивных неформалов как бы ушли в подполье. Скажем, на подмосковной станции Раздоры, в лесу, долгие годы существует волейбольный клуб — несколько десятков площадок, сооруженных своими руками, собственная иерархия, построенная исключительно на качестве игры, и — что самое главное — никакого начальства. В лес бегут от официоза.

Но вернусь к деятельности Павлова, проходившей у меня на глазах. Он обладал поразительной способностью самопрограммирования. Скажем, приехал на первую свою Олимпиаду в Мехико с бригадой шустрых агитаторов, явился к гимнасткам: «А ну, девчата, споем «Мы верим твердо героям спорта!» Александра Николаевна (это известному композитору), прошу к роялю! А ну, все в хоровод!» Девчонки — ни гугу, хмурые, как в воду опущенные. Их туда рано привезли, они от ожидания устали. Вдруг кто-то из них с места: «Хотите, нашу споем?» «Замечательно! Александра Николаевна, подберите мотив!» Спели. О том, как им там остобрыдло и они хотят домой.

Павлов понял — время изменилось, одними «ура» и «даешь» не обойтись. Прошло время, и на Олимпиаде в Мюнхене — премии за победу были доведены до 4000 рублей плюс 500 долларов. И спортсменам, и тренерам, их подготовившим. Можно спорить, заслуживают ли добытчики спортивного золота государственных наград, но меня всегда коробило, когда ученику вручался орден, учителю — медаль или грамота. Павлов и это постарался уравнять.

Спортсмены ему симпатизировали. Он был демократичен, не запирался в кабинете. Обещая помочь, помогал. Помню, я пришел к нему просить за Наташу Кучинскую: она в ту пору переживала острый нервный кризис, ей надо было срочно уйти из спорта, Павлов же запретил функционерам даже думать об этом. Попросили меня поговорить с ним — что взять с журналиста? Я сказал: «Отпустите ее, постарайтесь устроить судьбу и подержите на стипендии, сколько сможете». Он выслушал и обещал. Кучинской (с его санкции) платили — в сущности, незаконно — еще несколько лет...

При Павлове состоялась Московская Олимпиада. До сих пор сердце замирает, когда в памяти звучит задушевное пахмутовское «До свиданья, наш ласковый Миша, возвращайся в свой сказочный лес», и слезы наворачиваются на глаза...

Но какой же плитой легли затраты на наш госбюджет! Всего несколько примеров. Мой друг, инициативнейший спортивный хозяйственник Д. А. Каменев был за недолгое время до Игр назначен директором трека в Крылатском. Трек, слов нет, уникальный. Но Каменев мне показывал места, где зарыты в землю металлоконструкции, отделочные материалы, трубы, провод — на сумму, за которую можно было возвести еще точно такое же сооружение (припасли на всякий случай, а потом второпях прибрали). А олимпийская велодорога? Я живу рядом с ней, потому свидетельствую: если с 80-го года всесоюзные соревнования на ней и проводились, то, может, два-три раза, последние же три года — ни разу. Она потихоньку ветшает (а сколько стоила?). Причина? Профиль столь сложен, что средний мастер не способен вести там истинную борьбу без риска для жизни. То есть ее проложили для олимпийской победы своих, долго их там обкатывали, потом завоевали медали — уж подлинно из чистого золота — и успокоились.

С Игр-80 минул год, и в Москве впервые встретились те, кто участвовал в Олимпиаде, и те, кто ее бойкотировал,— на чемпионате мира по гимнастике. Тон задавали наши сверхюные спортсменки. Собственно, омоложение женской гимнастики, превращение ее в детскую, варварски трудную и опасную для девичьего организма, началось давно. Еще в начале 60-х тренер из Ленинска-Кузнецкого И. Маметьев не скрывал, что подделывает метрики, а жена, ему ассистировавшая, не пренебрегает телесными наказаниями. С них ли пошло, теперь не установить.

В 1981-м процесс развивался. Чемпионат проходил в Олимпийском при полных трибунах. Победила московская школьница Оля Бичерова. Относился и отношусь к ней с огромной симпатией, не в чем мне девочку винить. Но после награждения на пресс-конференции кто-то из зарубежных журналистов поинтересовался возрастом Оли (согласно международным правилам, грань взрослости участницы — 15 лет). Ответ и был — пятнадцать. Тогда журналист вынул из кармана стартовый протокол прошедшего два месяца назад чемпионата страны, из которого следовало, что чемпионке не исполнилось и четырнадцати. «Опечатка»,— прозвучало из президиума. Тот журналист был дока: достал другой протокол — международных детских соревнований. И там та же цифра. Ведущий покраснел, как скатерть президиума, но бестрепетно ответствовал: «Опечатка».

Позже я спросил Олиного тренера Бориса Орлова, умного, порядочного человека, как оно все вышло. «Меня вызвал старший тренер сборной и без слов вручил ее заграничный паспорт с неверным годом рождения. С того все и пошло. Но у нее хоть метрика правильная, а сколько у других поддельных?»

Говорили, что Павлов был сильно разгневан этой историей. Но дело замяли, и наказаний не последовало.

В 1983 году он был переведен на дипломатическую работу. Пришел Марат Владимирович Грамов — с поста заместителя заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС.

И вскоре при нем случилось (но решилось, конечно, на более высоком уровне) то, что с позиций нового политического мышления выглядит ошибкой: мы отказались участвовать в Олимпиаде в Лос-Анджелесе. При видимой весомости мотивов мировая общественность все равно увидела в этом реванш за отказ американцев от Олимпиады-80. Четыре года назад мы хаяли «раскольников олимпийского движения» за организацию «ублюдочных альтернативных Игр», четыре года спустя сами провели в дни Лос-Анджелеса «Игры дружбы», наших чемпионов щедро, по-олимпийски, вознаградили, а всех участников отправили в сказочный круиз по Черному морю (развлекайся, ешь-пей бесплатно такое, о чем уж и забыли).

Это, видимо, было последней крупной акцией «эпохи застоя». Хотя сеульский режим нам чужд, ошибка в 1988 году не повторилась. Прозвенели 55 золотых медалей, премии за победы достигли 12 тысяч рублей и некоей суммы в валюте. О том, доказывает ли успех, что в стране подлинно физкультурный климат, лучше всего расскажут работники военкоматов — пополнение идет хилое...

Мне осталось несколько строк: сегодняшние события у всех на виду. Может быть, кто-то из моих ровесников и тех, кто постарше, страдальчески морщится, узнавая, что вот-де еще одну профессиональную команду мы создали, еще одну звезду «продали» за границу (хотя между понятиями «трансфер» и «продажа» большая разница), что, скажем, футболисты, а вслед за ними и другие принимают меры к образованию профессионально-творческих союзов и сражаются за независимость с чиновниками; что хоккеисты ЦСКА безнаказанно учинили «офицерский путч»...

Собственно, все началось с того, что МОК допустил официальных профессионалов на Олимпиады. Поскольку множеству людей ясно, что «чистых любителей» в мире большого спорта не осталось, МОК просто решил «кошку назвать кошкой». Не знаю, кому как, а мне кажется, что эту заслугу нынешнего президента МОК Хуана-Антонио Самаранча будут помнить наряду с заслугами основателя олимпийского движения Пьера де Кубертена.

Время и новое мышление диктуют новые подходы. И руководство Госкомспорта при его, скажем так, невеликой приязни к понятию «гласность» (что свойственно большинству министерских аппаратов — оно от других отличается лишь тем, что в ответ на все печатные наскоки который год хранит глухое молчание) волей-неволей подверглось перестройке. Здание на Лужнецкой набережной «снялось с якоря» и плывет в общем потоке времени.

Последнее, что тревожит. Недавно нам, читателям, сообщили, что мы взялись провести у себя очередную Универсиаду. Дорогое будет удовольствие. Не употребить ли деньги лучше на развитие массового студенческого спорта страны? И вообще, не подтянуть ли ремешок по части организации крупных международных состязаний — на время, конечно? Пока не станет легче жить. «Хлеба и зрелищ?» Зрелища — это прекрасно, но без хлеба не проживешь.

ОЖОГ

● *Сегодня, когда боль от недавней трагедии несколько улеглась, словно бы угомонилась на донышке души, свернулась в комочек, чтобы не пораниться, не уцепиться больными своими краями о новые занозы, когда уже известны первопричины, авария на железной дороге, почти в девяноста километрах от Уфы, кажется не просто страшным сном. Такое и во сне не придумать. Тогда о чем же эта явь?*

Про несколько сот погибших на башкирском железнодорожном перегоне мы скажем: господи, прими их душу грешную. И он — примет. Потому что теперь-то они безгрешны. Но всегда и во всем мы должны находить истинных грешников. Ибо порой самый малый грех оборачивается такой большой стороной, что сразу и не ухватишь, не оценишь.

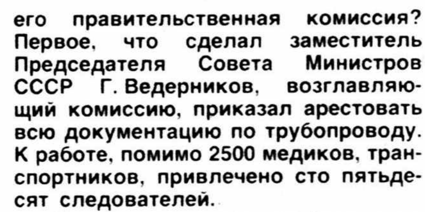
...Трубопровод длиной 1850 километров спроектирован в 1982 году, строительство начато в восемьдесят третьем, закончено в восемьдесят пятом. Утечки конденсата были и в восемьдесят пятом, и в восемьдесят шестом, и в восемьдесят седьмом. Как не раз писали центральные газеты, при строительстве подобных трубопроводов почти всегда допускаются нарушения технологической дисциплины. В итоге, утверждают специалисты, только на основных магистралях ежегодно происходит до двух десятков крупных аварий. Потому-то и решили уменьшить мощность этого продуктопровода. Поэтому считалось, что соседство с железной дорогой — не страшно.

Была ли утечка конденсата незадолго до трагедии? Конечно, была.

Другой вопрос: с какого времени она началась? В близлежащей деревне утверждают, что здесь давно уже попахивало газом. Говорят, что и работники трубопровода обнаружили течь. Чтобы как-то компенсировать потери, они прибавили атмосфер. Высокое давление выдавливало конденсат в лощину. Он скапливался в невидимое озеро, которое вскорости перельется на рельсы и заполнит всю округу. И в это газовое озеро вскоре после полуночи «окунутся» сразу два пассажирских состава: «Новосибирск — Адлер» и «Адлер — Новосибирск». Перед машинистом Виктором Безверхим встанет туманная стена, и он схватится было за рычаги, но его выбросит вперед страшным взрывом вместе с рабочим

креслом — в лобовое стекло. Кресло сработает как катапульта. И одновременно — как спасительный бронежилет. Виктор будет потом долго ползти до ближайшего жилья, указывая дорогу оставшимся в живых пассажирам.

Спрашиваю министра В. Динкова: что в это время показывала аппаратура? Оказывается, в первую очередь она срабатывает при повышении давления хотя бы на одну атмосферу. При падении давления приборы куда менее чувствительны. А почему лет десять назад на подобных трубопроводах взяли и упразднили штат путевых обходчиков?

Может быть, вернуть их на трассу?

Наверное, ответ неполный. Он грешит недоговоренностью. Примет ли его правительственная комиссия? Первое, что сделал заместитель Председателя Совета Министров СССР Г. Ведерников, возглавляющий комиссию, приказал арестовать всю документацию по трубопроводу. К работе, помимо 2500 медиков, транспортников, привлечено сто пятьдесят следователей.

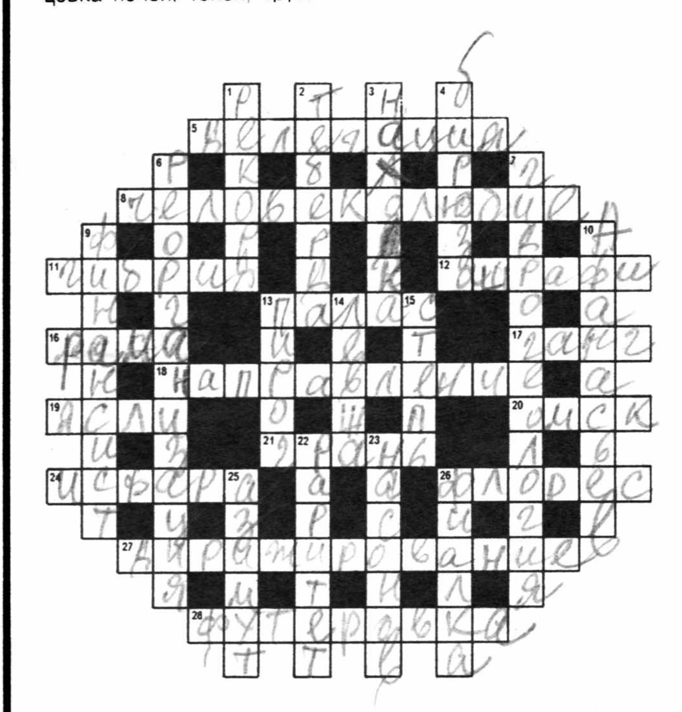
...Диктую эти слова из больницы, где умирают люди. И все равно в этой больнице нет слез. Потому что обожженные, обгорелые люди боятся плакать. Человеку больно даже оттого, что он двигает глазами...

Николай КРИВОМАЗОВ,
Эдуард ЭТТИНГЕР (фото)

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Выборные представители, уполномоченные коллективом. 8. Гуманность. 11. Организм, полученный в результате скрещивания. 12. Узбекский композитор и дирижер, народный артист СССР. 13. Безворсовый ковер. 16. Несущая часть машины, установки. 17. Река в Индии и Бангладеш. 18. Линия движения, путь развития. 19. Воспитательное учреждение для маленьких детей. 20. Областной центр в Западной Сибири. 21. Плоская часть поверхности геометрического тела. 24. Старинный город в Ленинабадской области Таджикистана. 26. Один из Малых Зондских островов в Индонезии. 27. Управление оркестром, хором, ансамблем. 28. Защитная внутренняя облицовка печей, топок, труб.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Высший показатель, достигнутый в состязании, в работе. 2. Приток Кубани. 3. Персонаж романа М. Горького «Мать». 4. Драгоценный камень. 6. Преобразование, перестройка. 7. Наука о подземных водах. 9. Роман Т. Драйзера. 10. Литературовед, фольклорист, автор сборника «Народные русские сказки». 13. Печеное изделие из теста с начинкой. 14. Сказ Н. С. Лескова. 15. Безлесное ровное пространство с травянистой растительностью. 22. Редкая, ценная вещь. 23. Советский зоолог, академик, инициатор комплексного изучения Байкала. 25. Одна из координат системы горизонтальных координат в астрономии. 26. Декоративное травянистое растение, цветок.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 23

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Экология. 8. Кислород. 9. Орангутан. 12. Дюшес. 13. Паспорт. 15. Авлос. 18. Жерико. 19. Выдра. 21. Акимов. 22. Террариум. 25. Дежнев. 26. Нарва. 27. Триест. 28. Ветвь. 29. Запятая. 32. Архип. 35. Звенигово. 36. Глазунов. 37. Ландшафт.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Леонов. 2. Шелонь. 3. «Большевик». 4. Гитара. 5. Лихтер. 6. «Гробовщик». 10. Кюхельбекер. 11. Соколовский. 14. Педиатрия. 16. «Полтава». 17. Шахматы. 19. Ворон. 20. Анива. 23. Универсам. 24. Гидростат. 30. Ацетон. 31. Аромат. 33. Азбука. 34. Солдат.

Как-то скульптор Михаил Духомёнок сказал: «Я люблю затертые отработанные темы, потому что в них возможен поворот». И действительно, в своем творчестве он легко и бесстрашно обращается к обыденному, к миру повседневности.

На его выставках одинаково интересно смотреть и на скульптуры, и на зрителей. Наблюдать, как настороженность переходит в улыбку, улыбка — в легкую грусть. Юмор, заложенный во многих его произведениях — первый импульс, ими излучаемый,— тонко и деликатно раскрепощает наше воображение и сознание.

ОГОНЁК

Михаил Духомёнок живет в Таллинне. Он белорус, родился в Ленинграде, но еще ребенком переехал с родителями в Эстонию. Окончил Таллиннский государственный художественный институт. Считает себя учеником известного эстонского скульптора Олава Мянни.

Его становление как художника происходило на ниве эстонской культуры. И все-таки, вобрав в себя традиционные ее особенности — чувство меры, продуманное философское отношение к форме, сочетание в работах сдержанности с мощной внутренней силой,— его творчество стоит как бы особняком. Ибо неизбежно проступает в искусстве Михаила Духомёнка особый колорит: чисто славянские эмоциональность и непосредственность...

Майра САЛЫКОВА
Фото Юрия ФЕКЛИСТОВА

